

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*Психологические
науки*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАРТНЁРСТВЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН,
СОСТОЯЩИХ В ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
И В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

ИЗМЕНЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ
К ДИСТАНЦИОННОМУ ОБУЧЕНИЮ ВО ВРЕМЯ
ПАНДЕМИИ COVID-19

2022 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" on the following scientific specialties: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. — д. псих. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Иванников В. А. — академик Российской академии образования, д. псих. н., проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карабанова О. А. — д. псих. н., проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Карри К. — д. псих. н., Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д. псих. н., профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. — д. псих. н., координатор исследований, Хайфский университет (Государство Израиль)

Утлик Э. П. — д. псих. н., проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. — д. псих. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Эрнер И. — д. псих. н., проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2022. — № 1. — 164 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences»
Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

O. A. Karabanova – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Doctor in Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Doctor in Psychology, Professor, Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Doctor of Psychology, Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, State University of Management

M. V. Firsov – Doctor of History, Professor, Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in psychology, Professor, City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2022. – № 1. – 164 p.

© MRSU, 2022.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Болдырева Т. А., Зубова Л. В., Полосухина Р. Е.* Развитие неблагоприятных эмоциональных состояний в период ограничительных мер, введённых в связи с новой коронавирусной инфекцией. 6
- Утлик Э. П.* Б. М. Теплов о практическом мышлении военного профессионала . . 23

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Неврюев А. Н.* Обзор зарубежных исследований поляризации аттитюдов при спорах, диспутах 39
- Позняков В. П., Панфилова Ю. М.* Представления о партнёрстве мужчин и женщин, состоящих в добрачных отношениях и в зарегистрированном браке . . 53
- Потанина А. М.* Анализ новостного медиа-дискурса вокруг трудноразрешимого межгруппового конфликта. 69
- Цветкова Н. А., Эгамбердиева Е. В.* Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и авторитарности у студентов, обучающихся в условиях межкультурного взаимодействия. 81

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- Воронин А. Н., Рафикова А. С.* Изменение эффективности обучения и межличностных отношений между студентами при переходе к дистанционному обучению во время пандемии COVID-19. 100
- Коногорская С. А.* Индивидуально-психологические особенности юношей, занимающихся экстремальными видами спорта 116
- Хаидов С. К., Басин М. А.* Влияние особенностей мотивации у специалистов без педагогического образования при его получении через дистанционную форму переподготовки 131

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

- Горбушина А. В., Телицына Е. А., Шишкина А. Н.* Особенности структуры мотивации профессиональной деятельности педагогов дошкольного образовательного учреждения с разным трудовым стажем 144

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- T. Boldyreva, L. Zubova, R. Polosukhina.* Development of Unfavorable Emotional States During the Period of Restrictive Measures Introduced in Connection with the New Coronaviral Infection. 6
- E. Utlik.* B. M. Teplov on the Practical Thinking of the Military Professional. 23

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- A. Nevryuev.* Review of Foreign Research on Attitude Polarization in Arguments and Disputes. 39
- V. Poznyakov, Yu. Panfilova.* Emotional Evaluation of Partnership in Pre-Marital and Marital Relations 53
- A. Potanina.* The Analysis of News Media Discourse Around Intractable Intergroup Conflict 69
- N. Tsvetkova, E. Egamberdieva.* Research of Ethnic Identity, Tolerance and Authoritarianism Among Students Studying in Conditions of Cross-Cultural Interaction 81

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

- A. Voronin, A. Rafikova.* Changes in the Learning Efficiency and Interpersonal Relationships Among Students During the Transition to Distance Learning During the COVID-19 Pandemic. 100
- S. Konogorskaya.* Individual Psychological Characteristics of Adolescents Involved in Extreme Sports 116
- S. Haidov, M. Basin.* The Influence of Motivation Peculiarities on Specialists Without Pedagogical Education When It Is Received Through a Remote Form of Retraining. . . 131

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

- A. Gorbushina, E. Telitsyna, A. Shishkina.* Features of the Structure of Motivation for the Professional Activity of Teachers of a Preschool Educational Institution with Different Work Experience 144

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.922.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-6-22

РАЗВИТИЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В ПЕРИОД ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР, ВВЕДЁННЫХ В СВЯЗИ С НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИЕЙ

Болдырева Т. А., Зубова Л. В., Полосухина Р. Е.

Оренбургский государственный университет

460018, Оренбургская обл., г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13, Российская Федерация

Аннотация

Цель данной работы состояла в выявлении факторов и их сочетаний, препятствующих развитию у людей, пребывающих в ситуации вынужденной самоизоляции и неблагоприятных эмоциональных состояний. Достижение поставленной цели осуществлялось посредством разрешения двух взаимосвязанных задач: оценки влияния микросоциальных и экономических факторов на эмоциональное состояние людей, пребывающих в вынужденной самоизоляции, и выявления содержательных характеристик семантического пространства личности людей без признаков неблагоприятного эмоционального состояния в период самоизоляции.

Процедура и методы. Исследование состояло из нескольких этапов. Первоначально рассматривались диагностические возможности опросного и семантического методов для оценки выраженности неблагоприятного эмоционального состояния, затем на основании композитной оценки неблагоприятного эмоционального состояния сравнивались группы людей, проживающих в городах Санкт-Петербург, Оренбург, Актобе. На следующем этапе также на основе композитной оценки эмоционального состояния респондентов генеральная выборка была разделена на две группы посредством кластерного анализа по методу к-ближайших соседей. В эмпирически выделенных группах производилось сравнение корреляционных связей между предложенными для оценивания с помощью метода семантического дифференциала понятиями, а также значений по факторам силы, оценки и активности в пространстве ЕРА. В качестве частных психодиагностических методик были использованы: копинг-тест Р. Лазаруса, семантический дифференциал (классический вариант Ч. Осгуда) и авторская анкета.

Результаты. Обнаружено отсутствие достоверных различий между группами людей, пребывающих в разных микросоциальных и экономических условиях, по наличию / отсутствию признаков неблагоприятного эмоционального состояния; при сравнении эмпирически выделенных групп выявлено, что семантическое пространство людей с признаками неблагоприятного эмоционального состояния обладает существенными отличиями от такового у людей без признаков неблагоприятного эмоционального состояния.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлены характеристики отношения к факторам, выступающим основанием для мер ограничения привычного социального функционирования людей.

Ключевые слова: неблагоприятное эмоциональное состояние, тревога, депрессивные проявления, COVID-19, семантический дифференциал, копинг-поведение

DEVELOPMENT OF UNFAVORABLE EMOTIONAL STATES DURING THE PERIOD OF RESTRICTIVE MEASURES INTRODUCED IN CONNECTION WITH THE NEW CORONAVIRAL INFECTION

T. Boldyreva, L. Zubova, R. Polosukhina

Orenburg State University

prosp. Pobedy, 13, Orenburg region 460018, Orenburg, Russian Federation

Abstract

Aim of this work was to identify the factors (combinations of factors) that hinder the development of adverse emotional states in people in a situation of forced self-isolation. Achievement of this goal is carried out by solving two interrelated tasks: assessing the influence of microsocial and economic factors on the emotional state of people who are in forced self-isolation and identifying the meaningful characteristics of the semantic space of the personality of people without signs of an unfavorable emotional state during the period of self-isolation.

Procedure and Methods. The study consisted of several stages. Initially, the diagnostic capabilities of the questionnaire and semantic methods for assessing the severity of an unfavorable emotional state were considered, then, on the basis of a composite assessment of an unfavorable emotional state, groups of people living in the cities of St. Petersburg, Orenburg, Aktobe were compared. At the next stage, also based on the composite assessment of the emotional state of the respondents, the general sample was divided into two groups by means of cluster analysis using the k-nearest neighbors method. In empirically selected groups, a comparison was made of correlations between the concepts proposed for assessment by the method of semantic differential, as well as values for the factors of strength, assessment and activity in the ERA space.

R. Lazarus' coping test, semantic differential (the classic version by Ch. Osgood) and the author's questionnaire were used as private psychodiagnostic techniques.

Results. No significant differences were found between the groups of people living in different microsocial and economic conditions in the presence / absence of signs of an unfavorable emotional state, however, when comparing empirically selected groups, it was revealed that the semantic space of people with signs of an unfavorable emotional state has significant differences from that of people without a sign of an unfavorable emotional state.

Research implications. The characteristics of attitudes towards factors that serve as the basis for measures to limit the usual social functioning of people have been identified.

Keywords: unfavorable emotional state, anxiety, depressive manifestations, COVID-19, semantic differential, coping behavior

Введение

Изменения привычного уклада жизни населения, вызванные ограничительными мерами, введенными с целью снижения распространения заболевания новой коронавирусной инфекцией, рассматриваются с разных позиций. Оперативно появилось некоторое количество публикаций, рассматривающих психологические эффекты особых условий социального функционирования, в которых оказались не только россияне, но и люди по всему миру. Основной идеей отечественных и европейских публикаций явилось рассмотрение ситуации самоизоляции как травмирующего события, следствием которого явилось повышение общего уровня тревожности людей, проявлений депрессии. В частности, вынужденное повышение частоты коммуникаций с членами семьи, приспособление к новым формам обучения и работы способствовали обнажению внутрисемейных проблем. Наличие в семье пожилых родителей, бабушек, дедушек, людей более молодого возраста с хроническими заболеваниями, которые фигурировали в сообщениях СМИ как люди, находящиеся в ситуации повышенного риска, стало основанием для развития симптомов, схожих с симптомами посттравматического стрессового расстройства [2; 3; 4; 8; 10].

Однако детальный анализ эмпирических данных позволил выделить в этом массиве признаки позитивного влияния на эмоциональное состояние

людей изменения уклада жизни в период самоизоляции. Так, в исследовании, посвящённом стратегиям совладания в семье, которые применялись в период самоизоляции, авторы обнаружили положительные изменения в динамике отношений внутри семей, а именно: возросли показатели внимательности, стремления быть вместе, надёжности; для некоторых самоизоляция стала возможностью насладиться отношениями с партнёром, проработать недочёты и укрепить отношения. Особенно интересен тот факт, что семьи, имеющие детей, отметили появление возможности участия двух (а не преимущественно одного) родителей в воспитании [8].

Последовательный анализ доступных публикаций позволяет констатировать и динамический характер эффектов воздействия ограничительных мер на эмоциональное состояние людей, переживающих новый опыт социального функционирования. Так, по мере освоения дистанционных технологий взаимодействия многие студенты и сотрудники, чья работа может быть реализована вне рабочего места, стали отмечать оптимизацию использования рабочего времени, снижение стрессорных нагрузок, возникающих в результате длительного взаимодействия с коллегами, освоение возможностей компьютерных технологий для реализации актуальных трудовых и учебных задач [6; 7].

Следует отметить, что в ряде исследований было выявлено, что ха-

рактёр изменений эмоционального состояния людей в период действия ограничительных мер обладает некоторой связью с такими объективными факторами, как возраст, наличие ресурсов для выполнения привычных трудовых / учебных действий с применением информационных технологий, влияние ограничительных мер на материальное благосостояние человека [2; 9]. Однако влияние объективных факторов на эмоциональное состояние людей носит сложный, опосредованный субъективным отношением к переживаемой жизненной ситуации характер [1]. В этом смысле во многом обнаруженные связи оказались аналогичны субъективной оценке качества жизни [5; 11]. Эта идея получила неоднократное эмпирическое подтверждение в новейших европейских исследованиях: шведские, польские, датские научные работы констатируют, что, во-первых, в период пандемии и ограничительных мер существенно снизилась субъективная оценка качества жизни у всех возрастных групп; во-вторых, это снижение обладает статистически значимой связью с неблагоприятными эмоциональными состояниями у населения; в-третьих, развитие неблагоприятных эмоциональных состояний наиболее тесно связано с наличием в анамнезе людей психических расстройств [12; 13; 14; 15; 16], т. е. влияние объективного фактора, составляющего жизненную ситуацию людей, которые переживают изменение привычного режима социального функционирования в силу ограничительных мер, направленных на снижение уровня распространения COVID-19, опосредуются субъективным смыслом, который им придаётся.

В контексте обнаруженных аналогий **цель** предпринятого нами исследования состояла в том, чтобы выявить факторы (или сочетания факторов), которые препятствуют развитию неблагоприятных эмоциональных состояний у людей, пребывающих в условиях вынужденной самоизоляции.

Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

- 1) оценить влияние микросоциальных и экономических факторов на эмоциональное состояние людей, находящихся в самоизоляции;
- 2) выявить содержательные характеристики семантического пространства пребывающих в самоизоляции людей, способствующие нормализации эмоционального состояния.

В качестве **объекта** исследования выступили люди в возрасте 18–72 г., проживающие в России и в Казахстане, в Оренбурге, Санкт-Петербурге, Актобе. В число респондентов были включены как люди, находящиеся в группе риска (старше 65 лет), так и люди более молодого возраста.

Критерии включения в выборку:

1. Возраст не менее 18 лет.
2. Пребывание на момент проведения исследования в условиях самоизоляции (т. е. обязательно наличие изменения привычных условий жизнедеятельности в силу ограничительных мер, введённых в связи с профилактикой распространения новой коронавирусной инфекции).
3. Отсутствие в анамнезе личностных расстройств (т. е. психиатрического диагноза).

Критерии исключения из выборки:

1. Текущее или перенесённое в данный период заболевание COVID-19

или иное вирусное заболевание с неподтверждённым COVID-19.

2. Наличие у участника событий, связанных со смертью близких людей в период с начала 2020 г.

3. Продолжение активной трудовой деятельности в обычном, очном формате в период с марта по октябрь 2020 г. (т. е. представители таких профессий, как медицинские работники, сотрудники правоохранительных органов из подразделений, непосредственно связанных с обеспечением общественной безопасности, военнослужащие, в данной выборке не представлены).

Подобного рода ограничения при формировании выборки исследования обусловлены необходимостью исключения влияния на эмоциональное состояние респондентов биологических и соматических факторов, обладающих иной природой, нежели собственно ограничительные меры, а также исключением влияния на результаты исследования дополнительных стрессогенных факторов, связанных с постоянным высоким риском заражения.

В результате выборка в нашем исследовании имела следующие характеристики (табл. 1):

Таблица 1 / Table 1.

Характеристика выборки по трудовому статусу (n=215) / Characteristics of the sample by labor status (n=215)

Категория респондентов	Процент от общего объёма выборки	Характеристика актуального трудового статуса	Процент от общего объёма выборки
Работающие	45,2%	Продолжают трудовую деятельность в дистанционном формате	34,4%
		Выполнение трудовых функций в дистанционном формате невозможно, пребывают в вынужденном отпуске	10,6%
Не работающие	54,8%	Пенсионер	9,8%
		Домохозяйка	11,6%
		Студент	25,5%
		Утратившие работу в период ограничительных мер	7,9%

Источник: данные авторов.

В выборке представлены сотрудники сфер образования (педагоги общеобразовательных школ и дополнительного образования), сотрудники банковской сферы, сотрудники сферы обслуживания (бьюти-сферы и сферы общественного питания).

По месту жительства генеральная выборка распределялась следующим образом: 43,42% – жители г. Оренбурга, 29,77% – жители г. Санкт-Петербурга и 26,51% – жители г. Актобе.

Методы и методики исследования

Основным методом исследования был сравнительный. Сравнению подвергались данные, полученные при эмпирических выборках с помощью следующих психодиагностических методик:

1. Копинг-тест Р. Лазаруса.
2. Анкетный опрос (авторская разработка).
3. Семантический дифференциал (классический вариант Ч. Осгуда).

К оцениванию методом семантического дифференциала были предложены понятия, описывающие облигатные признаки актуальной жизненной ситуации респондентов, принявших участие в нашем исследовании: COVID-19, я, моя жизнь, моё здоровье, моё прошлое, болезнь, самоизоляция, семья, моё настоящее, моё будущее.

Использовался также статистический метод, в частности, оценка нормальности распределения данных (косвенный и расчётный), оценка достоверности различий Манна-Уитни, корреляционный анализ и кластерный анализ.

Данные были собраны посредством онлайн-коммуникаций с респондентами.

Опишем методику определения качества эмоционального состояния респондентов, которая была использована в нашем исследовании.

Методика включала трёхкомпонентную оценку эмоционального состояния респондентов:

1. Субъективная оценка (соответствующие вопросы в анкетировании).
2. Общий уровень напряжённости копингов (интегральная оценка

по опросному методу «Копинг-тест» Р. Лазаруса).

3. Оценка коннотативного значения понятий «самоизоляция» и «моя жизнь» для выявления наименее осознаваемого компонента актуального отношения к ситуации, в которой пребывает респондент.

Общая характеристика эмоционального состояния респондентов

Представим наиболее общие характеристики эмоционального состояния респондентов, включённых в нашу выборку. Так, согласно результатам анкетирования, эмоциональное состояние депрессивного спектра (угнетённость, тоску, безысходность) испытывают 18,14% респондентов от генеральной выборки. Неблагоприятное эмоциональное состояние в форме эмоций стенического спектра (тревогу, гнев, раздражение, агрессию) испытывали на момент обследования 20,93% респондентов. По городам распределение данных типов эмоциональных состояний выглядело следующим образом (рис. 1).

Как видно из рис. 1, по городам отмечилась разная степень выраженности неблагоприятных эмоциональных состояний. В нашем исследовании согласно всем перечисленным ранее параметрам выборки и проверке опросным и проективным методом оценки эмоциональных состояний выяснилось, что наиболее благоприятным по данному параметру выглядит г. Оренбург.

С этой целью мы сравнили распределение по выборкам значений общей напряжённости копинг-поведения и

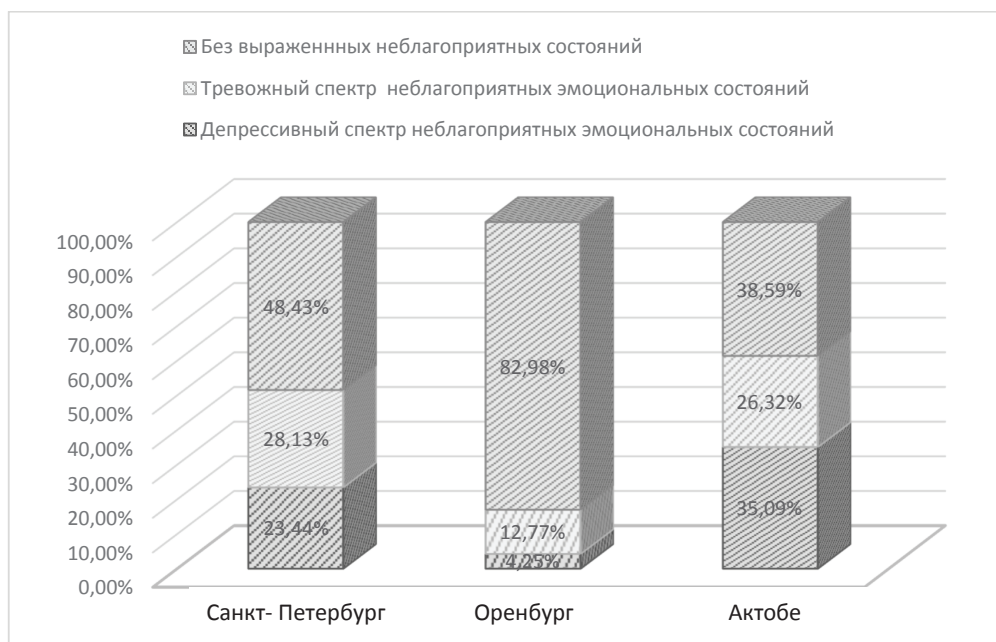

Рис. 1 / Fig. 1. Выраженность неблагоприятных эмоциональных состояний у респондентов, распределённых в частные выборки по признаку места жительства по данным анкетирования / The severity of unfavorable emotional states among respondents, distributed in private samples based on place of residence according to the survey data

Источник: данные авторов.

конфигурации в семантическом пространстве ЕРА (трёхмерном пространстве, заданном векторами оценки, силы и активности) понятий «моя жизнь» и «самоизоляция». В результате сравнения полученных корреляций между данными опросных методов, анкетирования и семантического исследования выявлено, что людям, испытывающим неблагоприятные эмоциональные состояния вне зависимости от их качества (депрессивного или тревожного спектра), характерна такая конфигурация (рис. 2).

Для респондентов, которые не проявляли неблагоприятных эмоциональных состояний на момент исследования, характерна иная конфигурация данных понятий (рис. 3).

После определения маркеров неблагоприятного эмоционального состояния при обследовании объективными психодиагностическими и семантическими методами выраженность неблагоприятного эмоционального состояния у респондентов, распределённых по месту жительства, выглядела несколько иным образом (данные вторичного анализа представлены на рис. 4).

При сравнении рисунков 1 и 4 видно, что, во-первых, прямой опрос не позволяет выявить объективную картину актуального эмоционального состояния респондентов и, во-вторых, выборки, распределённые по признаку места жительства, существенных различий между собой не имеют. Визуально регистрируемая схожесть

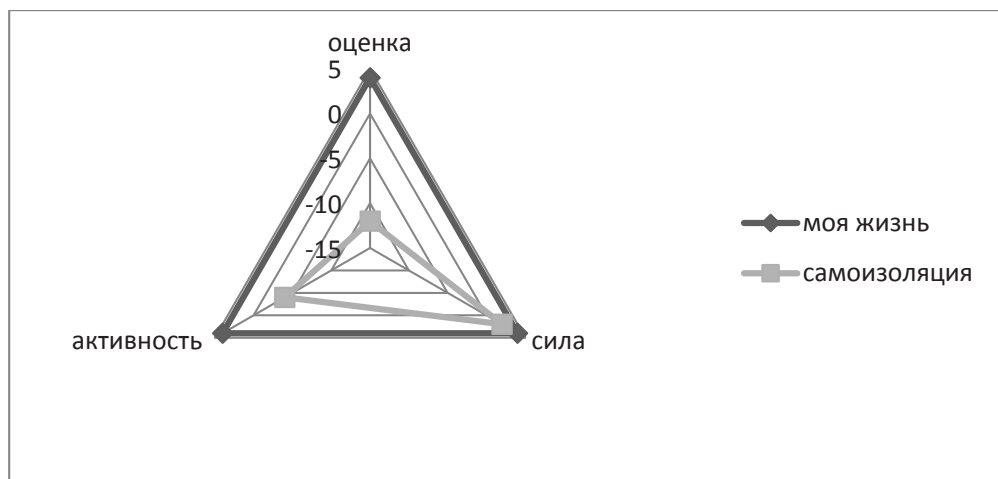

Рис. 2 / Fig. 2. Типичная конфигурация понятий «моя жизнь» и «самоизоляция» в трёхмерном семантическом пространстве оценки, силы и активности для респондентов с выраженными неблагоприятными эмоциональными состояниями / Typical configuration of the concepts “my life” and “self-isolation” in the three-dimensional semantic space of assessment, strength and activity for respondents with pronounced unfavorable emotional states

Источник: данные авторов.

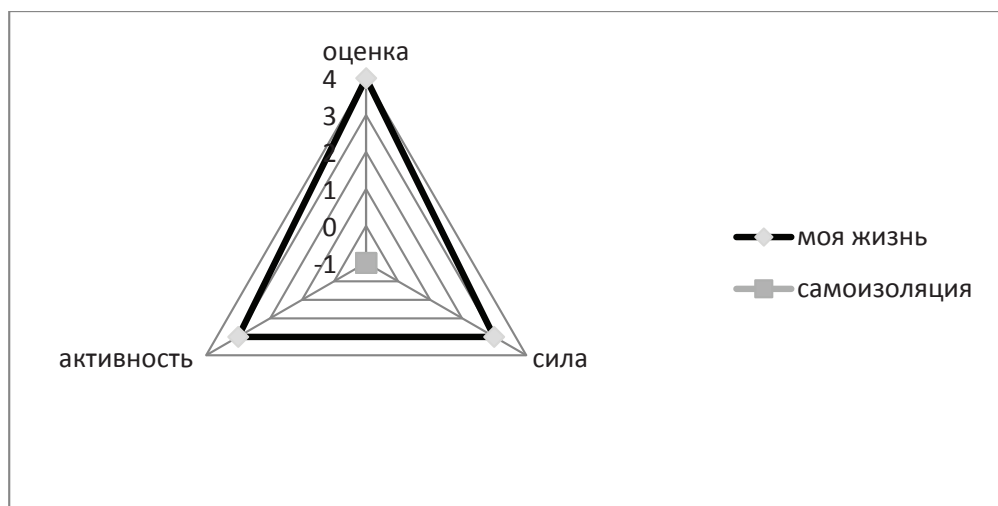

Рис. 3 / Fig. 3. Типичная конфигурация понятий «моя жизнь» и «самоизоляция» в трёхмерном семантическом пространстве оценки, силы и активности для респондентов с нормальным и благоприятным эмоциональным состоянием / Typical configuration of the concepts “my life” and “self-isolation” in respondents without signs of an unfavorable emotional state

Источник: данные авторов.

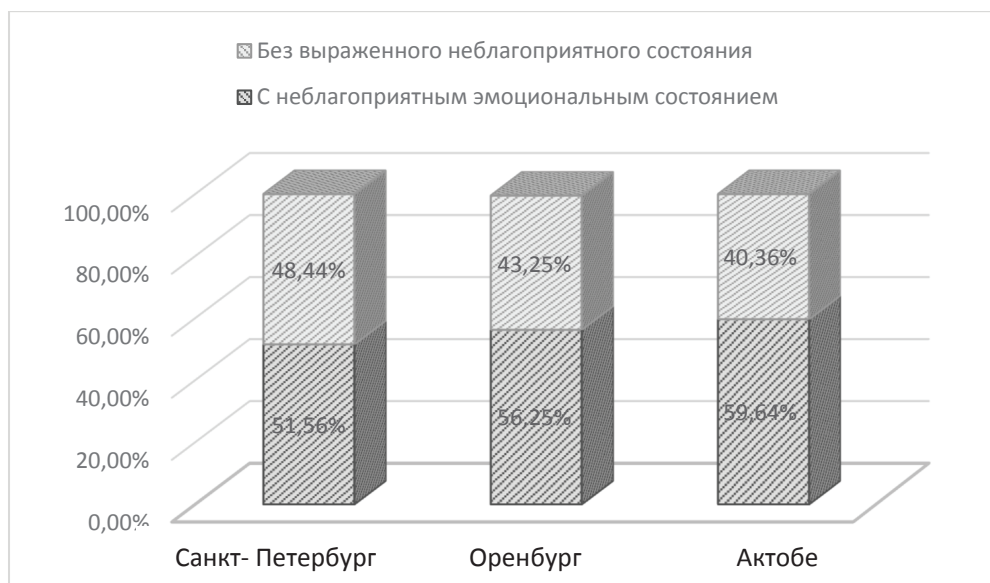

Рис. 4 / Рис. 4. Выраженность неблагоприятных эмоциональных состояний у респондентов, распределённых в частные выборки по признаку места жительства, по интегральной оценке методом анкетного опроса, объективного психодиагностического и сематического методов / The severity of unfavorable emotional states in respondents distributed in private samples based on place of residence according to an integral assessment using questionnaire survey methods, objective psychodiagnostic and sematic methods

Источник: данные авторов.

полученных данных подтверждается расчётными методами. По U-критерию Манна-Уитни достоверных различий в распределении данных признаков между выборками не обнаружено.

На основе полученных данных методом кластерного анализа генеральная выборка была разделена две группы (эмпирически выделенных):

1) группа респондентов с признаками неблагоприятных эмоциональных состояний;

2) группа респондентов без признаков неблагоприятных эмоциональных состояний.

Влияние микросоциальных и экономических факторов, учтённых в нашем исследовании (изменение тру-

дового статуса в период действия ограничительных мер – утрата работы или изменение условий осуществления трудовых функций; изменение материального благосостояния в период действия ограничительных мер; условия – квартира или частный дом, проживание в одиночестве или совместно с семьёй, наличие домашних животных) можно было бы констатировать, если бы между эмпирически выделенными группами людей с признаками неблагоприятного эмоционального состояния и без такового имели место достоверные различия. Однако достоверных различий по рассмотренным критериям между этими группами обнаружено не было.

Следовательно, влияние экономических и микросоциальных факторов

на эмоциональное состояние людей в период ограничительных мер не носят непосредственный характер.

**Сравнительный анализ
коннотативного значения
понятий, описывающих
объективную жизненную
ситуацию у респондентов с
признаками неблагоприятного
эмоционального состояния
и без таковых**

Анализ коннотативного значения понятий, представляющих собой обидные признаки актуальной жизненной ситуации респондентов, пребывающих в ситуации вынужденной самоизоляции, позволил обнаружить

статистически значимые различия между эмпирически выделенными группами по данным методики «Семантический дифференциал».

На рисунке 5 в сравнительном аспекте представлена конфигурация семантического пространства (по фактору оценки) по предложенным к оцениванию понятиям у респондентов, проявляющих признаки эмоционального неблагополучия, и у респондентов без признаков эмоционального неблагополучия.

Как видно из рисунка, отмечается некоторая близость коннотативного значения понятий «самоизоляция» и «моё настоящее» при хорошо просматривающихся различиях относительно других понятий.

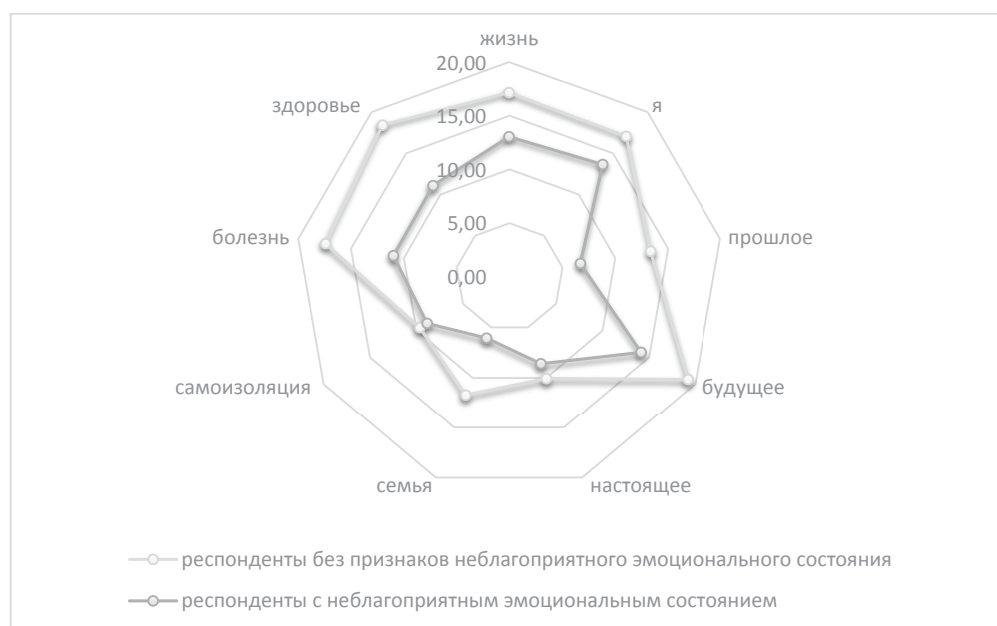

Рис. 5 / Fig. 5. Конфигурация семантического пространства респондентов с признаками неблагоприятного эмоционального состояния и без таковых по отношению к понятию «COVID-19» / Configuration of the semantic space of respondents with and without signs of an unfavorable emotional state in relation to the concept of “COVID-19”

Источник: данные авторов.

Также достоверные различия отмечались у респондентов, вошедших в разные эмпирические группы в коннотативном значении понятия COVID

–19. На рисунке 6 представлены медианные значения по данному понятию в сравнительном аспекте.

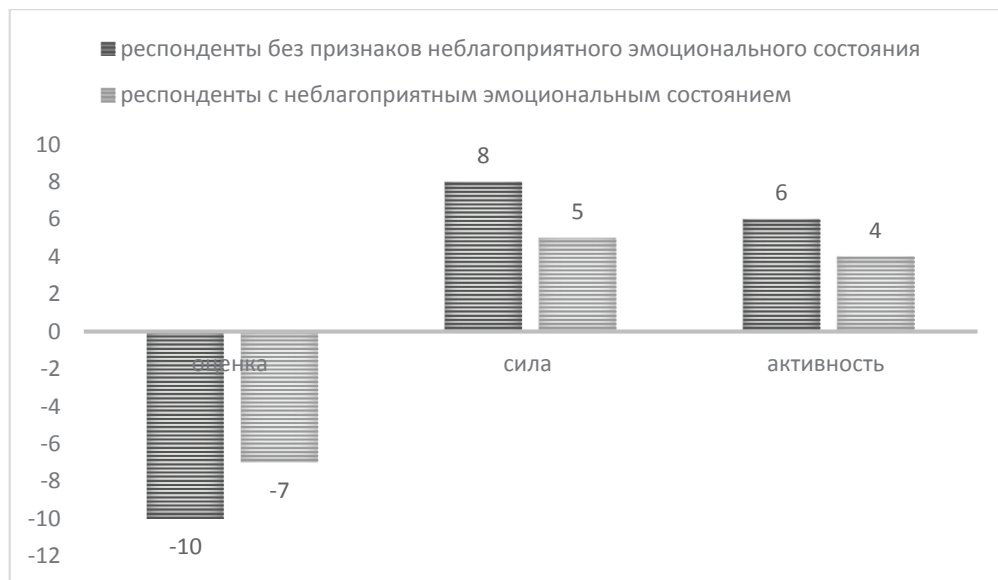

Рис. 6 / Fig. 6. Коннотативные значения понятия COVID-19 респондентов с признаками неблагоприятного эмоционального состояния и без таковых / Connotative meanings of COVID-19 of respondents with and without signs of an unfavorable emotional state

Источник: данные авторов.

Коннотативные значения понятия COVID-19 у респондентов без признаков эмоционального неблагополучия обладают большей негативной значимостью, нежели у респондентов с признаками неблагоприятного эмоционального состояния.

Однако, как видно из рисунков 7 и 8, соотношение понятий «COVID-19» и «моя жизнь» у респондентов сравниваемых групп существенно различаются в пространстве EPA.

Если у респондентов с неблагоприятным эмоциональным состоянием коннотативные значения понятий «COVID-19» и «самоизоляция» противопоставлены в пространстве EPA

(понятие «самоизоляция» имеет следующие медианные значения по группе: оценка – 0, сила – 1, активность – 1), то у респондентов без признаков неблагоприятных эмоциональных состояний «самоизоляция» определяется как понятие, близкое по своим значениям к понятию «COVID-19», но с менее выраженным негативным медианным значением по фактору оценки (у данной группы медианные значения по понятию «самоизоляция» составили: оценка – 5, сила – 0, активность – 2). Оценка достоверности различий по отмеченным понятиям позволяет констатировать их статистическую значимость.

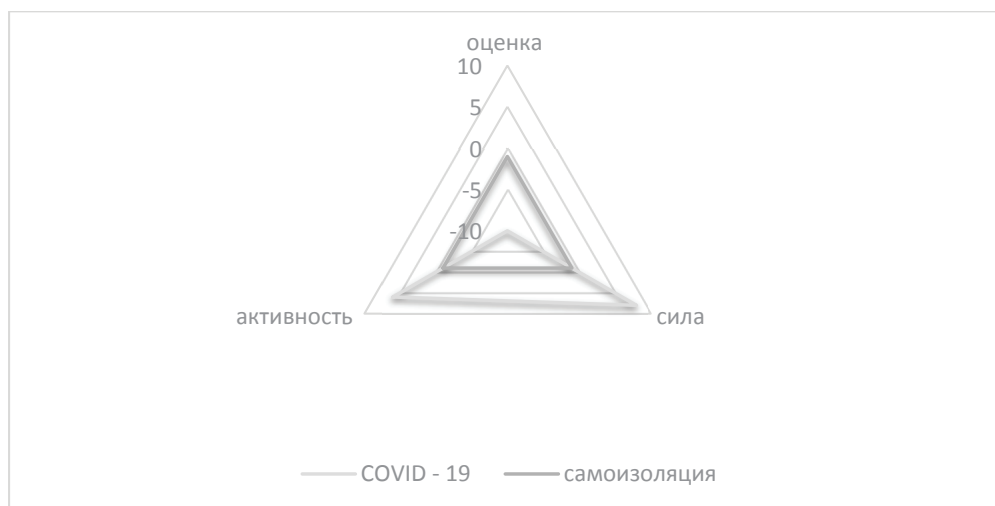

Рис. 7 / Fig. 7. Конфигурация понятий «COVID-19» и «самоизоляция» у респондентов с признаками неблагоприятного эмоционального состояния / Configuration of the concepts of “COVID-19” and “self-isolation” in respondents with signs of an unfavorable emotional state.

Источник: данные авторов.

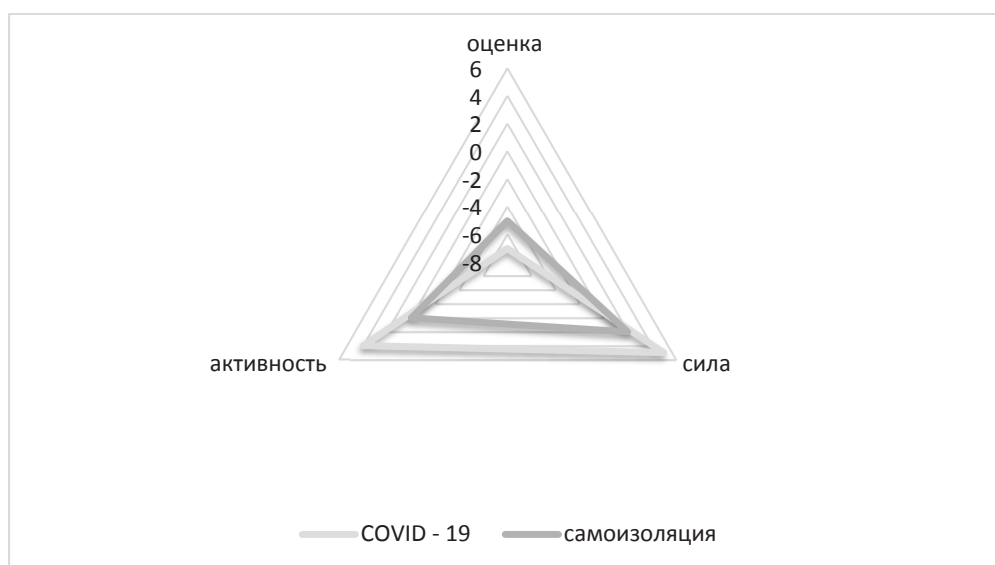

Рис. 8 / Fig. 8. Конфигурация понятий «COVID-19» и «самоизоляция» у респондентов без признаков неблагоприятного эмоционального состояния / Configuration of the concepts of “COVID-19” and “self-isolation” in respondents without signs of an unfavorable emotional state

Источник: данные авторов.

Заключение

Анализ результатов проведённого исследования даёт основания утверждать, что неблагоприятное эмоциональное состояние людей в период действия ограничительных мер, вводимых в связи с предупреждением распространения новой коронавирусной инфекции, обуславливается действием экономических и микросоциальных факторов, хотя данная детерминация не является непосредственной. Объективные факторы воздействуют на эмоциональное состояние опосредованно, через призму сформировавшегося у человека отношения к фактору угрозы, ставшему причиной изменения привычной модели социального функционирования.

Поскольку целью исследования выступил поиск факторов, препятствующих развитию неблагоприятных эмоциональных состояний людей, пребывающих в ситуации самоизоляции, описанные результаты исследования позволяют констатировать, что в качестве такового выступает определённая конфигурация коннотативных значений, составляющих актуальную жизненную ситуацию людей, пребы-

вающих в самоизоляции. Так, семантическое пространство пребывающего в самоизоляции человека и не проявляющего признаков неблагоприятных эмоциональных состояний имеет следующие характеристики:

1. COVID-19 представляется опасным заболеванием. Само понятие имеет ярко выраженную отрицательную оценку: человеком признаётся высокий уровень опасности, связанный с инфекцией, вероятность заражения также рассматривается как высокая.

2. COVID-19 не ассоциируется у человека с его прошлым опытом болезненных состояний, а возможность заражения не воспринимается как неизбежность.

3. Самоизоляция в сознании респондента обладает тесной связью именно с новой коронавирусной инфекцией.

Отмеченное сочетание факторов носит протекционный характер для развития неблагоприятных эмоциональных состояний людей, пребывающих в ситуации действия ограничительных мер, введённых с целью распространения COVID-19.

Статья поступила в редакцию 23.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Битюцкая Е. В. Смысл угрозы и угроза смыслу: моделирование восприятия ситуации пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 21–39. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-21-39
2. Ботова М. М. Детерминация страха заражения в период распространения новой коронавирусной инфекции и особых условий жизни общества // Шаг в науку. 2021. № 2. С. 69–73.
3. Кузина Н. В. Информационная безопасность в условиях пандемии: методы стабилизации состояния социума в электронных СМИ и Интернете // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 9. С. 356–394. DOI: 10.33619/2414-2948/58/38
4. Медведев В. Э., Доготарь О. А. COVID-19 и психическое здоровье: вызовы и первые выводы // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2020. Т. 12. № 6. С. 4–10.
5. Назаренко Е. В., Кириенко А. А. Субъективное благополучие как психологическая

- категория // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире: сборник трудов участников III Международной научно-практической конференции, Москва, 06–07 апреля 2017 г. / под ред. Н. Л. Сунгуровой. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 240–244.
6. Сиврикова Н. В., Харланова Е. М. Стратегии поведения цифровых аборигенов в период пандемии COVID-19 // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 648–655.
 7. Сидячева Н. В., Губанов А. В., Зотова Л. Э. Социально-психологические детерминанты психологического самочувствия в период пандемии COVID-19: данные международного исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 82–98. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-82-98
 8. Крюкова Т. Л., Екимчик Т. П., Опекина Н. С. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 120–134. DOI: 10.17759/sps.2020110409
 9. Тхоржевская Л. В., Потапская Б. А. Сравнительный анализ лояльности людей к ограничительным мерам в условиях распространения коронавирусной инфекции в зависимости от места проживания // Шаг в науку. 2021. № 3. С. 104–108.
 10. Ушаков Д. В., Юревич А. В., Юревич М. А. Экспертный опрос о психологическом контексте коронавирусной эпидемии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 115–153. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.004
 11. Щербинина О. А. Состояние проблемы критериев оценки качества жизни населения // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Оренбург, 29–30 мая 2019 г. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2019. С. 336–341.
 12. An impact of the COVID-19 pandemic on symptoms of anxiety and depression and health-related quality of life in older patients with chronic kidney disease / C. G. N. Voorend, M. Oevelen, M. Nieberg, Y. Meuleman, C. F. N. Franssen, H. Joosten, N. C. Berkhout-Byrne, A. S. Abrahams, S. P. Mooijjaart, W. J. W. Bos, M. van Buren // BMC Geriatrics [сайт]. 2021. № 21 (650). URL: <https://bmgeriatr.biomedcentral.com> (дата обращения: 10.11.2021).
 13. Fear of COVID-19 and Life Satisfaction: The Role of the Health-Related Hardiness and Sense of Coherence [Электронный ресурс] / Ja. Dymecka, R. Gerymski, R. Machnik-Czerwik, A. Derbis, R. Bidzan // Psychiatry. 2021. № 1. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsy.2021.712103/full> (дата обращения 10.11.2021).
 14. Mental health before and during the COVID-19 pandemic in two longitudinal UK population cohorts / A. Kwong, R. Pearson, M. Adams, K. Northstone, K. Tilling, D. Smith, N. Timpson // The British Journal of Psychiatry. 2021. № 218 (6). P 334–343. DOI: 10.1192/bjp.2020.242
 15. McCracken L., Badinlou F., Buhrman M. Psychological impact of COVID-19 in the Swedish population: Depression, anxiety, and insomnia and their associations to risk and vulnerability factors [Электронный ресурс] // European Psychiatry. № 63 (1). URL: <https://10.1192/j.eurpsy.2020.81> (дата обращения: 10.11.2021).
 16. Mental well-being, health, and locus of control in Danish adults before and during COVID-19 [Электронный ресурс] / H. Würtzen, L. Clausen, P. Andersen, Z. Santini, J. Erkmen, H. Pedersen // Acta Neuropsychiatrica. 2021. № 1 (17). URL: 10.1017/neu.2021.37 (дата обращения: 10.11.2021).

REFERENCES

1. Bityuckaya E. V. [The meaning of an outbreak and the threat of suspicion: modeling the situation of detection of the COVID-19 pandemic]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 4, pp. 21–39. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-21-39
2. Botova M. M. [Determining the risk of infection during a new outbreak of coronavirus infection and the special conditions of society]. In: *Shag v nauku* [Step into science], 2021, no. 2, pp. 69–73.
3. Kuzina N. V. [Information security in a pandemic: cases of the emergence of society in the electronic media and the Internet]. In: *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 2020, vol. 6, no. 9, pp. 356–394. DOI: 10.33619/2414-2948/58/38
4. Medvedev V. E., Dogotar' O. A. [COVID-19 and mental health: challenges and first conclusions]. In: *Nevrologiya, nejropsihiatriya, psichosomatika* [Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics], 2020, vol. 12, no. 6, pp. 4–10.
5. Nazarenko E. V., Kirienko A. A. [Subjective well-being as a psychological category]. In: Surgunova N. L., ed. *Aktual'nye problemy psikhologii i pedagogiki v sovremennom mire: sbornik trudov uchastnikov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 06–07 aprelya 2017 g.* [Actual problems of psychology and pedagogy in this world: a collection of works of participants in the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 06–07, 2017]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2017, pp. 240–244.
6. Sivrikova N. V., Harlamova E. M. [Behavioral strategies of digital natives during the COVID-19 pandemic]. In: *Gercenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen readings: psychological research in education], 2020, no. 3, pp. 648–655.
7. Sidyacheva N. V., Gubanov A. V., Zotova L. E. [Socio-psychological determinants of psychological well-being during the COVID-19 pandemic: data from international studies]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 4, pp. 82–98. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-82-98
8. Kryukova T. L., Ekimchik T. P., Opekina N. S. [Stress and coping in the family during self-isolation during the COVID-19 pandemic]. In: *Social'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2020, vol. 11, no. 4, pp. 120–134. DOI: 10.17759/sps.2020110409
9. Thorzhevskaya L. V., Potapskaya B. A. [Comparative analysis of people's loyalty to restrictive measures in the context of the spread of coronavirus infection depending on the place of residence]. In: *Shag v nauku* [Step into science], 2021, no. 3, pp. 104–108.
10. Ushakov D. V., Yurevich A. V., Yurevich M. A. [Expert survey on the psychological development of the coronavirus epidemic]. In: *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2020, vol. 5, no. 2 (18), pp. 115–153. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.004
11. Shcherbinina O. A. [The state of the problem of assessing the quality of life of the population]. In: *Social'no-gumanitarnye innovacii: strategii fundamental'nyh i prikladnyh nauchnyh issledovanij: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Orenburg, 29–30 maya 2019 g.* [Social and humanitarian innovations: strategies for fundamental and applied scientific research: materials of the All-Russian scientific and practical conference, Orenburg, May 29–30, 2019]. Orenburg, Orenburg State University Publ., 2019, pp. 336–341.
12. Voorend C. G. N., Oevelen M., Nieberg M., Meuleman Y., Franssen C. F. N., Joosten H., Berkhout-Byrne N. C., Abrahams A. S., Mooijaart S. P., Bos W. J. W., van Buren M. An im-

- fact of the COVID-19 pandemic on symptoms of anxiety and depression and health-related quality of life in older patients with chronic kidney disease. In: *BMC Geriatrics*, 2021, no. 21 (650). Available at: <https://bmcgeriatr.biomedcentral.com> (accessed: 10.11.2021).
13. Dymecka Ja., Gerymski R., Machnik-Czerwik R., Derbis A., Bidzan R. Fear of COVID-19 and Life Satisfaction: The Role of the Health-Related Hardiness and Sense of Coherence. In: *Psychiatry*, 2021, no. 1. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyt.2021.712103/full> (accessed: 10.11.2021).
14. Kwong A., Pearson R., Adams M., Northstone K., Tilling K., Smith D., Timpson N. Mental health before and during the COVID-19 pandemic in two longitudinal UK population cohorts. In: *The British Journal of Psychiatry*, 2021, no. 218 (6), pp. 334–343. DOI: 10.1192/bjp.2020.242
15. McCracken L., Badinlou F., Buhrman M. Psychological impact of COVID-19 in the Swedish population: Depression, anxiety, and insomnia and their associations to risk and vulnerability factors. In: *European Psychiatry*, no. 63 (1). Available at: <https://10.1192/j.eurpsy.2020.81> (accessed: 10.11.2021).
16. Würtzen H., Clausen L., Andersen P., Santini Z., Erkmén J., Pedersen H. Mental well-being, health, and locus of control in Danish adults before and during COVID-19. In: *Acta Neuropsychiatrica*, 2021, no. 1 (17). Available at: [10.1017/neu.2021.37](https://doi.org/10.1017/neu.2021.37) (accessed: 10.11.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Болдырева Татьяна Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета;

e-mail: ttatianna@yandex.ru; ORCID: 000-0001-7589-0579

Зубова Людмила Викторовна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета;

e-mail: obps@mail.osu.ru

Полосухина Рита Евгеньевна – сотрудник Лаборатории психологического обеспечения деятельности человека Института социально-гуманитарных инноваций и массмедиа, Оренбургского государственного университета;

e-mail: obps@mail.osu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana A. Boldyreva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of General Psychology and Psychology of Personality, Orenburg State University;

e-mail: ttatianna@yandex.ru; ORCID: 000-0001-7589-0579

Lyudmila V. Zubova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Head of the Department of General Psychology and Psychology of Personality, Orenburg State University;

e-mail: obps@mail.osu.ru

Rita E. Polosukhina – Employee of the Laboratory of Psychological Support of Human Activity, Institute of Social and Humanitarian Innovations and Mass Media, Orenburg State University;

e-mail: obps@mail.osu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Болдырева Т. А., Зубова Л. В., Полосухина Р. Е. Развитие неблагоприятных эмоциональных состояний в период ограничительных мер, введённых в связи с новой коронавирусной инфекцией // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 6–22.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-6-22

FOR CITATION

Boldyreva T. A., Zubova L. V., Polosukhina R. E. Development of unfavourable emotional states during the period of restrictive measures introduced in connection with new coronaviral infection. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 1, pp. 6–22.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-6-22

УДК 355.133.4:159.955(092)Теплов Б.М.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-23-38

К 125-летию со дня рождения Б. М. Теплова

Б. М. ТЕПЛОВ О ПРАКТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ ВОЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛА

Утлик Э. П.

*Военный университет Министерства обороны РФ
125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования – изучение исторического развития концепции практического мышления Б. М. Теплова и её влияния на теорию мышления.

Процедура и методы. В исследовании применялись методы, характерные для истории психологии: биографический, библиографический, интервью.

Результаты. Полученные данные показали, что концепция практического мышления имеет большой нереализованный ресурс: она не нашла должного развития ни в военной психологии, ни в отечественных общепсихологических, прикладных и профессиональных теориях мышления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования являются перспективными для интенсификации научных работ в области практического интеллекта, профессионального мышления и, что особенно важно, профессионально-психологического мышления (клинического, консультативного).

Ключевые слова: мышление, интеллект, воля, решение, управление, способности, личность

B. M. TEPOV ON THE PRACTICAL THINKING OF THE MILITARY PROFESSIONAL

E. Utlik

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
ul. Bolshaya Sadovaya 14, Moscow 125047, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the historical development of the concept of practical thinking by B.M. Teplov and its influence on the theory of thinking.

Methodology. The study used the methods characteristic of the history of psychology: biographical, bibliographic, interviews.

Results. The data obtained showed that the concept of practical thinking has a large unrealized resource: it has not found proper development either in military psychology or in domestic theories of thinking: general psychological and applied, professional ones.

Research implications. The research results are promising for the intensification of scientific work in the field of practical intelligence, professional thinking and, which is especially important, professional psychological thinking (clinical, consultative).

Keywords: thinking, intelligence, will, decision, management, abilities, personality

Введение

К исследованию практического мышления Б. М. Теплов приступил в то время, когда наша страна использовала все силы для отражения нападения гитлеровской Германии и разгрома её войск. Естественным было стремление одного из ведущих советских психологов принять участие в обороне Отечества, используя свои выдающиеся знания и профессионально-психологические способности. В 1943 г. Б. М. Теплов опубликовал в журнале «Военная мысль» сокращённый вариант своего труда под названием «Ум и воля военачальника. По материалам исторического прошлого» [21]. Эта публикация явилась уникальным событием в истории отечественной психологии: во-первых, она стала своеобразным ответом на давний запрос М. И. Драгомирова к психологической науке: «нам кажется, что невнимание психологов к тем явлениям, которые происходят в душе человека под пулями и гранатами, или при разрешении таких вопросов, какие пришлось решать, например, Наполеону под Маренго или под Ватерлоо, лишало их по сие время самых драгоценных фактов для изучения духовной деятельности человеческого организма» [5, с. 3], во-вторых, данная публикация – это единственное военно-психологическое исследование военного времени.

Большое число «гражданских» психологов не смогли послужить делу обороны страны своими профессиональными компетенциями. Список

только широко известных психологов, которые вели борьбу с врагом с оружием в руках, насчитывает более 55 человек [7, с. 40]¹. На это обстоятельство обратил внимание А. Р. Лурия: «...лишь один из психологов – Б. М. Теплов посвятил свои силы новой стороне работы – психологическому анализу деятельности полководца и психологии его личности. В результате этих усилий и появилось едва ли не первое в нашей науке исследование по “конкретной психологии”, богатое теоретическим содержанием. Вместе с тем оно стало образцом того приложения психологии к практике военного обучения, значение которого трудно переоценить» [14, с. 65].

Осмысление и оценка идей Б. М. Теплова о практическом мышлении.

Проблема исследования

Проблема, о которой идёт речь в данной статье, порождена недостаточными, на мой взгляд, осмыслением и оценкой идей Б. М. Теплова о практическом мышлении вообще и его военно-профессиональной составляющей. Приведу несколько иллюстраций, явившихся источником для постановки данной проблемы.

1. В 1956 г., а затем в 1960 г. издавалась работа военного психолога Г. Д. Лукова «Очерки по вопросам психологии обучения и воспитания советских воинов»

¹ Авторы заканчивают список учёных-психологов словами «и многие, многие другие».

[13]. Автора этих публикаций заинтересовали только идеи Б. М. Теплова о страхе и смелости, которые Г. Д. Луков основательно проанализировал и дополнил. Тема военного, практического мышления не была затронута.

2. В 1956 и в 1962 гг. опубликован академический учебник (на уровне университетского) «Психология» под редакцией А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и Б. М. Теплова¹. Восьмая глава данного учебника, написанная С. С. Смирновым и Н. А. Менчинской и получившая название «Мышление», не содержит каких-либо данных о концепции практического мышления Б. М. Теплова. Связь мышления с практикой рассматривается в этой главе как этап возрастного развития мышления («В первые годы жизни ребёнок мыслит, лишь практически действуя, непосредственно оперируя предметами»²), а также как методологический вопрос единства познания и деятельности. Указывается, что «практика есть область применения результатов мыслительной деятельности» и что «практическая деятельность человека вне мышления невозможна»³. Впрочем, по всей видимости, Б. М. Теплов, как соредактор учебника «Психология», согласился с данной трактовкой соотношения теоретического и практического мышления.

3. В фундаментальном двухтомном труде «Психологическая наука в СССР» (в числе редакторов которого

был и Б. М. Теплов) работа «Ум полководца» представлена одним информационным абзацем, в котором сжато, достаточно точно, но безоценочно изложено содержание данной работы: «Б. М. Теплов сделал основательную попытку психологически исследовать по военно-историческим материалам тот вид практического мышления, который проявляется в деятельности военачальника, полководца. Он показал, что задачи, которые приходится решать последнему, предъявляют очень большие требования к его уму и воле. Для успеха их решения необходима способность схватить проблему в целом и в её деталях, подвергнуть анализу очень сложный материал и синтезировать его в единое конкретное целое. Необходимо умение соединять осторожность, критичность мысли с максимальной смелостью, способность проникать в планы противника и учитывать их в построении своих планов, быстро ориентироваться, быстро принимать правильные, обоснованные решения, энергично их осуществлять и в то же время учитывать на ходу изменения в конкретной ситуации. Нужна интуиция, характеризующаяся исключительной быстротой думания, соединённого с чувством местности и времени» [9, с. 391].

4. В статье М. Р. Арпентьевой «Практическое мышление» речь идёт о «мышлении психолога-консультанта», причём эта деятельность по своим психологическим характеристикам автором статьи отождествляется с деятельностью полководческой: «настоящий практик-специалист – всегда “гений целого” и “гений деталей”»; «его мышление перерабатывает информацию, обладающую колоссаль-

¹ Психология: учебник для педагогических институтов / под ред. А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова. М.: МГУ, 1956. 559 с.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 245.

ной сложностью» [2, с. 117]. При этом труд Б. М. Теплова «Ум полководца» не упоминается ни в тексте, ни в библиографии.

5. В литературе, посвящённой анализу «Ума полководца», иногда встречаются оценки, которые отсутствуют в данном труде и резко контрастируют с позицией и отношением к этому вопросу Б. М. Теплова. Например, в статье «Научная деятельность Б. М. Теплова и его концепция творчества полководца в процессе практического мышления» читаем: «Б. М. Теплов ... подчёркивает, что, будучи выдающимся и гениальным полководцем на поле боя в ситуации постоянной чрезмерной опасности, Суворов тем не менее обладал весьма скудными интеллектуальными способностями в повседневной жизни»; «Теплов приходит к мысли о том, что именно опасность являлась основой гениальности А. В. Суворова» [15, с. 25–26; 16; 17].

По этому поводу следует сказать, что ничего похожего у Б. М. Теплова нет. Более того, учёный приводит множество фактов и аргументов прямо противоположного свойства. В частности, он пишет: Суворов «...очень быстро, по нескольким взглядам и вопросам, составлял мнение о человеке»; «Образование их (Наполеона и Суворова) было в буквальном смысле слова энциклопедическим. Суворов хорошо знал математику, географию, философию, более же всего историю. Особенно надо выделить у русского полководца склонность и несомненные способности к изучению языков. Он знал языки немецкий, французский, итальянский, польский, финский, турецкий, арабский, персидский» [18, с. 281, с. 302].

Нужны, вероятно, особые причины, чтобы увидеть здесь признаки «скудости ума». Это, скорее, недоразумение, но неприятное впечатление после чтения таких работ остаётся.

6. Известное число современных публикаций об «Уме полководца» представляют собой не более чем пересказ содержания данного труда и полезны, может быть, какой-то его популяризацией [8; 11; 12].

Во всех вышеперечисленных случаях нет развития хотя бы одной из многих важных идей «Ума полководца», следовательно, богатый теоретический и методологический запас этого произведения не реализуется.

Между тем уже первая публикация Б. М. Теплова 1943 г. оказалась значимой в нескольких отношениях. Во-первых, ознаменовала возрождение отечественной военной психологии, которая в 30-е гг. прошлого века почти не проявляла себя; во-вторых, послужила стимулом для развития теории практического мышления (в том числе мышления военно-тактического) и обращения психологической науки к практическим психологическим проблемам; в-третьих, привлекла внимание к профессиональному психологическому мышлению – основе профессиональной деятельности психолога-консультанта, психотерапевта, специалиста в области клинической психологии; в-четвёртых, она обрисовала одно из направлений психологического изучения личности; в-пятых, положила начало отечественной психологии управления. И, само собой разумеется, данная публикация является существенным вкладом в историю военной психологии.

В 1945 г. данный труд получил уточнённое название «К вопросу о прак-

тическом мышлении. (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам)» [19]. Это значит, что исследовательская мысль двигалась в направлениях более полного охвата темы мышления и обоснованного расширения категории мышления, т. е. аргументации единства мышления и воли.

В предисловии к книге «Проблемы индивидуальных различий» Б. М. Теплов писал: «Работа “Ум полководца”, написанная в 1942 г., была впервые напечатана в несколько сокращённом виде в 1943 г. и вторично в более полном виде, в – 1945 г.; она тоже является попыткой исследования в области проблемы способностей. Но здесь речь идёт не о таких специальных способностях, как музыкальный слух или чувство музыкального ритма, а об общих умственных способностях, о качествах ума, требуемых определённым видом практической деятельности». Эта работа резко отличается от предыдущей и по методу исследования: она написана с опорой на военно-исторические материалы, тогда как работа о музыкальных способностях построена на основе экспериментальных материалов» [21, с. 6].

Таким образом, «Ум полководца» – это окончательное авторское название данного труда, под которым он и остаётся в истории психологии [20].

Значит, тема практического мышления восходит на личностный уровень. Это, по существу, личностный подход, который проявился также и в описании профессиональных качеств военачальника.

Б. М. Теплов представил широкую панораму взглядов на мышление военачальника (полководца), соединив тра-

диционный язык военной психологии с терминологией общепсихологической. Как замечает Д. Б. Богоявленская, «...для него открытием было, что при анализе исторической литературы он мог проследить те самые психологические закономерности, которые, в общем, очень важны психологической науке». [3, с. 25]. Поэтому его теория базируется на исследовании особенностей умственной деятельности, детерминируемых специфическими факторами войны, и личностью военачальника, которая также формируется в соответствии с этими факторами, т. е. требованиями войны.

Общая характеристика практического мышления в военном деле

Военно-тактическое мышление – способ построения внутренней модели боевой деятельности. Это та умственная работа, которую выполняет каждый воин перед боем, в бою и после боя. При этом рядовой солдат принимает решение для себя, а командир – для подразделения, части, соединения и т. д.

Как известно, теоретическое мышление не может пропустить этап создания гипотезы. Практическое мышление также включает её разработку. Но если теоретическая гипотеза проверяется экспериментом или иными исследовательскими процедурами, то гипотеза практического мышления – это, по существу, программа исполнительного (преобразовательного) действия, которым она и проверяется. Практическое, боевое решение, в отличие от научно-исследовательского, проверяется, в конечном счёте, качеством его исполнения, зависящим от

мастерства и вооружённости исполнителей, их морального состояния, т. е. боем. Кроме того, больше шансов приходится на успешную реализацию того решения, которое лучше решения противника.

Правда, уже в годы Великой Отечественной войны практиковалась своего рода проверка боевого решения посредством командно-штабных учений, отработки предстоящих действий на картах и макетах местности и других способов, которые являются своего рода экспериментом.

Б. М. Теплов, раскрывая природу мышления военачальника, последовательно прослеживает условия, в которых его мысль работает, а именно: активность противника; опасность; недостаточность, противоречивость, недостоверность и огромное количество получаемой информации; высокую личную ответственность за адекватность решений и последствия их реализации; дефицит времени, порождаемый быстрыми и непредвиденными изменениями боевой обстановки.

Практичность, как особый вид мышления, усматривается в его целостности, – охвате всей совокупности задач, входящих в состав боевой операции. Структура практического боевого интеллекта (ума) представляется совокупностью взаимосвязанных процессов принятия многих решений: описательного, объяснительного, оценочного, прогностического, предписывающего, побуждающего, индивидуализирующего, подготавливающего, контрольно-корректирующего и, наконец, итогово-оценочного.

Б. М. Теплов, характеризуя практическое мышление, подчёркивает: мыслительная работа над всеми названны-

ми решениями опирается в большей или меньшей степени на исследования, соответствующие научным критериям.

Военно-тактическое, а также оперативное и стратегическое мышление рассматривается как мышление в конфликтной ситуации, в которой всегда присутствует или предполагается противник.

Тактическое мышление выделяется в ряду других видов профессионального мышления прежде всего тем, что оно начинает функционировать в ситуации ожесточённого противоборства. Особенность этой конфликтной ситуации в том, что во многих других конфликтах люди гибнут не так уж часто. Кроме того, если в «мирном» конфликте стороны общаются, как правило, непосредственно, вербально и невербально, то в боевой обстановке прямой информационный обмен либо исключён, либо играет третьестепенную роль. В боевом конфликте стороны «общаются», обмениваясь действиями, прежде всего – ударами.

Судя по опыту Великой Отечественной войны, планы, замыслы и даже психология противника нередко оцениваются опосредствовано: по тому, как он использует местность, время и пространство. «Принятию быстрых решений во многом способствует правильный учёт местности, времени и пространства. Местность во многом предопределяет способы действия противника, подсказывает командиру характер манёвра, время и место открытия огня, форму построения боевого порядка и тот объект, который надлежит уничтожить в первую очередь, т. е. создаёт основу решения. Надо только уметь своевременно распознать особенности местности и ис-

пользовать их до того, как они утратят своё значение в силу изменения времени и пространства» [19, с. 9].

Это всеохватывающее познавательное, интеллектуальное эмоциональное и волевое противостояние с противником было названо впоследствии «негативным взаимодействием» («негативной кооперацией», по Т. Котарбиньскому) [10, с. 29]. Действия военачальника не могут быть просто «свободными акциями». Они должны быть прежде всего реакцией на намерения и действия противника, сохраняя, однако, при этом величайшую инициативность и силу волевого натиска» [19, с. 73].

Ситуация боевого конфликта предъявляет к мышлению много специфических требований. Прежде всего необходимо точно оценивать противника, не допуская ни недооценки его сил, ни переоценки их.

Мыслительная работа в этой ситуации нацелена на то, чтобы найти слабое место в положении и замыслах противника, скрыть своё положение и свой боевой план, опередить его в манёвре и нанесении удара.

Недопустимы «слабый интерес к намерениям и действиям противника, пренебрежительное и даже предвзятое к нему отношение, стремление осуществлять свои планы, “невзирая на противника”» [19, с. 72] «Прямолинейное выполнение своих планов, не считающееся с намерениями и желаниями неприятеля, есть лишь грубый и несовершенный способ “навязывания своей воли”» [19, с. 73].

«Большие мастера военного дела первой своей задачей ставили проникновение в намерения и замыслы неприятеля и только тогда составляли

свой творческий и максимально инициативный план и, осуществляя его, подчиняли волю противника своей. И весь этот цикл постоянно повторяется при каждом изменении обстановки, при каждом поступлении новых сведений о действиях и намерениях неприятеля. Неудивительно поэтому, что способность проникать в замыслы врага, разгадывать его намерения всегда расценивалась как одно из ценнейших качеств военачальника. Суворов проявлял настолько большой интерес к противнику, что “неприятельскую позицию знал иногда лучше, чем сам неприятель”» [19, с. 73].

«Умение становиться на точку зрения противника, решать задачу за него, предполагает не только владение массой конкретных сведений, но и своеобразную культуру ума. Главное же, чтобы военачальник был, по меткому выражению М. И. Драгомирова, “крупным практическим психологом”, способным “вчувствоваться в противника”, заглянуть в его душу, разгадать духовный склад и намерения» [19, с. 77].

Вместе с тем военно-тактическое мышление – это не только чистая (непосредственная) конфронтация, но и соперничество, состоящее в том, чтобы опередить противника по всем боевым параметрам: боевому мастерству, качеству и количеству оружия и военной техники. Эту характеристику убедительно сформулировал отечественный авиаконструктор С. А. Лавочкин: «Я не вижу моего врага – немца-конструктора, который сидит над своими чертежами где-то в глубине Германии, в глубоком убежище. Но, не видя его, я воюю с ним... Я знаю, что бы там ни придумал немец, я обязан придумать лучше.

Я собираю всю мою волю и фантазию (потому что, конечно, конструктор должен обладать фантазией!), все мои знания и опыт... чтобы в день, когда два новых самолёта – наш и вражеский – столкнутся в военном небе, наш оказался победителем» [1, с. 99].

Структура и динамика военного (практического) мышления

Тактическое мышление – это один из видов практического мышления, порождённый ситуациями предвидимого или реального вооружённого противоборства, с их опасностью, неопределённостью, быстротечностью и другими специфическими свойствами.

Цель тактического мышления – создание интеллектуальных условий (плана действий) для того, чтобы превзойти противника в силе и точности удара, манёвра или в решении других боевых задач, например, занятия и оборудова-

ния оборонительных позиций, чтобы в конечном счёте победить его.

Тактическое мышление – это мышление коммуникативное. Это значит, что действие и замыслы противника надо своевременно распознать (идентифицировать) и найти способы их нейтрализации; а все свои действия, и интеллектуальные, и физические, начиная со сбора информации, надо скрыть от противника.

Тактическое мышление – это умственная деятельность воина – и командира и рядового – в боевой обстановке вообще: в предвидении боя и непосредственно в бою.

Изучение труда Б. М. Теплова позволяет с учётом современных теоретических данных [см.: 22¹] представить практическое мышление в военном деле более развёрнуто, как совокупность взаимосвязанных решений. (см. рис. 1).

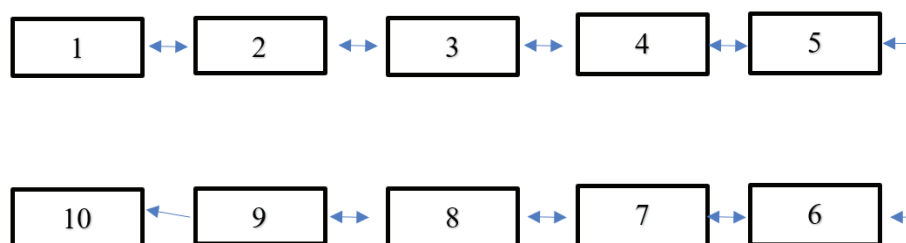

Рис. 1 / Fig. 1. Структура (этапы) тактического мышления («мыслительная десятка») / Structure (stages) of tactical thinking (“thinking ten”)

Примечание: 1. Описательное решение; 2. Объяснительное решение; 3. Решение – прогноз; 4. Оценочное решение; 5. Предписывающее решение – план действий; 6. Трансформационное решение: преобразование решения в вид, пригодный для понимания исполнителями и для практического исполнения; 7. Решение о конкретно-целевой подготовке войск и всестороннем обеспечении боевых действий; 8. Решение о контроле; 9. Серия коррекционных решений; 10. Итогово-оценочное решение; обобщение боевого опыта.

¹ В этой книге описание практического мышления завершается принятием предписывающего решения, что, конечно, не является полным представлением практического мышления и, значит, не соответствует действительности.

Все элементы данной структуры соединены двусторонними связями. Это означает, в частности, что каждое новое решение может явиться основанием для внесения изменений в ранее принятое решение.

Принятие *описательного решения* означает констатацию того, что информации о боевой ситуации собрано достаточно, чтобы делать определённые выводы. Принятие описательного решения не может затягиваться дольше некоторого минимума времени. Как пишет Б. М. Теплов, «природа войны исключает возможность откладывать решение до того времени, когда сведения будут совершенно исчерпывающими, достоверными» [19, с. 70].

Разумеется, сбор информации сопровождается классификацией отдельных сообщений, предварительной оценкой их значимости и достоверности. В ходе подготовки описательного решения информация фильтруется и что-то отбрасывается и не присутствует в дальнейшей мыслительной работе.

Объяснительное решение – это углублённое осмысление отобранной ранее информации, установление связей между отдельными событиями или фактами, уяснение причин происхождения существующего положения, нахождение места данного комплекса событий в более широкой системе происходящего. В конечном счёте, ситуация должна быть понятной – это и есть объяснительное решение.

Решение – прогноз. Победить противника или достичь успеха во всяком достаточно сложном деле без учёта будущего развития ситуации, тем более без учёта результатов и последствий собственных действий, невозможно. Прогнозирование обычно опирается

на понимание настоящего и прошлого, но бывает предвидение и без соблюдения этого условия.

Б.М. Теплов пишет: «Предвидеть – значит сквозь сумрак неизвестности и текучести обстановки разглядеть основной смысл совершающихся событий, уловить их главную тенденцию и, исходя из этого, понять, куда они идут. Предвидение – результат глубокого проникновения в обстановку и постижения главного в ней, решающего, того, что определяет ход событий. Все большие полководцы в той или иной мере обладали способностью предвидения, но у некоторых она достигала такой силы, что составляла как бы основную, самую характерную черту их военного дарования. Необходимым условием прогнозирования боевой ситуации является “вчувствование” в противника, способность становиться на его точку зрения, рассуждать и решать за него» [19, с. 77].

Оценочное решение непосредственно предшествует решению предписывающему, содержащему замысел и план силовых, практических действий. Все предшествующие решения также содержат оценочный процесс. Все действия выбора (информации, причинно-следственных связей, вариантов прогнозирования и др.) опираются на оценку.

Оценка (оценивание) – это разновидность мыслительного процесса, усложнённого участием в нём потребностей, ожиданий, планов, целей и других эмоционально-мотивационных функций. Когнитивной основой оценки является сравнение оцениваемого содержания с определённым образцом, критерием. В качестве критерия служат уставные оперативно-тактические нор-

мы, требования боевого приказа, возможности противника, свои ресурсы.

Оценке подлежат все ранее полученные мыслительные результаты: собранная информация и её отдельные данные; внутренние и внешние связи и варианты истолкования, результаты прогнозирования, свои силы в соотношении с силами противника.

Содержанием оценочного решения является определение ключевых характеристик проблемы, способов её разрешения, главных направлений (объектов) сосредоточения усилий, основных целей и задач, сроков начала активных действий.

Предписывающее решение – план действий. Принятие данного решения означает переход к боевым действиям всех сил, привлечённых к выполнению задачи. Предписывающее решение – это указание на то, что надо сделать и в какие сроки, какие ресурсы использовать и какие результаты получить. Естественно, что в общем случае решение заключается в том, чтобы разгромить противника.

Основой предписывающего решения является замысел боя, т. е. установление места сосредоточения основных сил, направления главного удара и способов действий, указание противника, которого надо разгромить, и определение боевого порядка, в котором войска будут выполнять боевую задачу.

Всё это Б. М. Теплов называет составлением плана или планированием: «идеальный план определяет всё, что только можно определить, и чем больше он определяет, тем он, говоря принципиально, лучше, но план должен быть реален, он должен исходить из реальных данных о состоянии и

возможностях своих сил, он должен быть основан на достоверных данных о противнике, о его силах и намерениях. Идеален тот план, который не только учитывает все необходимые детали, но и предвидит развитие событий, базируясь на глубоком знании обстановки» [19, с. 74]. И далее: «хороший военачальник в минимальной степени связан своими собственными планами. Он всегда может изменить их, если сочтёт это необходимым. Но с другой стороны, он вовсе не характеризуется легкой податливостью к тем воздействиям, которые толкают на изменение однажды принятого плана» [19, с. 75].

Трансформационное решение: преобразование решения в вид, пригодный для понимания исполнителями и для практического исполнения. Предписывающее решение (план боя) исходно принимается, конечно, для исполнителей, но это не исключает специального учёта их индивидуальных особенностей: стиля восприятия боевой задачи, степени понимания своего начальника, их представлений о целях и порядке собственных действий. Маршал И. С. Конев, один из выдающихся военачальников Великой Отечественной войны, придавал этому обстоятельству серьёзное значение: «Принимая своё решение, я с тревогой думал о том, как поймут меня мои подчинённые...» [7, с. 39]. Он также представил конкретную иллюстрацию того, как следует трансформировать принятое решение для отдельного подчинённого.

«Как это важно, когда, взваливая на плечи подчинённому порой нелёгкую ношу, говоришь с ним при этом не приказным языком, а доверительно, по-человечески».

«Товарищ Петров, ваша задача такая-то. Это, мы знаем, нелёгкая и ответственная задача. Но я надеюсь, товарищ Петров, что именно вы эту задачу выполните, я знаю вас, я с вами не первый день и не первый год воюю. Ну, а кроме того, помните, что вы можете всегда в трудную минуту рассчитывать на мою поддержку. Хотя я уверен, что вы справитесь и без этой поддержки. Вы должны к исходу дня выйти туда-то и овладеть тем-то. Справа от вас будет действовать Николай Павлович, а слева – Алексей Семёнович. Это люди, которые вас не подведут, вы это знаете не хуже меня. Так что жмите вовсю, без излишнего беспокойства за свои фланги» [7, с. 46].

Решение о конкретно-целевой подготовке войск и всестороннем обеспечении боевых действий. Особенностью боевой деятельности является новизна каждой очередной задачи. Новая, незнакомая местность, новый противник, новый боевой порядок и ряд других изменений обуславливают недостаточность прошлого опыта. Поэтому военачальники стараются предоставить подчинённым необходимое время для изучения противника, местности, дополнительного боевого обучения, требуемого новыми задачами и условиями. Необходим также отдых, включая сон.

Для выполнения боевого решения требуется большое количество боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия, материалов для оборудования боевого порядка, маскировки, строительства переправ, ремонта дорог и прокладывания маршрутов.

Все эти и многие другие вопросы тылового, материально-технического, инженерного и иного специального обеспечения боевых действий требуют

своего решения. Б. М. Теплов считал, что «военачальнику для осуществления другой стороны его деятельности: управления, командования вверенными ему войсками, руководства непосредственно подчинёнными ему командирами, воспитания и подготовки войск и т. д. ещё в большей мере необходимо быть “практическим психологом”», [19, с. 81] потому что в этой «другой стороне деятельности военачальника» психологических проблем может быть больше, чем в непосредственно боевой.

Решение о контроле. Для управления боевыми действиями нужна своевременная и достоверная информация, которую предоставляют подчинённые командиры и штабы, разведка, личное наблюдение за ходом боя. Всё это нуждается в хорошей организации, предусмотрительности, подготовке, высокой требовательности, что и является содержанием решения о контроле.

Серия коррекционных решений. План боя, а тем более операции, редко могут быть выполнены в своём первоначальном виде. Обстановка боя может меняться значительно и неожиданно, что требует новых способов выполнения боевой задачи, а иногда изменения и самой задачи. Все изменения должны своевременно становиться предметом мысли военачальника и его штаба и находить нужные решения. Быстрота мышления, его гибкость выходят при этом на первый план. Б. М. Теплов пишет: «характерной чертой многих военачальников является прежде всего быстрота – быстрота ориентировки, решения, действия. Таков был Суворов. Быстрота входит в знаменитую суворовскую триаду: глазомер, быстрота и натиск. “Время драгоценнее всего” –

говорил он. «Мгновение даёт победу». Быстрота действий Суворова не имела себе равных в истории военного искусства. В основе же этой небывалой быстроты действий лежала столь же необыкновенная быстрота мысли и решения самого полководца» [19, с. 78].

Итогово-оценочное решение; обобщение боевого опыта. Военачальники всех уровней и их штабы собирают, анализируют и обобщают различные боевые документы для того, чтобы выявить всё поучительное, что принесли закончившиеся боевые действия: оригинальные, творческие решения всех категорий личного состава, включая рядовых солдат, а также промахи, ошибки, которые не должны повториться в будущих боях. Итогово-оценочное решение докладывается вышестоящему руководству, а также используется в обучении и воспитании своего командного и рядового состава. На основе подобных материалов формируются и обогащаются боевые традиции воинских частей, развивается военная наука и военное искусство.

Таким образом, практическое мышление в трактовке Б. М. Теплова («ум полководца») – это прежде всего сложнейшая умственная работа (деятельность), охватывающая множество взаимосвязанных задач, объединённых направленностью на достижение одной цели («сверхзадачи»). Далее – это «ум, интеллект», т. е. качество личности, в основе которого лежат соответствующие способности и адекватный опыт. Чем сложнее решаемая «сверхзадача», тем большую роль играет воля – и качество личности, и волевая активность (процесс). Воля в практическом мышлении: (1) не позволяет завершить мыслительный

процесс преждевременно, который может удовлетвориться первым более или менее подходящим результатом (решением); (2) подавляет негативное влияние чувства (страха) ответственности. Воля в этом случае принимает форму решимости.

Заключение

Теория практического мышления, важные вехи которой наметил Б. М. Теплов, и сегодня нуждается во всестороннем развитии. Потребность в ней явственно ощущается в теории и практике управления. Изучение темы «психология мышления» в общей психологии и других психологических дисциплинах стало бы намного богаче и содержательней, если бы оно опиралось на идеи Б. М. Теплова. Много полезного могла бы извлечь практическая психология, и в частности, клиническая психология, психологическое консультирование, психотерапия. Все разновидности профессионального мышления (инженерного, медицинского, педагогического, военного и т. д.) много приобрели бы, если бы они в большей степени осваивали теорию практического мышления Б. М. Теплова.

Б. М. Теплов рассматривает боевой (практический) интеллект в единстве с волей. Это единство выражает единство психики (души), а также души и тела. Это единство является очевидным в повседневных делах человека, когда он и принимает решение, и исполняет его. Естественно, что при этом он должен думать и о том, что делать, и о том, как готовиться к выполнению своего решения и как его выполнять.

В деле управления умственная часть единого процесса активности большо-

го числа людей отделяется от практически-исполнительной. Если бы при этом мыслительный процесс руководителя строился по образцу теоретического мышления, то значительная часть общей задачи (боя, операции) оказалась бы интеллектуально не обеспеченной, не спланированной и не подготовленной.

Ряд комментаторов концепции Б. М. Теплова чрезмерно акцентируют быстроту практического мышления, обусловленную жёсткими временными рамками. Действительно, фактор времени играет очень важную роль хотя бы потому, что надо опередить противника. Но план большой операции может разрабатываться сравнительно долго. Например, как следует из воспоминаний Г. К. Жукова, «... до 12 апреля (1943 г.) в Ставке ещё не было выработано конкретное решение

о способах действий наших войск в весенне-летний период 1943 года в районе Курской дуги». Начались же боевые действия 5 июля [6, с. 461, 482], т. е. готовилась операция около 3 месяцев. Разумеется, этот промежуток времени сравнительно короткий, если его соотносить с научным исследованием, которое может продолжаться годами.

Так что умение распорядиться временем, правильно произвести его оценку и расчёт – это важная составляющая практического ума, избавляющая руководителя и его подчинённых от цейтнота и связанного с ним стресса с его последствиями, – торопливостью, поспешностью, ошибками и т. п. У хорошего начальника, как учил когда-то М. И. Драгомиров, «всегда есть время распорядиться толково» [4, с. 143].

Статья поступила в редакцию 22.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Арлазоров М. С. Фронт идёт через КБ. М.: Знание, 1975. 224 с.
2. Арпентьева М. Р. Практическое мышление // Б. М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии : материалы международной юбилейной конференции к 120-летию со дня рождения Б. М. Теплова, Москва, 1–2 декабря 2016 г. / под ред. М. К. Кабардова, А. К. Осницкого. М.: Перо, 2017. С. 115–119.
3. Богоявленская Д. Б. Приветственное выступление // Б. М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии : материалы международной юбилейной конференции к 120-летию со дня рождения Б. М. Теплова, Москва, 1–2 декабря 2016 г. / под ред. М. К. Кабардова, А. К. Осницкого. М.: Перо, 2017. 417 с.
4. Драгомиров М. И. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. М.: Воениздат, 1956. 687 с.
5. Драгомиров М. И. Разбор романа «Война и мир». Киев: Издательство Н. Я. Оглоблина, 1895. 134 с.
6. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. 730 с.
7. Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Московский гуманитарный университет, 2006. 360 с.
8. Конев И. С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1970. 288 с.
9. Костюк Г. С. Вопросы психологии мышления // Психологическая наука в СССР / под ред. Б. Г. Ананьева и др.: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1959. С. 357–440.

10. Котарбинский Т. Тракта́т о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 270 с.
11. Ладо А. Ум полководца. Б. М. Теплов [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2021/10/08/793> (дата обращения: 20.06.2021).
12. Лихоманов И. В. Концепция военного мышления Б. М. Теплова // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1 (14). С. 154–158.
13. Луков Г. Д. Очерки по вопросам психологии обучения и воспитания советских воинов. Л.: ВВПИ им. М. И. Калинина, 1956. 308 с.
14. Лурия А. Р. Вклад Б. М. Теплова в конкретную психологию // Психология и психофизиология индивидуальных различий. М.: Педагогика, 1977. С. 64–71.
15. Любимов С. Е., Семёнов И. Н. Научная деятельность Б. М. Теплова и его концепция творчества полководца в процессе практического мышления // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 3. С. 9–51.
16. Стецюк Л. С. Танковые подразделения в бою. М.: Воениздат, 1961. 256 с.
17. Теплов Б. М. К вопросу о практическом мышлении. (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам) // Учёные записки МГУ им. М. В. Ломоносова. 1945. № 90. С. 85–172.
18. Теплов Б. М. Ум и воля военачальника. По материалам исторического прошлого // Военная мысль. 1943. № 12. С. 63–82.
19. Теплов Б. М. Ум полководца (опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам) // Теплов Б. М. Избр. труды: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1985. С. 223–305.
20. Теплов Б. М. Ум полководца. М.: Педагогика, 1990. 208 с.
21. Теплов Б. М. Ум полководца. Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам // Проблемы индивидуальных различий. М.: Знание, 1961. С. 252–344.
22. O'Shaughnessy J. *Inquiry and Decision*. London: Routledge, 1972. 308 p.

REFERENCES

1. Arlazorov M. S. *Front idyot cherez KB* [The front goes through the design bureau]. Moscow, Znanie Publ., 1975. 224 p.
2. Arpent'eva M. R. [Practical thinking]. In: Kabardov M. K., Osnickii A. K., eds. *B. M. Teplov i sovremennoe sostoyanie differencial'noj psihologii i differencial'noj psihofiziologii : materialy mezhdunarodnoj yubilejnoj konferencii k 120-letiyu so dnya rozhdeniya B. M. Teplova, Moskva, 1–2 dekabrya 2016 g.* [B. M. Teplov and the current state of differential psychology and differential psychophysiology: to the 120th anniversary of B. M. Teplov: materials of the international jubilee conference, Moscow, December 1–2, 2016]. Moscow, Pero Publ., 2017, pp. 115–119.
3. Bogoyavlenskaya D. B. [Welcome speech]. In: Kabardov M. K., Osnickii A. K., eds. *B. M. Teplov i sovremennoe sostoyanie differencial'noj psihologii i differencial'noj psihofiziologii : materialy mezhdunarodnoj yubilejnoj konferencii k 120-letiyu so dnya rozhdeniya B. M. Teplova, Moskva, 1–2 dekabrya 2016 g.* [B. M. Teplov and the current state of differential psychology and differential psychophysiology: to the 120th anniversary of B. M. Teplov: materials of the international jubilee conference, Moscow, December 1–2, 2016]. Moscow, Pero Publ., 2017, pp. 25–26.
4. Dragomirov M. I. *Izbrannyye trudy. Voprosy vospitaniya i obucheniya voysk* [Selected Works. Issues of education and training of troops]. Moscow, Voenizdat Publ., 1956. 687 p.
5. Dragomirov M. I. *Razbor romana «Vojna i mir»* [Analysis of the novel “War and Peace”]. Kiev, N. Ya. Ogloblin's Publ., 1895. 134 p.

6. Zhukov G. K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and reflections]. Moscow, APN Publ., 1969. 730 p.
7. Koľcova V. A., Olejnik Yu. N. *Sovetskaya psihologicheskaya nauka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Soviet psychological science during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2006. 360 p.
8. Konev I. S. *Sorok pyatyj* [The forty-fifth]. Moscow, Voenizdat Publ., 1970. 288 p.
9. Kostyuk G. S. [Questions of the psychology of thinking]. In: *Psihologicheskaya nauka v SSSR. T. 1* [Psychological science in the USSR]. Moscow, Pedagogika Publ., 1959, pp. 357–440.
10. Kotarbinskij T. *Traktat o horoshej rabote* [Treatise on good work]. Moscow, Ekonomika Publ., 1975. 270 p.
11. Lado A. *Um polkovodca. B. M. Teplov* [The mind of a commander. B. M. Teplov]. Available at: <https://proza.ru/2021/10/08/793> (accessed: 20.06.2021).
12. Lihomanov I. V. [The concept of military thinking by B. M. Teplov]. In: *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian problems of military affairs], 2018, no. 1 (14), pp. 154–158.
13. Lukov G. D. *Ocherki po voprosam psihologii obucheniya i vospitaniya sovetskih voinov* [Essays on the psychology of training and education of Soviet soldiers]. St. Petersburg, VVPI im. M. I. Kalinina Publ., 1956. 308 p.
14. Luriya A. R. [B. M. Teplov's contribution to concrete psychology]. In: *Psihologiya i psihofiziologiya individual'nyh razlichij* [Psychology and psychophysiology of individual differences]. Moscow, Pedagogika Publ., 1977, pp. 64–71.
15. Lyubimov S. E., Semyonov I. N. [B. M. Teplov's scientific activity and his concept of creativity of the commander in the process of practical thinking]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research], 2015, no. 3, pp. 9–51.
16. Stecyuk L. S. *Tankovy podrazdeleniya v boyu* [Tank units in battle]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 256 p.
17. Teplov B. M. [On the question of practical thinking. (Experience in the psychological study of the commander's thinking based on military-historical materials)]. In: *Uchyonye zapiski MGU im. M. V. Lomonosova* [Scientific notes of Lomonosov Moscow State University], 1945, no. 90, pp. 85–172.
18. Teplov B. M. [The mind and will of a military leader. Based on the materials of the historical past]. In: *Voennaya mysl'* [Military Thought], 1943, no. 12, pp. 63–82.
19. Teplov B. M. [Mind of a commander (an experience of psychological research of the commander's thinking based on military-historical materials)]. In: *Teplov B. M. Izbr. trudy. T. 1.* [Selected works. Vol. 1]. Moscow, Pedagogika Publ., 1985, pp. 223–305.
20. Teplov B. M. *Um polkovodca* [The mind of a commander]. Moscow, Pedagogika Publ., 1990. 208 p.
21. Teplov B. M. [The mind of a commander. Experience of psychological research of commander's thinking based on military-historical materials]. In: *Problemy individual'nyh razlichij* [Problems of individual differences]. Moscow, Znanie Publ., 1961, pp. 252–344.
22. O'Shaughnessy J. *Inquiry and Decision*. London, Routledge, 1972. 308 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Утлик Эрнст Платонович – доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры психологии Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ;
e-mail: e1937@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ernst P. Utlik – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor, the Department of Psychology, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: e1937@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Утлик Э. П. Б. М. Теплов о практическом мышлении военного профессионала // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 23–38.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-23-38

FOR CITATION

Utlik E. P. B. M. Teplov on the practical thinking of the military professional. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 1, pp. 23–38.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-23-38

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.648.4

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-39-52

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ АТТИТЮДОВ ПРИ СПОРАХ, ДИСПУТАХ¹

Неврюев А. Н.

Финансовый университет при Правительстве РФ

ГСП-3, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выделить особенности поляризации аттитюдов на основе недавно проведённых исследований.

Процедура и методы. Отобраны релевантные источники, использован метод критического анализа, сравнения и обобщения.

Результаты. Описаны социально-демографические (неравенство в получении образования) и когнитивные (иллюзия объективности) факторы поляризации аттитюдов. Приведена классификация поляризации аттитюдов (институциональная, аффективная, идеологическая и ложная). Отмечены особенности изучения этого явления (глобальные, опасные события; политическая система страны). Выделены основные перспективные направления эмпирического исследования поляризации (различия в источниках СМИ, исследование в РФ).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследований могут быть полезны для изучения различных видов поляризации аттитюдов с учётом культурного и психологического контекста в России.

Ключевые слова: поляризация аттитюдов, аффективная поляризация, идеологическая поляризация, ложная поляризация, институциональная поляризация

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 21-011-31400.

¹ Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© СС BY Неврюев А. Н., 2022.

REVIEW OF FOREIGN RESEARCH ON ATTITUDE POLARIZATION IN ARGUMENTS AND DISPUTES

A. Nevryuev

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
prosp. Leningradskij 49, GSP-3, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To highlight the polarization features of attitudes based on recent studies

Methodology. Relevant sources were selected; the methods of critical analysis, comparison and generalization were used.

Results. Socio-demographic (inequality in education) and cognitive (the illusion of objectivity) factors of attitude polarization are described. The classification (institutional, effective, ideological and false) of attitudes polarization is given. The peculiarities of studying the polarization of attitudes (global, dangerous events; the political system of the country) are noted. The main promising areas of empirical research of polarization are highlighted (research in media sources, research of the Russian Federation).

Research implications. The research results can be useful for studying various types of polarization of attitudes with the condition of the cultural and psychological context in Russia.

Keywords: polarization of attitudes, affective polarization, ideological polarization, false polarization, institutional polarization

Acknowledgment. The article was prepared with the financial support of the grant from the Russian Science Foundation (project 21-011-31400)

Введение

Под поляризацией аттитюдов в данном исследовании понимается процесс усиления осознанности аттитюдов и уверенности в них. Поляризация связана с групповым обсуждением (присутствием в группе). Данный подход был предложен Д. Майерсом [18] в 1960-х гг., когда изучались общие закономерности поляризации аттитюдов и их особенности. В ходе исследования выделялись различные факторы, характеристики и виды поляризации. Данная тема имеет широкое распространение в США и Европе, но в России распространена мало. В связи с этим была сформулирована научная проблема: выявить характеристики и корреляты поляризации аттитюдов, которые возможно эмпирически исследовать. Цель: описать особенности поляризации аттитюдов на

основании результатов проведённых исследований. Поиск исследований проходил в базах Scopus, Web of science, годы публикаций: 2017–2021.

Обзор будет построен следующим образом: описаны факторы и события, а затем результаты исследований (социально-демографические характеристики и пр.) и различные виды поляризации. В конце будут сформулированы вывод и показаны направления исследований.

Факторы и события, связанные с поляризацией аттитюдов

Исследователи, которые изучают поляризацию аттитюдов, обращают внимание на несколько важных особенностей, связанных с ними.

Во-первых, они изучают факторы, связанные с поляризацией аттитюдов,

и к их числу относят когнитивные искажения. Так, было установлено, что поляризация связана с иллюзией объективности (склонностью искать факты, которые подтверждают точку зрения) [9]. В одном из исследований было установлено, что респонденты, которые описывали блогеров, призывающих голосовать за Трампа и Клинтон, давали им одинаковые оценки с точки зрения их поддержки кандидатов ($M = 6,26$, $SD = 0,97$; $M = 6,33$, $SD = 0,93$, $t(190) = -0,53$, $p = 0,59$, $d = 0,08$). В то же время, они оценивали более положительно содержание того сообщения, которое было направлено на поддержку их кандидата ($M = 2,66$, $SD = 2,03$), но не против него ($M = -1,57$, $SD = 2,23$, $t(1513) = 38,69$, $p < 0,001$, $d = 1,98$). Однако противоположным образом была дана оценка противников своего политического кандидата, причём она сохранялась на долгий срок [26, 27].

Во-вторых, они изучают факторы, которые способствуют уменьшению поляризации. К примеру, люди, которые просматривали новости в Facebook, демонстрировали увеличение уровня поляризации ($B = 6,95$, ДИ: 2,44 – 11,65). Однако это было характерно только после съезда партии, но не перед президентскими дебатами ($B = -.01$, ДИ: -1,97 – 1,90) и не после дебатов, но до дня выборов ($B = 0,43$, ДИ: -1,85 – 2,81). Люди, которые читали новости, содержащие аргументы «против» во второй волне, демонстрировали уменьшение уровня поляризации в третьей волне ($B = -2,39$, ДИ: -5,19 – -.23), т. е. у людей, которые читают новости и участвовали в первой волне, уровень поляризации уменьшился к третьей волне ($B = -10$, ДИ: -41 – -.00) [1].

В-третьих, исследователи изучают ответ на вопрос: «Какие именно события связаны с поляризацией?». При исследовании аттитюдов к свободному владению оружием после массового убийства в начальной школе «Сэнди-Хук» в декабре 2012 г. и январе 2013 г. распределение ответов людей на вопрос «Как Вы относитесь к идее владения оружием?» выглядело следующим образом (в скобках даны результаты второго опроса): Точно против – 38,7 (37,9) %, Против – 24,0 (29,4) %, Нейтрально – 13,7 (14,0) %, За – 12,5 (9,9) %, Точно за – 11,1 (8,9) %. Анализ полученных данных среди демократов / республиканцев, консерваторов / либералов, людей различного возраста и пола не обнаружил статистически значимой разницы в изменениях к аттитюдам [23].

Социально-демографические характеристики и исследуемые темы в поляризации аттитюдов

Исследователи обращают отдельное внимание на вопросы, связанные с социально-демографическими характеристиками поляризации аттитюдов, а также на наиболее популярные темы, связанные с их изучением.

Во-первых, в исследованиях, где были использованы результаты опросов World Values Surveys («Исследование жизненных ценностей») и European Values Surveys («Европейское исследование ценностей») (102 страны, 1981–2008), продемонстрировано, что неравенство в доходах напрямую не связано с поляризацией аттитюдов ($\beta = 0,021$, $p > 0,1$). Однако на поляризацию аттитюдов влияет неравенство в получении образования [3].

Во-вторых, одной из наиболее популярных тем для изучения поляризации аттитудов являются вопросы глобального характера (бутилированная вода). Например, жители Германии ($n = 99$; $M = 40$ лет) в «слепом» тесте (они не знали какую воду они пробовали – бутилированную или из-под крана) не смогли понять какую именно воду они пили ($\chi^2(1, 99) \leq 1,66$, $p \geq 0,198$). Но испытуемые, которые предпочитали пить водопроводную воду, оценивали её как полезную ($F(1, 571) = 68,51$, $p < .001$, $\eta^2_p = 0,11$), в то время как другая группа – как менее полезную ($F(1, 571) = 33,29$, $p < .001$, $\eta^2_p = 0,06$). Однако стандарты очистки воды в Германии предполагают, что водопроводная вода не должна отличаться от бутилированной [5].

В-третьих, исследователи в рамках глобальных вопросов также изучают новости об использовании искусственных подсластителей (ИП) в социальной сети (СС) Facebook. Так, испытуемые, которые видели на странице СС различное количество сообщений об ИП (в первой группе – 10, но ни одного по теме, во второй – 2 (про критику и про то, что ИП является альтернативой сахара), в третьей – 6 (2 из второй группы и ещё 4 про вред и опасность)), по-разному оценивали свои знания о ИП («Я много знаю о ИП в продуктах питания»), а также отношение к нему («ИП – это хорошо / плохо»). Люди, которые читают различные новости (даже о том, что мало понимают, или достаточно короткие), чувствуют себя более уверенными в знаниях ($\beta = 0,07$, $SE = 0,19$; $p = 0,03$; ДИ (0,06; 0,81)) и готовыми участвовать в обсуждении этих новостей, демонстрируя тем самым свои аттитуды ($\beta = 0,03$, $SE = 0,08$;

$p = 0,04$; ДИ (0,02; 0,34)). В дальнейшем это приводит к поляризации их аттитудов [24].

Классификация видов поляризации аттитудов

Выделяют несколько основных видов поляризации [28]: институциональная поляризация – поляризация, которая происходит с помощью средств массовой информации, социальных сетей [28], а особый акцент при её изучении сделан на социальных сетях. Аффективная поляризация – это поляризация мнений и демократов, и республиканцев о том, что каждая из этих групп обладает высоким уровнем лицемерия, эгоизма и не стремится к диалогу с другой стороной [14]. Этот вид поляризации связан с отношением к другой группе и с её оценкой по определённым параметрам. Идеологическая поляризация – это поляризация между людьми, которые разделяют «правые» политические позиции (оправдание и поддержание существующего порядка) и «левые» (его отрицание и стремление к реформам) [2]. Этот вид поляризации является наиболее распространённым, он связан с политическими предпочтениями людей. Ложная поляризация – это восприятие позиции своего оппонента как крайней, при том, что на самом деле его позиция достаточно умеренная [22]. Этот вид поляризации связан со стремлением людей приписывать членам аутгрупп склонность к полярным суждениям.

Они отличаются по ряду критериев, таких как: 1) *направление* – одни виды поляризации направлены на изучение поведения в онлайн-пространстве, в то время как другие в офлайн-пространстве (институциональная и др.);

2) *восприятие* – одни виды поляризации рассматривают членов аутгруппы как людей, которые не способны взаимодействовать с членами другой группы, в то время как другие считают, что такое взаимодействие возможно; 3) *связь* – одни виды поляризации связаны с политическим предпочтением, а другие не имеют такой связи (идеологическая и др.); 4) *атрибуция* – при одних видах поляризации человек стремится приписать существенную разницу в восприятии attitudes члену аутгруппы, в других такое стремление отсутствует. Ниже дано их подробное описание.

Институциональная поляризация. Во-первых, исследователи изучают особенности поляризации, которая происходит в социальных сетях относительно спорных вопросов, связанных с правами людей. Например, закон о свободном владении оружием: противники (демократы) и сторонники (консерваторы). Испытуемые читали статью (написанную специально для исследования) и оставляли под ней свои комментарии с её оценкой. Так, комментарии, где демонстрировалось некорректное отношение ($M = 3,50$, $SD = 1,78$; $F(1, 187) = 12,34$, $p < 0,001$), и не было приведено фактических данных, уменьшали готовность испытуемых продолжать участвовать в дискуссии (и просматривать комментарии) и вызывали у них негативные эмоции ($M = 4,41$, $SD = 1,44$; $F(1, 187) = 95,79$, $p < 0,001$) и большую поляризацию attitudes. Однако фактические данные (были они или нет) не влияли на готовность участвовать в дискуссии и на поляризацию [16].

Во-вторых, исследователи изучают поляризацию относительно острых

политических вопросов. Так, пользователи Facebook из Голландии демонстрировали поляризацию по вопросам ассоциации ЕС и Украины ($p = 0,074$) и проблеме беженцев ($p = 0,080$). Люди, которые распространяли информацию о референдуме (ЕС и Украина) и беженцах в социальной сети, в большей степени были готовы участвовать в референдуме (офлайн-поведение) ($\beta = .261$, $p < .01$) [15].

В-третьих, отдельно изучаются вопросы, связанные с поляризацией attitudes к мигрантам. В 2015 г. жители Дании с позитивными attitudes к беженцам (после использования СМИ и социальных сетей (СС)) оказывали им помощь (раздавали продукты питания беженцам или запускали кампанию по сбору средств для беженцев) ($\beta = .130$, $SE = .019$, $p < 0.01$). Если человек являлся активным пользователем СС и имел негативные attitudes, он гораздо критичнее относится к ним и меньше был готов демонстрировать политическое поведение, направленное на помощь (например, участие в демонстрации, посвящённой беженцам (усиливающий коэффициент непрямого эффекта медиации = $-.002$, $p = .291$), выражение мнения о беженцах в Facebook или других социальных сетях (усиливающий коэффициент непрямого эффекта медиации = $-.000$, $p = .853$)) [20].

Наконец, в-четвёртых, исследователи изучают, каким образом предпочтение различных средств массовой информации (традиционных или современных) способно поляризовать attitudes к мигрантам. Например, жители Австрии, которые предпочитают «традиционные» СМИ (СМИ) (телевидение, радио, газеты) ($b = -.45$,

SE = 0.26, $p = 0.085$) не отличаются от тех, кто предпочитает социальные сети (CC) (Facebook, Twitter, YouTube или Instagram) ($b = -.27$, SE = 0.26, $p = 0.288$) по аттитудам к мигрантам. Если человек уделяет внимание негативной информации о мигрантах (случаи насилия, экстремизма и распространения радикальных идей), его аттитуды становились сильнее (если они были согласны с такой информацией) (для CC: $b = 0.50$, SE = 0.19, $p = 0.009$, СМИ: $b = 0.82$, SE = 0.25, $p < 0.001$). Если человек обращал внимание на позитивную информацию о мигрантах (информация о заслугах и успешной интеграции), он менял свои аттитуды на более позитивные (для CC: $b = -.08$, SE = 0.05, $p = 0.024$, для СМИ: $b = -.08$, SE = 0.05, $p = 0.024$) [25].

Институциональная поляризация изучается в контексте использования людьми различных социальных сетей. Однако не во всех исследованиях есть данные о том, как именно контролировалась социальная желательность респондентов. Кроме того, их поляризация в социальных сетях могла быть связана с их стратегией самопрезентации в онлайн-пространстве и может не совпадать с их поведением в офлайн-пространстве.

Аффективная поляризация. Исследователи обращают внимание на несколько важных вопросов, связанных с изучением аффективной поляризации, которые рассмотрены ниже.

Во-первых, аффективная поляризация изучалась в период распространения COVID-19. В этом исследовании респонденты оценивали мысли о вирусе (для себя и страны), действия, снижающие вероятность заразиться, и меры, которые направлены на уменьшение

вероятности заражения. Было установлено, что республиканцы проявляют большую враждебность в тех районах, где небольшое число заболевших. Они также склонны к большей поляризации там, где уровень заболеваемости был низким. В то же время демократы в большей степени одобряют поведение, направленное на снижение распространения вируса. Однако в тех районах, где люди болеют чаще, аффективная поляризация оказывается сниженной [7].

Во-вторых, факторы могут быть связаны с увеличением аффективной поляризации (АП). Исследователи отмечают, что с 1996 г. уровень АП в США увеличивается и составляет 4,58 балла (0–10). Увеличение может быть связано с несколькими причинами: обсуждение «культурных» вопросов (права людей и т. д.) (при увеличении на 1 стандартное отклонение уровень АП увеличивается на 0,17 единицы), уровень неравенства доходов (0,18 единицы) и безработица (0,22 единицы) [11].

В-третьих, психологические особенности, которые связаны с аффективной поляризацией. Так, испытуемые по-разному оценивали вопросы, которые они обсуждают постоянно или нет. Если участник читал виньетку, в которой указывалось на то, что человек также является представителем партии (одинаковой с испытуемым), он давал им оценки выше (SE = 1,44, $p < 0,001$), чем если не было указания на партию (SE = 1,25, $p < 0,001$). В ходе нескольких исследований, в которых варьировали факторы (например, частота обсуждения вопросов), было установлено, что идентичность человека является ведущим механизмом АП. Было также установлено, что эмоциональный компонент привязан-

ности (но не только знания) к партии связан с идентичностью к ней [6].

В-четвёртых, оценивается, как воспринимают люди последователей другой партии и её элиту. Исследователи, которые изучали этот вопрос, пришли к мнению, что люди, которых просят оценить представителей других партий по термометру чувств (ранжирование по шкале, аналогичной термометру), дают им разные оценки. Так, люди, которые оценивают избирателей других партий, оценивают их на 28,8 градуса, а представителей элиты партии – на 24,7 градуса [8].

Аффективную поляризацию часто исследуют в контексте изучения психологических факторов (например, идентичности). Тем не менее, содержание идентичности, которая вызывает аффективную поляризацию (или является её следствием), также может быть различным. Этот вопрос требует дополнительного исследования.

Идеологическая поляризация. Исследователи, которые изучают идеологическую поляризацию, обращают внимание на несколько различных тем.

Во-первых, они изучают её в контексте конкретных (не европейских) стран (например, в Венгрии). Так, в одном из исследований было установлено, что число избирателей у представителей социалистической партии уменьшилось на 25%, а у гражданского союза, напротив, увеличилось на 10%. Кроме того, эту поляризацию изучают на примере глобального потепления [4]. В одном из исследований было обнаружено, что консерваторы в меньшей степени выражали озабоченность, если думали не о своей стране (восприятие риска: $B = -.32$, $SE = .10$, $p < .01$; отрицательный аффект: $B = -.52$,

$SE = .18$, $p < .01$), и в большей, если речь шла о США ($B = 0,28$, $SE = 0,09$, $p < 0,01$). Кроме того, поляризация изучается и в контексте исследования соотношения межгрупповых и внутригрупповых конфликтов. В результате анализа существующих исследований было установлено, что межгрупповой конфликт усиливает внутреннюю поляризацию. В свою очередь, это препятствует разрешению внешнего конфликта [21].

В другом исследовании испытуемые из Южной Кореи (половина выборки – высокий уровень идентификации с либеральной партией, другая – с консервативной) оценивали аттитуды относительно проблем глобального потепления, генно-модифицированных продуктов (партии не расходятся во мнении) и цветения водорослей (партии расходятся во мнении). Аргументы, которые необходимо было оценить, отличались по обоснованности и убедительности. Испытуемым говорили, что авторами статей, которые они читали, были разные люди: либо это политический лидер партий (близкий испытуемому), либо это профессор Стэнфордского университета / учёный-климатолог НАСА. В результате было выявлено, что большую поляризацию по рассматриваемым вопросам демонстрировали люди, которые читали статьи, подписанные политическими лидерами их партий, но не профессором / учёным ($b = 0,16$, $SE = 0,07$, $p = 0,018$) [12].

Во-вторых, этот вид поляризации рассматривается на примере принадлежности людей либо к республиканцам (консерваторы – «правые»), либо к демократам (либералы – «левые»). В основном исследования поляризации касаются двух вопросов: строительства

стены между США и Мексикой (республиканцы – за, демократы – против) и введения системы всеобщего здравоохранения (республиканцы – против, демократы – за). За неделю до участия в исследовании они заполняли опросник, затем попадали в группу, в которой: 1) никакой информации не давалось; 2) давалась информация о том, что члены различных партий имеют противоположные точки зрения; 3) о том, что эти вопросы имеют большую степень неопределённости. Если республиканцы и либералы получали информацию о противоположной группе, они ещё больше убеждались в правоте собственной позиции (например, всеобщее здравоохранение: консерваторы $B = -1.367$, $SE = 0.249$, $p < 0.001$, либералы $B = -0.635$, $SE = 0.371$, $p < 0.05$). Однако консерваторы (например, строительство стены: $B = -2.701$, $SE = 0.309$, $p < 0.001$), но не либералы ($B = -1.164$, $SE = 0.439$, $p < 0.001$) были склонны к большей поляризации (релятивная, но не эпистимиологическая мотивация) [19].

В-третьих, идеологическая поляризация отдельно изучается в предвыборной гонке. Так, в одном из исследований сравнивались данные, которые были получены в 2012 и 2016 гг. (годы выборов президента в США). Поляризация аттитюдов, которые избиратели демонстрировали к кандидатам на выборах, были связаны в дальнейшем с желанием общаться с единомышленниками (в 2012 г.: от первой (до дебатов) ко второй (между третьими и четвёртыми дебатами) волне: путевой коэффициент - .595, от второй к третьей (через неделю после выборов): .455; в 2016 г.: от первой ко второй волне: путевой коэффициент

- .586, от 2 к 3: .479). В свою очередь, такое общение приводило к ещё большей поляризации избирателя по отношению к кандидату, за которого он собирался голосовать, и против их политического противника [13].

Идеологическая поляризация изучается достаточно часто в условиях различных стран и культур. Однако исследований, которые бы сравнивали, к примеру, страны с различными культурными особенностями и связь культуры с идеологической поляризацией, обнаружить не удалось. Такие исследования могли продемонстрировать разницу между культурами и её связь и / или влияние на этот вид поляризации аттитюдов.

Ложная поляризация как феномен достаточно часто изучается на примере восприятия мнения «своей» и «чужой» партии в США. В одном исследовании [10] было выявлено, что такая поляризация связана с категориальным мышлением (объединением людей с похожими характеристиками) и сильным упрощением и увеличением негативных эмоций по отношению к другой группе. В другом было обнаружено, что демократы ($b = -0.03$, 95% ДИ = $[-0.24, 0.19]$) и республиканцы ($b = 0.16$, 95% ДИ = $[-0.02, 0.34]$) используют механизмы мета-восприятия (мысли о том, как один человек воспринимается другим) и различный уровень точности в понимании позиции своего политического оппонента (чувствительности к истине, которая может касаться даже человека с ярко выраженной противоположной политической позицией) [17].

Для более подробного изучения ложной поляризации (ЛП) относительно недавно было проведено исследование,

состоящее из трёх частей. В первой части было показано, что ЛП характерна как для либералов (Л.), так и для консерваторов (К.) (63% Л. были согласны с тем, что спикеров, которые вызывают дискуссии в обществе, не следует приглашать к студентам ($t(93) = 9,89$, $p < 0,001$, 95% ДИ [22,95, 34,48]), и в 55% они абсолютно согласны с утверждением ($t(93) = 13,16$, $p < 0,001$, 95% ДИ [32,22, 43,67]). 1) Если К. считают, что Л. одобряют таких спикеров, то именно это одобрение является ЛП; 2) ЛП может быть связана с нежеланием контактировать с другой группой, а также обсуждать важные политические вопросы (например, для крайних К.: $r(501) = -0,91$, $p = 0,042$); 3) отношение было связано с оценками К. к Л. (и наоборот). Так, оценки, которые давали «крайние» Л. К., были негативными. В то же время оценки, которые давали «крайние» К. Л., также были негативными [22]. Было установлено, что Л. в своих суждениях опирались на «крайнюю» позицию по консервативным вопросам ($M = 4,62$, $SE = 0,13$). В то же время, консерваторы объясняли свою неприязнь на «крайнюю» позицию по либеральным вопросам ($M = 4,65$, $SE = 0,17$) ($p = 0,001$) [22].

К недостаткам существующих исследований можно отнести достаточно малое количество эмпирических работ по ложной поляризации, часть из которых основывается исключительно на проблемах, которые появились относительно недавно, т. е. неизвестно, насколько эти проблемы будут популярными спустя время.

Основные результаты и выводы

Проведённый обзор позволяет прийти к описанию следующих психологи-

ческих особенностей поляризации и выводам:

- во-первых, исследователей интересует связь когнитивных процессов и поляризации аттитудов. Мощное современное развитие когнитивных наук, а также события, которые происходят ежедневно, дают возможность устанавливать новые и актуальные связи;

- во-вторых, изучаются социально-демографические характеристики людей, которые демонстрируют поляризацию аттитудов. В современном мире эта проблема становится особенно актуальной: неравенство в доходах, доступе к информации, медицине увеличивают поляризацию. Возможно, изучение поляризации позволит обратить внимание людей на эти факторы и проблемы, а также позволит наметить пути решения;

- в-третьих, исследователи отдельно изучают поляризацию в онлайн- и офлайн-пространстве. Изучение особенностей, которые характерны для различных пространств, поможет лучше понимать связь между поляризацией аттитудов и поведением людей;

- в-четвёртых, рассматриваются эмоции, которые связаны с поляризацией. Они имеют выраженный характер, когда происходят крупные события (например, пандемия COVID-19), и проявляются наиболее ярко, по сравнению с другими видами.

- в-пятых, поляризацию по идеологическим особенностям рассматривают в контексте политической системы США. Изучаются вопросы восприятия лидера в контексте восприятия партии. Они также могут быть связаны с медиапространством избирателей.

– наконец, в-шестых, отдельно исследуется ложная поляризация, которая связана с особенностями политической системы, при которой некоторые вопросы (например, строительство стены с Мексикой) являются до сих пор дискуссионными.

Перспективы эмпирического исследования поляризации аттитудов

Опираясь на проведённое исследование, можно акцентировать внимание на следующих перспективах эмпирического исследования поляризации аттитудов:

– во-первых, актуальным является вопрос, какие когнитивные процессы, связанные с переработкой информации и принятием решений, влияют на поляризацию аттитудов;

– во-вторых, вопрос о том, какие социально-демографические факторы играют большую роль в поляризации аттитудов, также ещё предстоит изучить;

– в-третьих, изучение связи между предпочтением человеком «традиционных» и «современных» СМИ и его степенью поляризации становится особенно актуальным в тех обществах, где СМИ несут различную информационную повестку;

– в-четвёртых, эмпирическое изучение поляризации аттитудов поможет найти новые способы коммуникации между сторонниками различных политических партий и лидеров;

– в-пятых, исследование поляризации аттитудов с учётом политической системы РФ позволит понять механизмы, которые лежат в основе непонимания представителей различных политических сил друг друга;

– наконец, в-шестых, в контексте политической системы РФ для эмпирического исследования необходимо изучить, каким образом люди, которые хотят сохранить всё, как есть, относятся к тем, кто считает, что необходимы изменения.

Статья поступила в редакцию 04.08.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Beam M. A., Hutchens M. J., Hmielowski J. D. Facebook news and (de)polarization: Reinforcing spirals in the 2016 US election // Information, Communication & Society. 2018. № 21 (7). P. 940–958. DOI: 10.1080/1369118x.2018.1444783
2. Blatz C. W., Mercier B. False polarization and False Moderation // Social Psychological and Personality Science. 2017. № 9 (5). P. 521–529. DOI: 10.1177/1948550617712034
3. Bosancianu C. M. A growing rift in values? Income and educational inequality and their impact on mass attitude polarization // Social Science Quarterly. 2017. № 98 (5). P. 1587–1602. DOI: 10.1111/ssqu.12371
4. Chu H., Yang J. Z. Taking climate change here and now – mitigating ideological polarization with psychological distance // Global Environmental Change. 2018. № 53. P. 174–181. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2018.09.013
5. Debbeler L. J., Gamp M., Blumenschein M. Polarized but illusory beliefs about tap and bottled water: A product- and consumer-oriented survey and blind tasting experiment // Science of The Total Environment. 2018. № 643. P. 1400–1410. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2018.06.190
6. Dias N., Lelkes Y. The nature of affective polarization: Disentangling policy disagreement from partisan identity [Электронный ресурс] // American Journal of Political Science. 2021. № 1. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf> (дата обращения: 10.10.2021).

7. Affective polarization, local contexts and public opinion in America / J. N. Druckman, S. Klar, Y. Krupnikov, M. Levendusky, J. B. Ryan // *Nature Human Behaviour*. 2020. № 5 (1). P. 28–38. DOI: 10.1038/s41562-020-01012-5
8. Druckman J. N., Levendusky M. S. What do we measure when we measure affective polarization? // *Public Opinion Quarterly*. 2019. № 83 (1). P. 114–122. DOI: 10.1093/poq/nfz003
9. Eibach R. Ideological polarization and social psychology [Электронный ресурс] // *Oxford Research Encyclopedia of Psychology*. [2021]. URL: <https://oxfordre.com/psychology> (дата обращения: 10.10.2021).
10. Fernbach P. M., Van Boven L. False polarization: Cognitive mechanisms and potential solutions [Электронный ресурс] // *Current Opinion in Psychology*. 2022. № 43. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 10.10.2021).
11. Gidron N., Adams J., Horne W. American affective polarization in Comparative perspective (Elements in American Politics) [Электронный ресурс] // *Cambridge Core*. [2020]. URL: <https://www.cambridge.org/core> (дата обращения: 10.10.2021).
12. Han J., Kim Y. Defeating merchants of doubt: Subjective certainty and self-affirmation ameliorate attitude polarization via partisan motivated reasoning // *Public Understanding of Science*. 2020. Vol. 29. № 7. P. 729–744. DOI: 10.1177/0963662520939315
13. Hutchens M. J., Hmielowski J. D., Beam M. A. Reinforcing spirals of political discussion and affective polarization // *Communication Monographs*. 2019. № 86 (3). P. 357–376. DOI: 10.1080/03637751.2019.1575255
14. Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M. The origins and consequences of Affective polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. 2019. № 22 (1). P. 129–146. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051117-073034
15. Johnson B. K., Neo R. L., Heijnen M. E. Issues, involvement, and influence: Effects of selective exposure and sharing on polarization and participation [Электронный ресурс] // *Computers in Human Behavior*. 2020. № 104. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 11.10.2021).
16. Kim Y., Kim Y. Incivility on facebook and political polarization: The mediating role of seeking further comments and negative emotion // *Computers in Human Behavior*. 2019. № 99. P. 219–227. DOI: 10.1016/j.chb.2019.05.022
17. Lees J., Cikara M. Understanding and combating misperceived polarization [Электронный ресурс] // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2021. № 376 (1822). URL: <https://royalsocietypublishing.org> (дата обращения: 11.10.2021).
18. Myers D. G., Lamm H. The Polarizing Effect of Group Discussion // *American Scientist*. 1975. Vol 63. № 3. P. 297–303.
19. Morisi D., Goldberg M. H., Jost J. Ideological asymmetries in motivated reasoning and the mechanisms of attitude polarization: A two-wave survey experiment [Электронный ресурс] // *Annual APSA Conference 2020, Washington, September 13, 2020*. URL: <https://osf.io/agjz2> (дата обращения: 11.10.2021).
20. Ohme J. Algorithmic social media use and its relationship to attitude reinforcement and issue-specific political participation – the case of the 2015 European immigration movements // *Journal of Information Technology & Politics*. 2020. № 18 (1). P. 36–54. DOI: 10.1080/19331681.2020.1805085
21. Orian Harel T., Maoz I., Halperin E. A conflict within a conflict: Intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. № 34. P. 52–57. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.11.013
22. Parker V. The Great and Widening Divide: Political False Polarization and its Consequences: a thesis ... Cand. Sci. (Psychology). Wilfrid, 2018. 158 p.

23. Rogowski J. C., Tucker P. D. Critical events and attitude change: Support for gun control after mass shootings // *Political Science Research and Methods*. 2018. Vol. 7 (04). P. 903–911. DOI: 10.1017/psrm.2018.21
24. Schäfer S. Illusion of knowledge through facebook news? Effects of snack news in a news feed on perceived knowledge, attitude strength, and willingness for discussions [Электронный ресурс] // *Computers in Human Behavior*. 2020. № 103. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 11.10.2021).
25. Schmuck D., Heiss R., Matthes J. Drifting further apart? How exposure to media portrayals of muslims affects attitude polarization // *Political Psychology*. 2020. № 41 (6). P. 1055–1072. DOI: 10.1111/pops.12664
26. Schwalbe M. C., Cohen G. L., Ross L. D. The objectivity illusion and voter polarization in the 2016 presidential election [Электронный ресурс] // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117 (35). URL: <https://www.pnas.org/content/117/35/21218> (дата обращения: 11.10.2021).
27. Vegetti F. The political nature of ideological polarization: The case of Hungary // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2018. № 681 (1). P. 78–96. DOI: 10.1177/0002716218813895
28. Wilson A. E., Parker V. A., Feinberg M. Polarization in the contemporary political and media landscape // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. № 34. P. 223–228. DOI: 10.1016/j.cobeha.2020.07.005

REFERENCES

1. Beam M. A., Hutchens M. J., Hmielowski J. D. Facebook news and (de)polarization: Reinforcing spirals in the 2016 US election. In: *Information, Communication & Society*, 2018, no. 21 (7), pp. 940–958. DOI: 10.1080/1369118x.2018.1444783
2. Blatz C. W., Mercier B. False polarization and False Moderation. In: *Social Psychological and Personality Science*, 2017, no. 9 (5), pp. 521–529. DOI: 10.1177/1948550617712034
3. Bosancianu C. M. A growing rift in values? Income and educational inequality and their impact on mass attitude polarization. In: *Social Science Quarterly*, 2017, no. 98 (5), pp. 1587–1602. DOI: 10.1111/ssqu.12371
4. Chu H., Yang J. Z. Taking climate change here and now – mitigating ideological polarization with psychological distance. In: *Global Environmental Change*, 2018, no. 53, pp. 174–181. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2018.09.013
5. Debbeler L. J., Gamp M., Blumenschein M. Polarized but illusory beliefs about tap and bottled water: A product- and consumer-oriented survey and blind tasting experiment. In: *Science of The Total Environment*, 2018, no. 643, pp. 1400–1410. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2018.06.190
6. Dias N., Lelkes Y. The nature of affective polarization: Disentangling policy disagreement from partisan identity. In: *American Journal of Political Science*, 2021, no. 1. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf> (accessed: 10.10.2021).
7. Druckman J. N., Klar S., Krupnikov Y. Affective polarization, local contexts and public opinion in America. In: *Nature Human Behaviour*, 2020, no. 5 (1), pp. 28–38. DOI: 10.1038/s41562-020-01012-5
8. Druckman J. N., Levendusky M. S. What do we measure when we measure affective polarization? In: *Public Opinion Quarterly*, 2019, no. 83 (1), pp. 114–122. DOI: 10.1093/poq/nfz003
9. Eibach R. Ideological polarization and social psychology. In: *Oxford Research Encyclopedia of Psychology*, 2021. Available at: <https://oxfordre.com/psychology> (accessed: 10.10.2021).

10. Fernbach P. M., Van Boven L. False polarization: Cognitive mechanisms and potential solutions. In: *Current Opinion in Psychology*, 2022, no. 43. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 10.10.2021).
11. Gidron N., Adams J., Horne W. American affective polarization in Comparative perspective (Elements in American Politics). In: *Cambridge Core*, 2020. Available at: <https://www.cambridge.org/core> (accessed: 10.10.2021).
12. Han J., Kim Y. Defeating merchants of doubt: Subjective certainty and self-affirmation ameliorate attitude polarization via partisan motivated reasoning. In: *Public Understanding of Science*, 2020, vol. 29, no. 7, pp. 729–744. DOI: 10.1177/0963662520939315
13. Hutchens M. J., Hmielowski J. D., Beam M. A. Reinforcing spirals of political discussion and affective polarization. In: *Communication Monographs*, 2019, no. 86 (3), pp. 357–376. DOI: 10.1080/03637751.2019.1575255
14. Iyengar S., Leikes Y., Levendusky M. The origins and consequences of Affective polarization in the United States. In: *Annual Review of Political Science*, 2019, no. 22 (1), pp. 129–146. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051117-073034
15. Johnson B. K., Neo R. L., Heijnen M. E. Issues, involvement, and influence: Effects of selective exposure and sharing on polarization and participation. In: *Computers in Human Behavior*, 2020, no. 104. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 11.10.2021).
16. Kim Y., Kim Y. Incivility on facebook and political polarization: The mediating role of seeking further comments and negative emotion. In: *Computers in Human Behavior*, 2019, no. 99, pp. 219–227. DOI: 10.1016/j.chb.2019.05.022
17. Lees J., Cikara M. Understanding and combating misperceived polarization. In: *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2021, no. 376 (1822). Available at: <https://royalsocietypublishing.org> (accessed: 11.10.2021).
18. Myers D. G., Lamm H. The Polarizing Effect of Group Discussion. In: *American Scientist*, 1975, vol. 63, no. 3, pp. 297–303.
19. Morisi D., Goldberg M. H., Jost J. Ideological asymmetries in motivated reasoning and the mechanisms of attitude polarization: A two-wave survey experiment. In: *Annual APSA Conference 2020, Washington, September 13, 2020*. Available at: <https://osf.io/agjz2> (accessed: 11.10.2021).
20. Ohme J. Algorithmic social media use and its relationship to attitude reinforcement and issue-specific political participation – the case of the 2015 European immigration movements. In: *Journal of Information Technology & Politics*, 2020, no. 18 (1), pp. 36–54. DOI: 10.1080/19331681.2020.1805085
21. Orian Harel T., Maoz I., Halperin E. A conflict within a conflict: Intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict. In: *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020, no. 34. P. 52–57. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.11.013
22. Parker V. The Great and Widening Divide: Political False Polarization and its Consequences: a thesis of Cand. Sci. (Psychology). Wilfrid, 2018. 158 p.
23. Rogowski J. C., Tucker P. D. Critical events and attitude change: Support for gun control after mass shootings. In: *Political Science Research and Methods*, 2018, vol. 7 (04), pp. 903–911. DOI: 10.1017/psrm.2018.21
24. Schäfer S. Illusion of knowledge through facebook news? Effects of snack news in a news feed on perceived knowledge, attitude strength, and willingness for discussions. In: *Computers in Human Behavior*, 2020, no. 103. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 11.10.2021).
25. Schmuck D., Heiss R., Matthes J. Drifting further apart? How exposure to media portrayals of muslims affects attitude polarization. In: *Political Psychology*, 2020, no. 41 (6), pp. 1055–1072. DOI: 10.1111/pops.12664

26. Schwalbe M. C., Cohen G. L., Ross L. D. The objectivity illusion and voter polarization in the 2016 presidential election. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2020, vol. 117 (35). Available at: <https://www.pnas.org/content/117/35/21218> (accessed: 11.10.2021).
27. Vegetti F. The political nature of ideological polarization: The case of Hungary. In: *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2018, no. 681 (1), pp. 78–96. DOI: 10.1177/0002716218813895
28. Wilson A. E., Parker V. A., Feinberg M. Polarization in the contemporary political and media landscape. In: *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020, no. 34, pp. 223–228. DOI: 10.1016/j.cobeha.2020.07.005

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Неврюев Андрей Николаевич – старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва;
e-mail: annevryuev@fa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey N. Nevryuev – Senior lecturer, Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Studies and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow;
e-mail: annevryuev@fa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Неврюев А. Н. Обзор зарубежных исследований поляризации аттитюдов при спорах, диспутах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 39–52.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-39-52

FOR CITATION

Nevryuev A. N. Review of foreign research on attitude polarization in arguments and disputes. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 1, pp. 39–52.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-39-52

УДК 159.9.072.432

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-53-68

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАРТНЁРСТВЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, СОСТОЯЩИХ В ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

Позняков В. П., Панфилова Ю. М.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить особенности представлений о партнёрстве в добрачных отношениях, а также в отношениях зарегистрированного брака.

Процедура и методы. Для выбора показателей партнёрства использовался теоретический анализ эмпирических исследований делового партнёрства, также проводился отбор показателей партнёрства методом «Незаконченные предложения». Для исследования представлений о партнёрстве в добрачных отношениях и отношениях зарегистрированного брака использовался авторский опросник, предлагающий оценить выраженность каждого выделенного показателя по шкале от 1 до 10. Исследование проведено на выборке, включающей в себя молодых людей (18–35 лет), которые проживают в г. Москве и Московской области, состоящих в отношениях незарегистрированного брака (N=144), состоящих в отношениях зарегистрированного брака (N=120), а также состоящих в отношениях регулярных встреч (без совместного проживания) (N=59).

Результаты. Выявлены особенности представлений о партнёрстве молодых людей, состоящих в добрачных отношениях и отношениях зарегистрированного брака. Дана характеристика представлений о партнёрстве молодых людей, состоящих в каждой из указанных форм отношений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Итоги исследования могут использоваться практическими психологами в области семейного консультирования, а также могут быть полезны для формирования понимания обществом особенностей отношения к партнёрству в добрачных и брачных отношениях.

Ключевые слова: добрачные отношения, зарегистрированный брак, эмоционально близкие отношения, партнёр, представления о партнёрстве, взаимодействие, равенство в отношениях.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00356).

EMOTIONAL EVALUATION OF PARTNERSHIP IN PRE-MARITAL AND MARITAL RELATIONS

V. Poznyakov, Yu. Panfilova

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
ul. Yaroslavskaya 13-1, Moscow 129366, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the peculiarities of ideas about partnership in pre-marital and marital relations.

Methodology. To select the indicators of partnership, a theoretical analysis of empirical studies of business partnerships was used, as well as the method of "Unfinished sentences". To study the ideas about partnership in various forms of emotionally close relationships, the author's questionnaire was used, which proposes to evaluate the significance of each selected indicator on a scale from 1 to 10. The study was conducted on groups of young people (18-35 years old) living in Moscow and Moscow region, including partners in unregistered marriage (N = 144); partners in registered marriage (N = 120); as well as those in relationship of regular meetings (without cohabitation) (N = 59). The total sample of the study was 323 people.

Results. Both similarities and differences in the ideas about partnership between representatives of pre-marital and marital relations were revealed. The characteristics of ideas about partnership in each form of relationships are given.

Research implications. The results of the research can be used by practicing psychologists in the field of family counseling, as well as be useful for understanding issues of emotional evaluation in pre-marital and marital relations.

Keywords: pre-marital relations, registered marriage, emotionally close relationships, partner, ideas about partnership, interaction, equality in relationships.

Acknowledgment. The article was prepared with the financial support of the grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-28-00356).

Введение

В настоящее время партнёрство становится актуальным принципом взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности молодых людей, в том числе в семейно-брачной сфере. Зарегистрированный брак выступает не единственной формой отношений между мужчиной и женщиной: повышается количество и длительность добрачных отношений, к которым относятся, прежде всего, отношения регулярных встреч (без совместного проживания), а также отношения незарегистрированного брака. В. П. Левкович отмечает важную роль

добрачных отношений партнёров в стабилизации и дестабилизации молодых семей, а также подчёркивает, что этот период жизни молодёжи является наименее изученным [12].

В настоящее время к добрачным отношениям относятся отношения регулярных встреч без совместного проживания (называемые в литературе «романтические отношения»), а также отношения незарегистрированного брака.

Среди современных брачных тенденций исследователи отмечают повышение брачного возраста и рождения детей [1], повышение значимости ма-

териальных ценностей в обществе, пре-
валирование важности образования и
построения карьеры над вступлением в
брак [10]. К представлениям молодёжи
о семейно-брачных отношениях также
относятся сильная зависимость жела-
ния вступить в брак от своего матери-
ального положения [7; 13; 22], слабая
ориентация на деторождение и воспи-
тание детей, стремление к самореализа-
ции в профессиональной жизни, боль-
шая раскованность в сексуальной
жизни (по сравнению с представителя-
ми более старших поколений) [7].

В последние десятилетия отмечают-
ся изменения в моделях семейно-брач-
ных отношений, происходит транс-
формация института семьи и брака,
наблюдается переход от «традицион-
ного» типа к «современному», сопро-
вождающийся ростом альтернативных
форм семейных отношений, таких как
неофициальные супружеские союзы
(незарегистрированные браки) [9; 24].

В отношениях зарегистрированного
брака супруги всё чаще не следуют тра-
диционным моделям взаимодействия,
где мужчина выступает главой семьи, а
женщина подчиняется решениям муж-
чины, а стремятся к равноправию в от-
ношениях. Так, например, С. И. Голод
отмечает возникновение супружеско-
го типа семьи, который предполагает
решение вопросов в семье путём коо-
перации, а не доминирования – под-
чинения, как в патриархальном типе
семьи [6].

В настоящее время вопросы семьи
и брака решаются рядом учёных [8; 11;
14 и др.], однако вопросы представле-
ния о партнёрстве в добрачных отно-
шениях и отношениях зарегистриро-
ванного брака остаются практически
неизученными.

Партнёрство как форма взаимодей-
ствия между мужчиной и женщиной
стала возможна благодаря возраста-
ющим начиная с середины XX в. эконо-
мической независимости и соци-
альной свободе женщин. Это, в свою
очередь, связывается с индустриализа-
цией, предоставлением возможностей
женщинам наравне с мужчинами ве-
сти активную социальную и экономи-
ческую деятельность.

В ситуации, когда мужчина и жен-
щина не руководствуются заданными
моделями поведения, а готовы при-
нимать решения, основываясь на соб-
ственных представлениях об отноше-
ниях, можно говорить о партнёрстве
как принципе взаимодействия в отно-
шениях.

Партнёрство сопряжено с намере-
нием сотрудничать, с готовностью
решать возникающие вопросы через
договорённости, а не следовать фик-
сированным ролям в отношениях,
приходить сообща к решению даже
бытовых вопросов. В свою очередь, в
добрачных отношениях наличие сво-
боды, обусловленной отсутствием
жёстких ролей в таких отношениях,
способствует более лёгкому принятию
решений, опять же, связанных с отно-
шениями (или с их завершением).

Партнёрство в добрачных отноше-
ниях и отношениях зарегистрирован-
ного брака является новой областью ис-
следования, которая ещё недостаточно
изучена. В нашей работе, посвящённой
этой теме, мы будем отталкиваться от
феномена образа-представления. Он
рассматривался рядом отечественных
и зарубежных психологов; мы будем
опираться на определение этого фе-
номена, данного С. Л. Рубинштейном:
«воспроизведённый образ предмета,

основывающийся на прошлом опыте, и обладающий такими характеристиками, как обобщённость и сниженная яркость» [19, с. 278]. Таким образом, под представлением о партнёрстве может быть представлен как образ идеальных отношений такого типа (которому соответствует высокая степень выраженности показателей партнёрства), так и образ реального партнёрства (которому соответствует оценка актуального союза с точки зрения его соответствия образу идеальных партнёрских отношений). Далее под представлениями мы будем иметь в виду именно образ реального партнёрства в соответствии с оценками наших респондентов.

Вызывают интерес различия в представлениях о партнёрстве молодых людей, состоящих в добрачных отношениях (к которым относятся отношения регулярных встреч (без совместного проживания) и отношения незарегистрированного брака) и молодых людей, состоящих в отношениях зарегистрированного брака.

Данные формы отношений различаются по ряду особенностей взаимодействия: в отношениях регулярных встреч (без совместного проживания) молодые люди встречаются для совместного времяпрепровождения, отсутствует ведение совместной хозяйственно-бытовой деятельности, отношения в паре могут быть скрыты от окружающих, а также могут отсутствовать сексуальные отношения. Отношения регулярных встреч без совместного проживания (часто обозначаемые как «романтические отношения») характеризуются как «пробная» форма близких межличностных отношений [2], в то время как

отношения незарегистрированного брака часто являются «пробной» формой семьи. Стоит отметить, что «романтические отношения» – понятие, которое относится не к форме отношений, а к содержанию отношений, что не исключает наличия «романтических отношений» и в других формах эмоционально-близких диадных отношений, т. е. в незарегистрированном или зарегистрированном браке, в связи с чем мы придерживаемся термина именно «отношения регулярных встреч (без совместного проживания)» для обозначения данной формы отношений.

В отношениях незарегистрированного брака пара ведёт совместное хозяйство, у пары может присутствовать совместное имущество, признанность отношений в обществе в таких отношениях выше, чем в отношениях без совместного проживания, а также, как правило, регулярны сексуальные отношения. Нередко в таких отношениях партнёры также могут воспитывать детей, однако отсутствуют законодательные рамки отношений, которые могли бы предоставлять гарантии матери и ребёнку. В связи с чем доверие в отношениях незарегистрированного брака является важной составляющей данных отношений.

Отношения партнёров в зарегистрированном браке (в его традиционном и наиболее распространённом виде), регулируются законодательством, часто сопряжены с выполнением родительских функций, базируются на взаимодействии двух супругов разного пола (по крайней мере, в современном российском обществе), в данных отношениях является немаловажным распределение социальных ролей в семье (мужчина – глава семьи, а жен-

щина ему подчиняется), в связи с чем в данных отношениях велика вероятность следования заданным моделям поведения и распределения семейных обязанностей между супругами в соответствии с традиционными нормами.

В связи с вышеизложенным есть основания полагать, что двум формам добрачных отношений и отношениям зарегистрированного брака присущи свои особенности представлений о партнёрстве.

Исследование различий в представлениях о партнёрстве в добрачных отношениях и в отношениях зарегистрированного брака поможет выявить особенности представлений о таких типах отношений.

Теоретические основания и концептуальные представления

Феномен партнёрства, – многогранное явление, которое в настоящее время исследовано недостаточным образом. В исследованиях, выполненных одним из авторов статьи совместно с учениками и коллегами, феномен партнёрства в сфере делового взаимодействия изучался на примере российских предпринимателей [3; 16; 18].

В самом общем виде «партнёр» – это участник игры с кем-нибудь, а также вообще участник какой-нибудь совместной деятельности¹.

Т. С. Вавакина определяет партнёрство как «горизонтальное социальное взаимодействие самостоятельных, инициативных субъектов, реализующих в данном взаимодействии определённые стратегические цели и/или решающих текущие задачи» [5, с. 153].

В различных сферах общества партнёрство становится актуальным принципом взаимодействия, в том числе в сфере семейно-брачных отношений. Однако детально социально-психологические особенности партнёрского взаимодействия в данной сфере практически не исследованы [4; 5; 15].

Т. С. Вавакина в 2019 г. провела исследование, по результатам которого было выявлено, что у людей чаще складываются партнёрские отношения именно в сфере личной жизни и семейной сфере, чем в деловой сфере [4]. В связи с этим исследования партнёрства особенно актуальны именно для добрачных отношений и отношений зарегистрированного брака.

В литературе можно встретить понимание партнёрства в целом, как социального обмена, который включает в себя как обмен материальными, ресурсными благами, так и обмен социальным одобрением, престижем [18; 19; 21; 25].

Однако партнёрство именно в сфере добрачных отношений и отношениях зарегистрированного брака исследовано не достаточно образом.

По итогам пилотажного исследования, проведённого на выборке, включающей в себя молодых людей, состоящих в различных формах добрачных отношений и в отношениях зарегистрированного брака, было выявлено, что важными признаками партнёрства в отношениях молодые люди считают доверие, уважение интересов обоих партнёров, ориентацию на свои интересы и интересы партнёра в равной степени, учёт мнения партнёра в решении споров и разногласий. Данные аспекты партнёрства были выявлены методами полуструктурированного интервью, а также методом «незаконченные пред-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 7-е изд., стер. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. С. 425.

ложения» для выявления представлений о важных аспектах партнёрства.

В. П. Позняков и Т. С. Вавакина в своих исследованиях партнёрства в различных сферах взаимодействия отмечают ориентацию на мнение партнёра, ценность отношений с конкретным партнёром, важность партнёрства как такового [16]. Выделенные аспекты мы также учитывали для исследования представлений о партнёрстве в добрачных отношениях и отношениях зарегистрированного брака.

На основе результатов пилотажного исследования, а также на основе результатов исследования феномена партнёрства, проведённых В. П. Позняковым и Т. С. Вавакиной, для исследования представлений в добрачных отношениях и в отношениях зарегистрированного брака были выделены показатели представлений о партнёрстве: «ориентация на свои интересы» и «ориентация на интересы партнёра», а также вопросы доверия и ответственности в отношениях [16; 17; 20].

Вопросы доверия глубоко и детально изучались А. Б. Купрейченко, которая отмечает, что «доверие и ответственность тесно связаны, – ответственность, справедливость, терпимость, – критерии личности, которые важны для поддержания доверительных отношений» [12, с. 145].

В своих трудах А. Б. Купрейченко применяет термины «Я-доверие» для обозначения доверия субъекта другим людям, а также «Мне-доверие» для обозначения воспринимаемого им доверия со стороны различных людей и групп. Отмечается, что доверие в отношениях подразумевает высокий уровень психологической близости [12]. Мы в данной статье будем применять идеи

А. Б. Купрейченко для интерпретации вопросов доверия и ответственности в оценке представлений о партнёрстве.

В зарубежных исследованиях отмечается, что взаимное доверие в зарегистрированном браке является важным фактором эмоциональной близости [23].

Выявление различий в представлениях о партнёрстве между респондентами, состоящими в различных формах добрачных отношений и отношений зарегистрированного брака, позволит определить особенности представлений о партнёрстве в каждой из данных форм отношений.

Поиск различий в представлениях о партнёрстве в разных формах отношений у мужчин и у женщин обоснован значимостью исходно различных социальных ролей. Хотя данные различия с точки зрения экономических возможностей в значительной степени ослабевают, с точки зрения представлений о социальных функциях в семье данные различия могут сохраняться.

Программа исследования

Цель исследования – определить особенности представлений о партнёрстве молодых людей (мужчин и женщин), состоящих в разных формах добрачных отношений, а также в отношениях зарегистрированного брака.

Описание объекта исследования. Выборка нашего исследования состояла из 313 человек, из них 49 человек находились в отношениях регулярных встреч (без совместного проживания), 144 человека состояли в незарегистрированном браке, а также 120 человек находились в отношениях зарегистрированного брака. В выборке представлено равное количество мужчин и женщин, возраст респондентов – 18–

35 лет (возраст выбора брачного партнёра и создания семьи), респонденты проживают в Москве или Московской области. **Предметом исследования** являются особенности представлений о партнёрстве молодых людей, мужчин и женщин, состоящих в различных формах добрачных отношений: в отношениях регулярных встреч (без совместного проживания), в незарегистрированном браке и в отношениях зарегистрированного брака.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что в представлениях о партнёрстве в добрачных отношениях и отношениях зарегистрированного брака существуют как сходства, так и различия.

Эмпирические задачи исследования:

1. Исследовать представления о партнёрстве у молодых людей, состоящих в добрачных отношениях, а также в отношениях зарегистрированного брака.

2. Выявить различия в представлениях о партнёрстве у молодых людей, состоящих в различных формах партнёрских отношений: в отношениях регулярных встреч (без совместного проживания), в незарегистрированном браке и в отношениях зарегистрированного брака.

3. Выявить различия в представлениях о партнёрстве у мужчин и женщин, состоящих в различных формах партнёрских отношений.

Методический инструментарий исследования

Для выявления значимых социально-демографических характеристик партнёров, а также для определения представлений о партнёрстве в добрачных отношениях и отношениях зарегистрированного брака использовался

авторский опросник для проведения полустандартизированного интервью. В выборке представлено одинаковое количество мужчин и женщин в возрасте от 18 до 35 лет, не имеющих детей, проживающих в Москве или Московской области. Респондентам в рамках полуструктурированного интервью предлагалось оценить по шкале от 1 до 10: *«Насколько они доверяют своему партнёру»*; *«Насколько, по их мнению, партнёр доверяет им»*; *«Насколько важно ориентироваться на свои интересы»*; *«Насколько важно ориентироваться на интересы партнёра»*; *«Насколько важно в равной степени учитывать мнения обоих партнёров»*. В связи с отсутствием стандартизации данных по шкалам опросника, для поиска интеркорреляций показателей партнёрства, определения выраженности показателей партнёрства в каждой группе респондентов и поиска различий по заданным показателям в различных группах респондентов использовались методы непараметрической статистики (коэффициент корреляции Спирмена, анализ медианных значений, непараметрический критерий различий Манна-Уитни).

Результаты эмпирического исследования

Исследование представлений о партнёрстве в добрачных отношениях и отношениях зарегистрированного брака. Для подтверждения того, что переменные, характеризующие представления о партнёрстве, можно отнести к единому феномену, был проведён корреляционный анализ показателей представлений респондентов о партнёрстве с использованием коэффициента корреляции Спирмена (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты корреляционного анализа показателей представлений о партнёрстве по всей выборке исследования (N= 313) / Partnership indicators correlations across the entire study sample (N=313)

	Насколько я доверяю партнёру	Насколько, по моему мнению, партнёр доверяет мне	Насколько важно ориентироваться на свои интересы	Насколько важно ориентироваться на интересы партнёра	Насколько важно в равной степени учитывать мнения обоих партнёров
Насколько я доверяю партнёру		0,69**	0,28**	0,29**	0,39**
Насколько, по моему мнению, партнёр доверяет мне	0,69**		0,27**	0,30**	0,37**
Насколько важно ориентироваться на свои интересы	0,28**	0,27**		0,65**	0,36**
Насколько важно ориентироваться на интересы партнёра	0,29**	0,30**	0,65**		0,48**
Насколько важно в равной степени учитывать мнения обоих партнёров	0,39**	0,37**	0,36**	0,48**	

Примечание – ** $p \leq 0,01$

Источник: данные авторов.

Наблюдается значимая интеркорреляция (уровень достоверности $p \leq 0,01$ между всеми показателями представлений о партнёрстве, что говорит о том, что данные показатели можно отнести к единому феномену, относящемуся к представлениям о некотором объекте, в данном случае – к представлениям о партнёрстве).

Надёжность опросника проверялась с помощью коэффициента согласованности пунктов Альфа-Кронбаха, (Cronbach's alfa = 0,77), что также подтверждает принадлежность использованных вопросов к единому феномену – представлениям о партнёрстве.

Диапазон значений показателей представлений о партнёрстве во всех

формах отношений представлен достаточно высокими оценками, – от $Me = 8$ до $Me = 10$ (табл. 2). Это говорит о том, что, как и в добрачных отношениях, так и в отношениях зарегистрированного брака молодые люди в целом придают высокую важность доверию, ответственности и справедливости в отношениях с партнёром.

Отсутствуют различия в значениях переменных, выражающих представления о партнёрстве, между молодыми людьми, находящимися в отношениях регулярных встреч (вся выборка), а также между молодыми людьми в отношениях незарегистрированного брака (вся выборка). Это говорит о том, что в добрачных отношениях у партнёров

Таблица 2 / Table 2

Различия в выраженности признаков представлений о партнёрстве у молодых людей в отношениях регулярных встреч, незарегистрированном и зарегистрированном браках / Differences in the weight of partnership indicators among young people in pre-marital and marital relations

	Отношения регулярных встреч	Отношения в незарегистри- рованном браке	Отношения в зарегистриро- ванном браке
	n=50, Me	n=144, Me	n=120, Me
Насколько я доверяю партнёру	8,5	9	10
Насколько, по моему мнению, партнёр доверяет мне	9	9	10

Источник: данные авторов.

наблюдаются схожие представления касательно доверия, ответственности и справедливости в отношениях с партнёром.

В зарегистрированном браке выраженность признаков «Я-Доверие» (значимость статистических различий на уровне $p=0,00$) и «Мне-Доверие» (значимость статистических различий на уровне $p\leq 0,05$) выше, чем в обеих формах добрачных отношений, что мы связываем с тем, что у партнёров больше спектр аспектов взаимодействия, чем в отношениях регулярных встреч (в том числе выполнение партнёрами хозяйственно-бытовых функций). Это также свидетельствует о большей психологической близости партнёров, т. к. доверие в отношениях возможно только при наличии данного условия. На основе данных различий можно говорить о наличии отличительных особенностей представлений о партнёрстве в зарегистрированном браке, которые подразумевают высокий уровень доверия и психологической близости в отношениях.

Между группами мужчин и женщин по всей выборке был выполнен анализ статистических различий выраженно-

сти признаков представлений о партнёрстве (табл. 3).

Между мужчинами и женщинами обнаружены статистически значимые различия на уровне $p = 0,00$ по всем показателям представлений о партнёрстве. Это говорит о том, что представления об отношениях с партнёром у мужчин и женщин различаются, при этом у женщин выраженность данных признаков выше, что свидетельствует о том, что женщины в отношениях с партнёром в целом больше, чем мужчины, стремятся к доверию, ответственности и справедливости в отношениях.

В группах респондентов, состоящих в отношениях регулярных встреч (без совместного проживания), а также в незарегистрированном браке, статистически значимых различий по исследуемым переменным между мужчинами и женщинами не выявлено. Это может говорить о том, что и мужчины, и женщины в добрачных отношениях имеют сходные представления о партнёрстве.

Подобные различия между мужчинами и женщинами были выявлены в зарегистрированном браке: женщины в зарегистрированном браке в боль-

Таблица 3 / Table 3

Различия в выраженности признаков представлений о партнёрстве между мужчинами и женщинами по всей выборке / Differences in the severity of indicators in the ideas about partnership between men and women throughout the whole sample

	Мужчины (N=145)		Женщины (N=168)	
	Me	Ср. ранг	Me	Ср. ранг
Насколько я доверяю партнёру	9	135	9	176
Насколько, по моему мнению, партнёр доверяет мне	9	136	9	174
Насколько важно ориентироваться на свои интересы	8	136	8	175
Насколько важно ориентироваться на интересы партнёра	8	140	8	172
Насколько важно в равной степени учитывать мнения обоих партнёров	9	128	10	181

Примечание: значимость статистических различий представленных данных на уровне $p = 0,00$.

Источник: данные авторов.

шей степени, чем мужчины в зарегистрированном браке оценивают важность показателя «Насколько важно в равной степени учитывать мнения обоих партнёров» (значимость статистических различий на уровне $p \leq 0,01$, женщины $Me = 10$, мужчины $Me = 9$). Это может говорить о том, что в отношениях зарегистрированного брака женщины несколько больше, чем мужчины, оценивают важность справедливости и ответственности в отношениях с партнёром.

Выявлены различия между представлениями о партнёрстве в группах мужчин и женщин, состоящих в добрых отношениях и зарегистрированном браке (табл. 4).

У мужчин, состоящих в незарегистрированном браке, в большей степени наблюдается выраженность признака «Я-Доверие», чем в отношениях регулярных встреч (значимость статистических различий на уровне $p \leq 0,05$), но в меньшей степени, чем в отношениях зарегистрированного брака (зна-

чимость статистических различий на уровне $p \leq 0,05$). Что говорит о том, что важность признака «Я-Доверие» у мужчин в отношениях с партнёром возрастает от отношений регулярных встреч к отношениям зарегистрированного брака.

У мужчин в зарегистрированном браке наблюдается большая выраженность признака «Мне-Доверие» по сравнению с мужчинами в незарегистрированном браке (значимость статистических различий на уровне $p \leq 0,05$) и в отношениях регулярных встреч (значимость статистических различий на уровне $p \leq 0,00$), что свидетельствует о готовности мужчин в зарегистрированном браке нести ответственность за возложенное на них доверие в отношениях.

В отношениях зарегистрированного брака у мужчин также в большей степени, чем у мужчин в отношениях регулярных встреч (значимость статистических различий на уровне $p \leq 0,01$) выражен признак «Насколько важно

Таблица 4 / Table 4

Различия в представлениях о партнёрстве в группах мужчин и женщин, состоящих в добрачных отношениях и зарегистрированном браке / Differences in the severity of partnership indicators between men and women in premarital and marital relations

	Отношения регулярных встреч, Ме	Зареги- стриро- ванный брак, Ме	Незареги- стриро- ванный брак, Ме
Мужчины			
Насколько я доверяю партнёру	8	10	9
Насколько, по моему мнению, партнёр доверяет мне	8	10	9
Насколько важно ориентироваться на свои интересы	7	9	8
Женщины			
Насколько я доверяю партнёру	9	10	9
Насколько важно в равной степени учитывать мнения обоих партнёров	9	10	10

Источник: данные авторов.

ориентироваться на свои интересы», что говорит о том, что мужчины, состоящие в зарегистрированном браке, в большей степени ориентируются на свои интересы, чем мужчины, состоящие в отношениях регулярных встреч.

Возможно, это связано с тем, что мужчины в зарегистрированном браке разделяют традиционные представления о внутрисемейных отношениях (которые подразумевают главенство мужчины в семье), что способствует сохранению представлений о превалировании интересов мужчин даже при оценивании своего союза как партнёрства.

Представления о партнёрстве у женщин в зарегистрированном браке схожи с представлениями о партнёрстве у мужчин в данном типе отношений в том, что выраженность признака «Я-Доверие» находится на более высоком уровне, чем в отношениях регулярных встреч (значимость статистических различий на уровне $p \leq 0,05$) и отношениях незарегистрированного

брака (на уровне $p \leq 0,05$). В то же время в зарегистрированном браке у женщин наблюдается высокая выраженность признака «Насколько важно в равной степени учитывать мнения обоих партнёров» в сравнении с отношениями регулярных встреч (значимость статистических различий на уровне $p \leq 0,1$).

Это говорит о стремлении женщин в зарегистрированном браке к равенству при учёте мнений обоих партнёров и высоком уровне доверия к партнёру.

Это подтверждает то, что в зарегистрированном браке для партнёрства более важен высокий уровень доверия в отношениях, чем в добрачных отношениях, что мы связываем с большим количеством аспектов взаимодействия партнёров в зарегистрированном браке, по которым необходимо полагаться на партнёра, а также с большей психологической близостью в отношениях.

В то же время наблюдается расхождение в представлениях о партнёрстве у мужчин и у женщин в зарегистриро-

ванном браке, которые заключаются в том, что мужчины в данных отношениях считают более важными свои интересы в отношениях, а женщины – стремятся к равенству в учёте и своих интересов, и интересов партнёра. В то же время, мужчины в отношениях зарегистрированного брака готовы брать на себя ответственность за то доверие, которое им оказывают в отношениях с партнёром, что в целом характерно для традиционных представлений о внутрисемейных отношениях.

Заключение

Наше исследование позволило выявить особенности представлений о партнёрстве в добрачных отношениях, к которым относятся отношения регулярных встреч и отношения незарегистрированного брака, а также особенности отношения к партнёрству в зарегистрированном браке.

Выявлено, что представления о партнёрстве в отношениях регулярных встреч и отношениях незарегистрированного брака практически не различаются, – единственное различие заключается в том, что у мужчин в отношениях незарегистрированного брака уровень доверия к партнёру является более выраженным, чем в отношениях регулярных встреч. По другим признакам отсутствуют статистически значимые различия между двумя данными группами. Это свидетельствует о том, что и в отношениях регулярных встреч и в незарегистрированном браке в целом молодые люди имеют сходные представления о своих партнёрских отношениях.

В то же время можно сказать, что особенностью отношения к партнёрству в зарегистрированном браке, в отличие от двух других рассматриваемых нами

форм отношений, является более высокий уровень выраженности показателей «Я-Доверие» и у мужчин, и у женщин, а также «Мне-Доверие» у мужчин. Мы связываем это с наличием большего диапазона аспектов взаимодействия в отношениях, а также с большей психологической близостью партнёров.

Отличительной особенностью отношения женщин в зарегистрированном браке к партнёрству является то, что они в большей степени, чем мужчины в данной форме отношений, стремятся к равенству в реализации интересов партнёров, в то время как мужчины в данной форме отношений стремятся, в первую очередь, учитывать только свои интересы. При этом мужчины в зарегистрированном браке более высоко оценивают выраженность признака «Мне-Доверие» и готовы брать на себя ответственность за возложенную на них ответственность в отношениях.

Обобщая характеристику представлений о партнёрстве в каждой из форм отношений, можно сказать, что отличительной особенностью представлений о партнёрстве в отношениях регулярных встреч является более низкий уровень доверия в отношениях, при этом мужчины в меньшей степени, чем в зарегистрированном браке, готовы ориентироваться на свои интересы в отношениях. В незарегистрированном браке представления о партнёрстве характеризуются более высокой выраженностью признака «Я-Доверие» (у мужчин), чем в отношениях регулярных встреч, но при этом признак «Мне-Доверие» – то, насколько они готовы брать на себя ответственность в отношениях, – ниже, чем в зарегистрированном браке. В то время как мужчины в зарегистрированном браке, несмотря

на то что они стремятся, в первую очередь, ориентироваться на свои интересы в отношениях, готовы брать на себя ответственность в партнёрстве, что проявляется в высокой выраженности признака «Мне-Доверие». Это свидетельствует о том, что у мужчин в зарегистрированном браке сохраняется представление о том, что главенство и ответственность в семье (даже в партнёрских отношениях) остаётся за мужчиной, в то время как женщины в настоящее время в отношениях зарегистрированного брака придают

большую значимость норме равенства в своём партнёрстве.

Таким образом, можно сказать, что представления о партнёрстве в добрых брачных отношениях и отношениях зарегистрированного брака имеют свою специфику.

Требуется проведение дальнейших исследований факторов, обуславливающих те или иные представления о партнёрстве в добрых брачных отношениях и отношениях зарегистрированного брака, а также исследования партнёрства как научного феномена.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова Я. В., Барсуков С. С. Конструирование жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся реальности // Проблемы Социологии. Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2020. № 4. С. 233–237.
2. Бочавер К. А. Романтические отношения в юношеском возрасте: представления о преодолении трудностей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 26 с.
3. Вавакина Т. С. Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнёрству: дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 187 с.
4. Вавакина Т. С. Сравнение групп респондентов с разным опытом партнёрских взаимоотношений в сфере личной жизни // Человеческий фактор: социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 219–225.
5. Вавакина Т. С. Субъективная оценка опыта партнёрства и ценность партнёрских взаимоотношений // Человеческий фактор: социальный психолог. 2020. № 1 (39). С. 153–159.
6. Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3-4. С. 99–108.
7. Емельянова Т. П., Шмидт Д. А. Романтические отношения и брак в социальных представлениях поколений миллениалов и бэби-бумеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 29–43.
8. Зуев К. Б. Жизнеспособность семьи: современное состояние и перспективы исследования // Развитие личности. 2018. № 1. С. 71–94.
9. Иванова А. А. Трансформация брачно-семейных отношений в российской семье: сравнительный анализ социологических исследований // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 4. С. 27–32.
10. Касаркина Е. Р., Антипова А. А. Социокультурные факторы, формирующие брачные мотивации молодёжи (на примере г. Саранска) // Исторические науки. Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 4. С. 437–450.
11. Китова Д. А. Место семьи в структуре жизненных ориентаций молодёжи // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017. № 1 (81). С. 35–43.
12. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2008. 571 с.

13. Левкович В. П. Особенности добрачного периода жизни супругов как одна из причин стабилизации и дестабилизации молодой семьи // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 82–85.
14. Махнач А. В. Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–16.
15. Панфилова Ю. М. Представления о партнёрстве в незарегистрированном браке // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2020. № 18. С. 56–62.
16. Позняков В. П., Вавакина Т. С. Психология делового партнёрства: теория и эмпирические исследования. М.: Из-во Института психологии РАН, 2016. 320 с.
17. Позняков В. П., Поддубный С. Е., Позняков П. В. Социально-психологические типы соотношения намерений и ожиданий партнёров по близким эмоциональным отношениям // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 30. С. 54–67.
18. Позняков В. П., Титова О. И. Конкурентные и партнёрские отношения российских предпринимателей: региональные и гендерные особенности // Проблемы экономической психологии: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2010. 644 с.
19. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001. 720 с.
20. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 82–91.
21. Deutsch M. A Theory of cooperation and competition // Human Relations. 1949. № 2. P. 129–152.
22. Joshi P., Quan J. M., Cherlin A. J. Contemporary Work and Family Issues Affecting Marriage and Cohabitation Among Low-Income Single Mothers // Family Relations. 2009. № 5. P. 647–661. DOI: 10.1111/j.1741-3729.2009.00581.x
23. Gerschwer S. Conflicts over intimacy within mature, happy marriages reliance and reliability in intimate relationships: an interpretive phenomenological analysis [Электронный ресурс] // Conflict resolution. [2021]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/crq.21321> (дата обращения: 30.10.2021). DOI: 10.1002/crq.21321.
24. Quari S. Marriage, adaptation and happiness: Are there long-lasting gains to marriage? // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2014. № 50. P. 29–39. DOI: 10.1016/j.socec.2014.01.003
25. Murstein B. I. Physical attractiveness and marital choice // Journal of Personality and Social Psychology. 1972. Vol. 22. № 1. P. 8–12.

REFERENCES

1. Artamonova Ya. V., Barsukov S. S. [Designing the life world of a young family in the changing reality]. In: *Problemy Sociologii. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchyonye zapiski* [Problems of Sociology. State and municipal administration. Scientific notes], 2020, no. 4, pp. 233–237.
2. Bochaver K. A. *Romanticheskie otnosheniya v yunosheskom vozraste: predstavleniya o preodolenii trudnostej: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Romantic relationships in adolescence: ideas about overcoming difficulties: Abstract of. Cand. Sci. Thesis in Psychological Sciences]. Moscow, 2012. 26 p.
3. Vavakina T. S. *Tipy psihologicheskogo otnosheniya rossijskih predprinimatelej k delovomu partnerstvu: dis. ... kand. psihol. nauk* [Types of psychological attitude of Russian entrepreneurs to business partnership: Cand. Sci. Thesis in Psychological Sciences]. Moscow, 2011. 187 p.

4. Vavakina T. S. [Comparison of groups of respondents with different experience of partnerships in the sphere of personal life]. In: *Chelovecheskij faktor: social'nyj psiholog* [Human factor: social psychologist], 2019, no. 1 (37), pp. 219–225.
5. Vavakina T. S. [Subjective assessment of partnership experience and the value of partnerships]. In: *Chelovecheskij faktor: social'nyj psiholog* [Human factor: social psychologist], 2020, no. 1 (39), pp. 153–159.
6. Golod S. I. [Modern family: pluralism of models]. In: *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 1996, no. 3–4, pp. 99–108.
7. Emel'yanova T. P., Shmidt D. A. [Romantic relationships and marriage in social representations of generations of millennials and baby boomers]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences], 2019, no. 1, pp. 29–43.
8. Zuev K. B. [Viability of the family: current state and prospects for research]. In: *Razvitie lichnosti* [Development of personality], 2018, no. 1, pp. 71–94.
9. Ivanova A. A. [Transformation of marriage and family relations in the Russian family: a comparative analysis of sociological studies]. In: *Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* [New from Universities. North Caucasian region. Social Sciences], 2015, no. 4, pp. 27–32.
10. Kasarkina E. R., Antipova A. A. [Sociocultural factors that form the marriage motivation of young people (on the example of the city of Saransk)]. In: *Istoricheskie nauki. Finno-ugorskij mir* [Historical sciences. Finno-Ugric world], 2019, vol. 11, no. 4, pp. 437–450.
11. Kitova D. A. [The place of the family in the structure of youth life orientations]. In: *Chelovecheskij faktor: problemy psichologii i ergonomiki* [Human factor: problems of psychology and ergonomics], 2017, no. 1 (81), pp. 35–43.
12. Kuprejchenko A. B. *Psihologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of trust and mistrust]. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2008. 571 p.
13. Levkovich V. P. [Features of the premarital period of the life of spouses as one of the reasons for the stabilization and destabilization of a young family]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2010, no. 1, pp. 82–85.
14. Mahnach A. V. [Human viability as a subject of study in psychological science]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2017, vol. 38, no. 4, pp. 5–16.
15. Panfilova Yu. M. [Ideas about partnership in an unregistered marriage]. In: *Sem'ya i lichnost': problemy vzaimodejstviya* [Family and personality: problems of interaction], 2020, no. 18, pp. 56–62.
16. Poznyakov V. P., Vavakina T. S. *Psihologiya delovogo partnyorstva: teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Psychology of business partnership: theory and empirical research]. Moscow, Publishing House of Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2016. 320 p.
17. Poznyakov V. P., Poddubnyj S. E., Poznyakov P. V. [Socio-psychological types of correlation of intentions and expectations of partners in close emotional relationships]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Series “Psychology”], 2019, vol. 30, pp. 54–67.
18. Poznyakov V. P., Titova O. I. [Competitive and partnership relations of Russian entrepreneurs: regional and gender features]. In: Zhuravlev A. L., Kupreichenko A. B., eds. *Problemy ekonomicheskoy psichologii. Vol. 2*. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2010. 644 p.
19. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshchej psichologii* [Fundamentals of general psychology], St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 720 p.

20. Homans D. [Social exchange theory]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psihologiya* [Modern foreign social psychology]. Moscow, Moscow University Press, 1984, pp. 82–91.
21. Deutsch M. A Theory of cooperation and competition. In: *Human Relations*, 1949, no. 2, pp. 129–152.
22. Joshi P., Quan J. M., Cherlin A. J. Contemporary Work and Family Issues Affecting Marriage and Cohabitation Among Low-Income Single Mothers. In: *Family Relations*, 2009, no. 5, pp. 647–661. DOI: 10.1111/j.1741-3729.2009.00581.x
23. Gerschwer S. Conflicts over intimacy within mature, happy marriages reliance and reliability in intimate relationships: an interpretive phenomenological analysis. In: *Conflict resolution*, 2021. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/crq.21321> (accessed: 30.10.2021). DOI: 10.1002/crq.21321.
24. Quari S. Marriage, adaptation and happiness: Are there long-lasting gains to marriage? In: *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 2014, no. 50, pp. 29–39. DOI: 10.1016/j.socsc.2014.01.003
25. Murstein B. I. Physical attractiveness and marital choice. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1972, vol. 22, no. 1, pp. 8–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Позняков Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН;

e-mail: pozn_v@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4524-4589>

Панфилова Юлия Михайловна – выпускница аспирантуры Лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН;

e-mail: panfilova-julia@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0756-1962>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir P. Poznyakov – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Main Research Officer, Laboratory of history of psychology and historical psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;

e-mail: pozn_v@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4524-4589>

Yulia M. Panfilova – Graduate of postgraduate studies, Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;

e-mail: panfilova-julia@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0756-1962>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Позняков В. П., Панфилова Ю. Н. Представления о партнёрстве мужчин и женщин, состоящих в добрачных отношениях и в зарегистрированном браке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 53–68. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-53-68

FOR CITATION

Poznyakov V. P., Panfilova Yu. M. Emotional evaluation of partnership in pre-marital and marital relations. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 1, pp. 53–68.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-53-68

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-69-80

АНАЛИЗ НОВОСТНОГО МЕДИА-ДИСКУРСА ВОКРУГ ТРУДНОРАЗРЕШИМОГО МЕЖГРУППОВОГО КОНФЛИКТА

Потанина А. М.

*Психологический институт Российской академии образования
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель – анализ способов конструирования образа трудноразрешимого межгруппового конфликта в новостном дискурсе российских и украинских СМИ. В статье представлены результаты эмпирического исследования образа такого конфликта. Проанализированы данные литературы о подходах к исследованию этого типа конфликтов. Подробно рассмотрена конструкционистская парадигма к исследованию трудноразрешимых конфликтов. Обоснована необходимость анализа медиа-дискурса как элемента, задающего контекст общественной дискуссии вокруг конфликтной ситуации.

Процедура и методы. Выборку исследования составили 42 статьи российских и украинских печатных и интернет-изданий, относящихся к интересующему нас периоду конфликта и отобранных по критерию популярности. В качестве основного метода исследования использовался критический дискурс-анализ. Процедура дискурс-анализа осуществлялась по процедурному плану, предложенному Д. А. Хорошиловым.

Результаты. Обнаружено, что в новостном медиа-дискурсе обеих стран используется устоявшийся риторический репертуар, выражающийся в «ярлыках», задающих стереотипизированное описание сторон конфликта в дихотомии «агрессоры – защитники». Атрибуция причин действий сторон характеризуется приписыванием внутренних причин действий стороне-«агрессору» и внешних причин действий стороне-«жертве агрессии». Новостной медиа-дискурс российских СМИ характеризуется постепенным исчезновением альтернативных интерпретаций и формированием единой, внутренне непротиворечивой позиции относительно конфликта, тогда как в украинском она присутствовала изначально.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты вносят вклад в область исследований трудноразрешимого межгруппового конфликта, а также подтверждают важность применения качественной методологии для исследования конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: межгрупповой конфликт, трудноразрешимый конфликт, образ конфликта, медиа-дискурс, дискурс-анализ

THE ANALYSIS OF NEWS MEDIA DISCOURSE AROUND INTRACTABLE INTERGROUP CONFLICT

A. Potanina

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education
ul. Mokhovaya 9, str. 4, Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the ways of constructing the image of an intractable intergroup conflict in the news discourse of Russian and Ukrainian media. The article presents the results of an empirical study of the intractable conflict image in the discourse of Russian and Ukrainian media. The literature data on approaches to the study of intractable conflicts are analyzed. The constructionist paradigm for the study of intractable conflicts is also described in detail. The necessity of analyzing media discourse as setting the context of public discussion around a conflict situation is substantiated.

Methodology. The sample consisted of 42 articles from Russian and Ukrainian printed and on-line publications related to the conflict and was selected according to the popularity criterion. Critical discourse analysis was used as the main research method. The procedure of discourse analysis was carried out according to the procedural plan proposed by D.A. Khoroshilov.

Results. It has been found that the news media discourse of both countries uses a well-established rhetorical repertoire, expressed in “labels” that set a stereotyped description of the conflict parties in the “aggressors-defenders” dichotomy. Attribution of the parties’ actions is characterized by the attribution of internal causes of actions to the “aggressor” side and external causes of actions to the “victim of aggression” side. The news media discourse of the Russian media is characterized by the gradual disappearance of alternative interpretations and the formation of a single, internally consistent position on the conflict, whereas in Ukrainian it was present from the very outset.

Research implications. The obtained results contribute to the field of research of intractable intergroup conflict and confirm the importance of using the qualitative methodology for the study of conflict situations.

Keywords: intergroup conflict, intractable conflict, image of conflict, media discourse, discourse analysis

Введение

Исследования трудноразрешимых конфликтов в данный момент являются одним из трендов в психологии конфликта [19; 5]. В особенности внимание исследователей привлекают социально-психологические феномены, сопровождающие и определяющие течение конфликта, в частности восприятие и переживание конфликтной ситуации [3; 4; 1]. Трудноразрешимый конфликт определяется как интенсивный, затяжной, насильственный конфликт, кото-

рый воспринимается его участниками как неразрешимый [23]. Он является сложным феноменом, имеющим как объективные, так и субъективные характеристики: сопровождается физическим насилием, требует значительных материальных и психологических ресурсов, является затяжным, занимает центральное место в общественных дискуссиях, воспринимается как трагивающий основные потребности и ценности групп-оппонентов и как неразрешимый [14; 15].

В традиции исследования межгрупповых конфликтов и трудноразрешимых конфликтов как их разновидности существует несколько подходов [10]. П. Т. Колман предлагает классифицировать их как пять «парадигм» исследования и работы с конфликтами [18]. Выделяются реалистическая парадигма, парадигма «человеческих отношений», патологическая, постмодернистская (конструкционистская) и системная парадигмы [18]. Реалистический подход исследует «реальный конфликт интересов», заключающийся в соперничестве сторон относительно ресурсов или влияния. Важными факторами эскалации конфликта в указанной парадигме, усугубляющими его течение, являются преобладающие эмоции страха и недоверия [24], чувство тревоги [22], а также возникновение психологической феноменологии искажённого восприятия [21; 30]. В фокусе рассмотрения парадигмы «человеческих отношений» находятся психологические процессы восприятия и взаимодействия, выражающиеся в поведенческих реакциях представителей сторон, которые, в свою очередь, являются следствием их восприятия и ожиданий. Особое внимание уделяется таким способам разрешения конфликта, как переговоры, медиация, конструктивные дискуссии, построение альтернативных моделей разрешения разногласий [29]. Патологическая парадигма рассматривает конфликт через медицинскую метафору болезни как сложную систему, состоящую из объективно существующих и связанных между собой частей, которая может быть проанализирована и «вылечена» на основе проведённого анализа [18]. Системный подход

использует биологическую метафору, рассматривая конфликт как систему, состоящую из независимых, но взаимосвязанных элементов, в свою очередь вложенных в ещё более сложные сущности [20].

В контексте нашей работы особый интерес представляет конструкционистский (постмодернистский) подход, поскольку в нём акцент сделан на анализ общественной дискуссии вокруг разнообразных социальных явлений и конфликта в частности [5; 17]. В рамках конструкционистской парадигмы конфликт может рассматриваться с различных позиций. Исследователи анализируют его как нарратив, существующий в общественном дискурсе и задающий контекст интерпретации событий, а также конструирования значений, ценностей и смыслов [18; 28]. В этом контексте особое значение имеет анализ медиа-дискурса, поскольку СМИ играют важнейшую роль для формирования восприятия и интерпретации социальных явлений, конструируя образ социального мира [6; 8]. Исследования медиа-дискурса вокруг ряда европейских конфликтов демонстрируют, что представление конфликтов в медиа характеризуется эпизодичностью, ориентированностью на насилие, а также представлением ин- и аутгрупп в этноцентричной манере [16].

Целью нашего исследования выступил анализ новостного медиа-дискурса вокруг трудноразрешимого конфликта, а именно – способов конструирования образа трудноразрешимого межгруппового конфликта в новостном дискурсе российских и украинских СМИ [9]. В нашей работе мы анализируем как лингвистический уровень дискурса (риторические средства), так и уровень

анализа социальных явлений – в нашем случае трудноразрешимого межгруппового конфликта. Кроме того, мы применяем конструкционистский подход для анализа феноменов восприятия конфликта, что в последние годы является трендом в исследовании конфликтных ситуаций [5; 17].

Ранее мы проанализировали особенности конструирования образа трудноразрешимого межгруппового конфликта в российских СМИ и блогосфере [10]. Представленная работа призвана ответить на следующие исследовательские вопросы: 1) к каким феноменам восприятия конфликта обращаются СМИ разных стран, вовлечённых в конфликт, для конструирования образа конфликта, и 2) какие риторические средства они для этого используют. В качестве эмпирического объекта исследования мы выбрали конфликт на Украине в период за 2014–2018 гг. Данный период был выбран, поскольку он ознаменовался несколькими эскалациями конфликта, что стало центром общественных дискуссий и одной из центральных тем в российских и украинских СМИ. Выборку исследования составили 42 статьи российских и украинских печатных и интернет-изданий, относящихся к интересующему нас периоду конфликта. В анализе использовались источники, входящие в топ-5 наиболее популярных медиа в интернет-поисковиках Yandex и Google. Поскольку материал, касающийся данного события, в интернете присутствовал в избытке, мы использовали критерий достаточности – сообщения из разных источников анализировались до тех пор, пока полученные в результате анализа данные не начали повторяться, не привнося

никаких содержательных изменений в выводы. В качестве основного метода исследования использовался критический дискурс-анализ [27]. Процедура дискурс-анализа осуществлялась по процедурному плану, предложенному Д. А. Хорошиловым. Для того чтобы структурировать анализ, мы выделили в качестве отдельных подструктур образы сторон конфликта и атрибуции причин действий сторон в конфликте.

Результаты

В результате проведённого анализа нам удалось выявить особенности конструирования образа трудноразрешимого конфликта в дискурсе средств массовой информации. В российских СМИ в качестве сторон конфликта рассматривались власти Украины и самопровозглашённые республики юго-востока. Особенностью образов сторон конфликта в источниках, относящихся к его началу, стало их резкое противопоставление. Образ властей Украины конструировался как образ оппонента: при помощи особых «ярлыков» [7] актуализировался негативный стереотип этой стороны как «агрессора» (напр., «*каратели*», «*агрессор*»), тогда как образ представителей юго-восточных регионов, напротив, конструировался как положительный («*ополченцы*», «*защитники*»). При позиционировании действий сторон подчёркивались активность и намеренность действий украинской стороны (напр., «*...украинский агрессор продолжил обстрелы...*»), тогда как действия представителей юго-востока позиционировались как «ответ» на «агрессию», что вероятно, имело своей целью легитимизировать их действия, представить их как справедливые и

верные. Отметим, что в части источников, относящихся к периоду начала конфликта, наблюдалась попытка конструирования альтернативной позиции: в них представители самопровозглашённых республик описывались как «сепаратисты» либо «ополченцы», а представители стороны властей Украины обозначались как «силовики» либо «военные». В этих источниках также наблюдалась попытка уравнивания ответственности сторон за военные действия (напр., «...ополченцы атаковали...», «...украинские силовики продолжали обстреливать...», «стороны конфликта обвиняют друг друга»), что, вероятно, имело своей целью представить источники как объективные и достоверные для формирования альтернативного взгляда на конфликт.

В источниках более позднего временного периода уменьшился репертуар используемых «ярлыков»: наиболее часто используемыми во всех источниках оказались такие, как «силовики» для описания украинской стороны, и «ополченцы» для описания стороны представителей самопровозглашённых республик. В источниках, относящихся к данному периоду, также встречались такие «ярлыки», как «боевики», «сепаратисты», «патриоты», «нацисты», однако низкая частота их встречаемости не позволяет говорить о тенденции. Можно предположить, что в данный период в СМИ уже сложился определённый «язык» для описания темы конфликта, что объясняет уменьшение репертуара «ярлыков». Второй особенностью конструирования образов сторон конфликта в данный период стало менее явное разделение источников по критерию позиции относительно конфликта. В большей ча-

сти проанализированных источников представления о сторонах конфликта конструировались через вышеуказанные «ярлыки», что может говорить о формировании некоторого единого видения данного конфликта в СМИ.

В украинских СМИ, в отличие от российских, на протяжении всего анализируемого периода прослеживался единый вектор обсуждения конфликта. «Язык» конфликта здесь задавался с первых публикаций и сохранялся практически в неизменном виде. Можно предположить, что в случае украинских СМИ, терминология обсуждения данного конфликта была изначально задана. Отметим также высокую степень однородности транслируемой позиции по отношению к конфликту, которая в российских СМИ сформировалась позже, чем в украинских, где она присутствовала с самого начала конфликта. Образ конфликта в украинских СМИ конструировался через определение и позиционирование сторон конфликта, а также через позиционирование их действий в контексте описания отдельных эпизодов вооружённых столкновений. В отличие от российских СМИ, в украинском новостном дискурсе в качестве сторон конфликта рассматриваются Россия и Украина (напр., «на территории, временно занятой одним из контролируемых РФ бандформирований», «заботливо оккупированных российскими войсками районах»). Также как и в российских СМИ, стороны конфликта описывались через стереотипизацию: в дихотомии «агрессоры – защитники» (напр., «террористы», «агрессор», «захватчики», «враг» в контексте описания представителей самопровозглашённых республик; и «защитники»,

«воины», «бойцы» – в контексте описания украинской стороны). Что касается позиционирования действий сторон, то во всех рассматриваемых источниках ответственность за военные действия приписывалась в узком смысле самопровозглашённым республикам, а в более широком – России (напр., «Боевики нанесли артиллерийский удар...», «В результате обстрела ... со стороны российско-оккупационных войск...»). В целом можно отметить, что в текстах подчёркивается намеренность действий стороны конфликта, что позволяет нам говорить о приписывании внутренних причин действиям стороне юго-востока. Можно предположить, что такой контекст позволяет делегитимизировать действия данной стороны конфликта, представить их как несправедливые и преступные, в свете чего действия украинской стороны конструируются как адекватный и справедливый ответ.

Обсуждение результатов

На основе проведённого нами анализа можно выделить следующие тенденции в конструировании образа трудноразрешимого конфликта в новостном медиа-дискурсе российских и украинских СМИ.

Особенностью образов сторон, конструируемых как в российском, так и в украинском медиа-дискурсе, стало их резкое противопоставление на начальном этапе конфликта. Образ одной из сторон конструировался как образ оппонента: при помощи особых «ярлыков» актуализировался негативный стереотип этой стороны как «агрессора». Данный результат согласуется с исследованиями феноменов искажённого восприятия в социальной психо-

логии [11], а также с исследованиями представления конфликтов в СМИ [16]. Кроме того, при позиционировании действий сторон всячески подчёркивалась активность и намеренность действий «стороны-агрессора», тогда как действия другой стороны позиционировались как «ответ», что, вероятно, имело своей целью легитимизировать действия «стороны-жертвы», представить их как справедливые и верные. Данный результат согласуется с идеями теории позиционирования: приписывание прав в соответствии с заданным «моральным порядком» определяет контекст позиционирования участников конфликта [25; 26]. При описании причин действий сторон «стороне-агрессору» приписывались прежде всего внутренние причины действий, тогда как «стороне-жертве» – внешние. Полученные данные соотносятся как с исследованиями проблемы атрибуции в дискурсивной психологии, так и с исследованиями представления тяжёлых насильственных конфликтов в медиа [13; 16]. В части российских источников, в публикациях, освещавших начало конфликта, наблюдалась попытка уравнивания ответственности сторон за военные действия, что, вероятно, имело своей целью представить источники как объективные и достоверные для формирования альтернативного взгляда на конфликт. Данный результат соотносится с результатами исследований восприятия предвзятости источников СМИ [12], а также с идеей об исследовании альтернативных точек зрения на конфликт [5; 17]. В более поздних публикациях особенностью дискурса стали снижение экспрессивности и уменьшение репертуара используемых риторических

средств. При этом наблюдается уменьшение количества альтернативных позиций по отношению к конфликту в российских СМИ, выражаемых в попытке отказа от использования «ярлыков» и подчёркивании равенства ответственности сторон за конфликтные действия. В украинских СМИ, в свою очередь, изначально присутствовал определённый репертуар риторических средств, который с течением времени не изменялся, в связи с чем, мы можем говорить о сложившемся с начала конфликта «языке». Вероятно, такая определённость позиции связана с тем, что официальная позиция по отношению к данному конфликту была задана с его начала на государственном уровне, и СМИ, выражая интересы властных групп, транслировали данную позицию, используя уже официально определённый языковой репертуар. Это согласуется с идеями критического подхода в дискурсивной психологии: отражением интересов социальной группы через системы значений, конструируемые при помощи особых лингвистических средств [6; 2].

Выводы и заключение

Проведя сравнительный анализ российского и украинского новостного медиа-дискурса, мы можем сделать следующие выводы:

1) в новостном медиа-дискурсе обеих стран используется устоявшийся риторический репертуар, выражающийся в «ярлыках», причём используются одни и те же «ярлыки», которые переворачиваются в соответствии с запросом конфликтующих сторон;

2) в обоих новостных медиа-дискурсах конструирование образов сторон производится в контексте «агрессоры –

защитники» и характеризуется актуализацией негативных стереотипов по отношению к стороне-«агрессору» и позитивных – к стороне-«жертве агрессии»;

3) атрибуция причин действий сторон во всех источниках характеризуется приписыванием внутренних причин действий стороне-«агрессору» и внешних причин действий стороне-«жертве агрессии»;

4) в российском медиа-дискурсе в анализируемых текстах наблюдалось исчезновение альтернативных интерпретаций и формирование единой, внутренне непротиворечивой позиции относительно конфликта, тогда как в украинском она присутствовала изначально.

Таким образом, в данной работе нам удалось выявить особенности конструирования образа трудноразрешимого межгруппового конфликта в новостном медиа-дискурсе. Тем не менее необходимо отметить ограничения данного исследования – в данной работе мы ограничились анализом только новостного дискурса, несущего, прежде всего, функцию информирования о происходящих событиях, и только после – формирующую определённую позицию по отношению к ним. В связи с этим важно осознавать, что характер полученных нами результатов может быть связан с характером анализируемых нами источников. Для преодоления данного ограничения и подтверждения результатов представляется целесообразным в будущем провести дополнительно анализ текстов, относящихся к иным подвидам медиа-дискурса, например, к экспертному дискурсу.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолова Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2010. 191 с.
2. Бусыгина Н. П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1. С. 55–82.
3. Голынчик Е. О. Коллективные переживания трудноразрешимых социальных конфликтов // Коллективные переживания социальных проблем / под ред. Т. Г. Стефаненко, С. А. Липатова. М.: Смысл, 2015. С. 117–149.
4. Голынчик Е. О. Этнос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 29–50. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50
5. Голынчик Е. О. Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 53–61. DOI: 10.17759/sps.2018090306
6. Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина. М.: Либроком, 2014. 344 с.
7. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / пер. с англ. О. В. Гритчиной. Харьков: Гуманитарный центр, 2013. 264 с.
8. Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. Развитие исследований коммуникаций в социальных контекстах отечественной психологии // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 2. С. 45–64.
9. Потанина А. М. Образ трудноразрешимого межгруппового конфликта в российских СМИ // Человеческий капитал. 2018. № 7 (115). С. 93–104. DOI: 10.25629/НС.2018.07.09
10. Потанина А. М., Стефаненко Т. Г. Направления изучения трудноразрешимого конфликта // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики : сборник научных работ / под ред. С. А. Липатова, О. В. Соловьёвой, Т. Г. Стефаненко. М.: Издательство Московского университета, 2017. С. 137–143.
11. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.
12. Ariyanto A., Hornsey C., Gallois M. Group Allegiances and Perceptions of Media Bias: Taking Into Account Both the Perceiver and the Source // Group Processes & Intergroup Relations. 2007. Vol. 10 (2). P. 266–279. DOI: 10.1177/1368430207074733
13. Augoustinos M., Walker I., Donaghue N. Social cognition. London: Sage Publishing, 2006. 157 p.
14. Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K. Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement. Peace and Conflict // Journal of Peace Psychology. 2012. Vol. 18. № 1. P. 40–61. DOI: 10.1037/a0026860
15. Bar-Tal D. Intractable conflicts: Sociopsychological foundations and dynamics [Электронный ресурс] // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 50. № 11. URL: <https://journals.sagepub.com> (дата обращения: 21.12.2021).
16. Baden C., Tenenboim-Weinblatt K. The search for common ground in conflict news research: Comparing the coverage of six current conflicts in domestic and international media over time // Media, War & Conflict. 2018. Vol. 11 (1). № 1. P. 22–45. DOI: 10.1177/1750635217702071
17. Cohrs J. Ch., Ulug Ö. M., Stahel L. Ethos of Conflict and Beyond: Differentiating Social Representations of Conflict // Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal / ed. E. Halperin, K. Sharvit. 2015. № 2. Vol. 36. P. 33–45. DOI: 10.1007/978-3-319-17861-5_3
18. Coleman P. T. Intractable conflict // The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice / ed. P. T. Coleman, M. Deutsch, E. C. Marcus. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. 1264 p.

19. Fisher R. J. Intergroup conflict // *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* / ed. P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. 1264 p.
20. Fisher R. J., Coleman P. T. The Fractal Nature of Intractable Conflict: Implications for Sustainable Transformation // *Overcoming Intractable Conflicts: New Approaches to Constructive Transformations*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2019. P. 333–351.
21. Hameiri B., Nabet E., Bar-Tal D. Halperin Paradoxical Thinking as a Conflict-Resolution Intervention: Comparison to Alternative Interventions and Examination of Psychological Mechanisms // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44 (1). P. 122–139. DOI: 10.1177/0146167217736048
22. Halperin E., Pliskin R. Emotions and Emotion Regulation in Intractable Conflict: Studying Emotional Processes within a Unique Context // *Advances in Political Psychology*. 2015. Vol. 36. № 1. P. 119–150. DOI: 10.1111/pops.12236
23. Halperin E., Levy A. Intractable Conflicts // *The Sage Encyclopedia of Political Behavior*. UK. Sage, 2017. P. 406–408.
24. Hasan-Aslih S., Netzer L., van Zomeren M. When we want them to fear us: The motivation to influence outgroup emotions in collective action // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2019. Vol. 22 (5). P. 724–745. DOI: 10.1177/1368430218769744
25. Louis W. R. Intergroup Positioning and Power // *Global conflict resolution through positioning analysis* / ed. F. M. Moghaddam, R. Harre, N. Lee. Switzerland: Springer Science: Business Media, 2008. P. 21–41.
26. Moghaddam F. M., Harre R., Lee N. Positioning and Conflict: An Introduction // *Global conflict resolution through positioning analysis* / ed. F. M. Moghaddam, R. Harre, N. Lee. Switzerland: Springer Science: Business Media, LLC, 2008. P. 3–21.
27. Potter J. Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background // *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. Leicester: BPS Blackwell, 1996. P. 125–140.
28. Ulup Ö. M., Lickel B., Leidner B. How do conflict narratives shape conflict- and peace-related outcomes among majority group members? The role of competitive victimhood in intractable conflicts // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2021. Vol. 24 (5). P. 797–814. DOI: 10.1177/1368430220915771
29. Varshney A. *Ethnic Conflict and Civic Life: Hindus and Muslims in India*. New Haven: Yale University Press, 2003. 400 p.
30. Wohl M. J. A., Porat R., Halperin E. Unfreezing cognitions during an intractable conflict: Does an external incentive for negotiating peace and (low levels of) collective angst increase information seeking? // *British Journal of Social Psychology*. 2016. Vol. 55. P. 65–87. DOI: 10.1111/bjso.12121

REFERENCES

1. Bogomolova N. N. *Social'naya psihologiya massovoj kommunikacii* [Social psychology of mass communication]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 191 p.
2. Busygina N. P. ["Discursive Turn" in Psychological Research of Consciousness]. In: *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Consultative Psychology and Psychotherapy], 2010, no. 1, pp. 55–82.
3. Golynchik E. O. [Collective experiences of intractable social conflicts]. In: Stefanenko T. G., Lipatov S. A., eds. *Kollektivnye perezvivaniya social'nyh problem* [Collective experiences of social problems]. Moscow, Smysl Publ., 2015, pp. 117–149.
4. Golynchik E. O. [Ethos of an intractable interethnic conflict: research approaches and study prospects]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Psihologiya i pedagogika* [Bulletin of RUDN University].

- Series: Psychology and Pedagogy], 2020, vol. 17, no. 1, pp. 29–50. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50
5. Golynchik E. O. [Benefits of using qualitative methods in modern research on conflict perception]. In: *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2018, vol. 9, no. 3, pp. 53–61. DOI: 10.17759/sps.2018090306
 6. Dijk T. A. Discourse and power. (Russ. ed.: Kozhemyakin E. A., transl. *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii*. Moscow, Librokom Publ., 2014. 344 p.).
 7. Matisson D. Media Discourses (Rus. ed.: Gritchina O. V., transl. *Media-diskurs. Analiz media-tekstov*. Har'kov, Gumanitarnyj centr Publ., 2013. 264 p.).
 8. Mel'nikova O. T., Horoshilov D. A. [Development of communications research in social contexts of Russian psychology]. In: *Kommunikacii. Media. Dizajn* [Communications. Media. Design], 2018, vol. 3, no. 2, pp. 45–64.
 9. Potanina A. M. [The image of an intractable intergroup conflict in Russian media]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2018, no. 7 (115), pp. 93–104. DOI: 10.25629/HC.2018.07.09
 10. Potanina A. M., Stefanenko T. G. [Directions for the study of intractable conflict]. In: Lipatov S. A., Solov'eva O. V., Stefanenko T. G., eds. *Innovacionnye resursy social'noj psihologii: teorii, metody, praktiki* [Innovative resources of social psychology: theories, methods, practices]. Moscow, Moscow University Publ., 2017, pp. 137–143.
 11. Stefanenko T. G. *Etnopsihologiya* [Ethnopsychology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 352 p.
 12. Ariyanto A., Hornsey C., Gallois M. Group Allegiances and Perceptions of Media Bias: Taking Into Account Both the Perceiver and the Source. In: *Group Processes & Intergroup Relations*, 2007, vol. 10 (2), pp. 266–279. DOI: 10.1177/1368430207074733
 13. Augoustinos M., Walker I., Donaghue N. *Social cognition*. London, Sage Publishing, 2006. 157 p.
 14. Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K. Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement. Peace and Conflict. In: *Journal of Peace Psychology*, 2012, vol. 18, no. 1, pp. 40–61. DOI: 10.1037/a0026860
 15. Bar-Tal D. Intractable conflicts: Sociopsychological foundations and dynamics. In: *American Behavioral Scientist*, 2013, vol. 50, no. 11. Available at: <https://journals.sagepub.com> (accessed: 21.12.2021).
 16. Baden C., Tenenboim-Weinblatt K. The search for common ground in conflict news research: Comparing the coverage of six current conflicts in domestic and international media over time. In: *Media, War & Conflict*, 2018, vol. 11 (1), no. 1, pp. 22–45. DOI: 10.1177/1750635217702071
 17. Cohrs J. Ch., Ulug Ö. M., Stahel L. Ethos of Conflict and Beyond: Differentiating Social Representations of Conflict. In: Khalperin E., Sharvit K., eds. *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal*, 2015, no. 2, vol. 36, pp. 33–45. DOI: 10.1007/978-3-319-17861-5_3
 18. Coleman P. T. Intractable conflict. In: Coleman P. T., Deutsch M., Marcus E., eds. *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. San Francisco, Jossey-Bass, 2014. 1264 p.
 19. Fisher R. J. Intergroup conflict. In: *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. San Francisco, Jossey-Bass, 2014. 1264 p.
 20. Fisher R. J., Coleman P. T. The Fractal Nature of Intractable Conflict: Implications for Sustainable Transformation. In: Coleman P. T., Deutsch M., Marcus E., eds. *Overcoming Intractable Conflicts: New Approaches to Constructive Transformations*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, 2019, pp. 333–351.

21. Hameiri B., Nabet E., Bar-Tal D. Halperin Paradoxical Thinking as a Conflict-Resolution Intervention: Comparison to Alternative Interventions and Examination of Psychological Mechanisms. In: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2018, vol. 44 (1), pp. 122–139. DOI: 10.1177/0146167217736048
22. Halperin E., Pliskin R. Emotions and Emotion Regulation in Intractable Conflict: Studying Emotional Processes within a Unique Context. In: *Advances in Political Psychology*, 2015, vol. 36, no. 1, pp. 119–150. DOI: 10.1111/pops.12236
23. Halperin E., Levy A. Intractable Conflicts. In: *The Sage Encyclopedia of Political Behavior*. UK, Sage Publ., 2017, pp. 406–408.
24. Hasan-Aslih S., Netzer L., van Zomeren M. When we want them to fear us: The motivation to influence outgroup emotions in collective action. In: *Group Processes & Intergroup Relations*, 2019, vol. 22 (5), pp. 724–745. DOI: 10.1177/1368430218769744
25. Louis W. R. Intergroup Positioning and Power. In: Moghaddam F. M., Harre R., Lee N., eds. *Global conflict resolution through positioning analysis*. Switzerland: Springer Science, Business Media, 2008, pp. 21–41.
26. Moghaddam F. M., Harre R., Lee N. Positioning and Conflict: An Introduction. In: Moghaddam F. M., Harre R., Lee N., eds. *Global conflict resolution through positioning analysis*. Switzerland: Springer Science, Business Media, 2008, pp. 3–21.
27. Potter J. Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background. In: *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. Leicester: BPS Blackwell, 1996, pp. 125–140.
28. Ulup Ö. M., Lickel B., Leidner B. How do conflict narratives shape conflict- and peace-related outcomes among majority group members? The role of competitive victimhood in intractable conflicts. In: *Group Processes & Intergroup Relations*, 2021, vol. 24 (5), pp. 797–814. DOI: 10.1177/1368430220915771
29. Varshney A. *Ethnic Conflict and Civic Life: Hindus and Muslims in India*. New Haven, Yale University Press, 2003. 400 p.
30. Wohl M. J. A., Porat R., Halperin E. Unfreezing cognitions during an intractable conflict: Does an external incentive for negotiating peace and (low levels of) collective angst increase information seeking? In: *British Journal of Social Psychology*, 2016, vol. 55, pp. 65–87. DOI: 10.1111/bjso.12121

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потанина Анна Михайловна – младший научный сотрудник Психологического института Российской академии образования;

e-mail: a.m.potan@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4358-6948

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna M. Potanina – Junior Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education;

e-mail: a.m.potan@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4358-6948

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Потанина А. М. Анализ новостного медиа-дискурса вокруг трудноразрешимого межгруппового конфликта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 69–80.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-69-80

FOR CITATION

Potanina A. M. The analysis of news media discourse around intractable intergroup conflict. In: Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences, 2022, no. 1, pp. 69–80.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-69-80

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-81-99

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ТОЛЕРАНТНОСТИ И АВТОРИТАРНОСТИ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Цветкова Н. А.¹, Эгамбердиева Е. В.²

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15А, стр. 1, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и авторитарности у студентов, обучающихся в условиях межкультурного взаимодействия.

Процедура и методы. Психодиагностическая процедура проводилась с применением тестов «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой, «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой и др., F-шкалы Т. Адорно; корреляционный анализ выполнен по χ^2 -критерию Пирсона, сравнительный – по t -критерию Стьюдента.

Результаты. Установлено, что доминирующими типами этнической идентичности являются «этноэгоизм» и «этноизоляционизм», тип «позитивная этническая идентичность» оказался менее сформированным, а доля студентов с его низким уровнем составила более 50%. Констатируются средний уровень индекса толерантности с тенденцией к низкому (4,4 стэна) и низкий уровень этнической толерантности (3,2 стэна). Обнаружен невысокий уровень авторитарности, в структуре которой доминирует компонент «суеверность и стереотипия». При сравнении данных группы «русских» с данными группы представителей других национальностей установлено, что группы сходны по уровню толерантности и всем её структурным компонентам, а также по типам этнической идентичности, за исключением «позитивной этнической идентичности» и «этнонигилизма», которые сильнее выражены в группе студентов других национальностей. В группе «русских» значимо ниже уровень авторитарности. Выявлен ряд тесных согласований измеряемых параметров личности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования отражают уровень развитости трёх социально-психологических характеристик личности, которые способны оказывать сильное влияние на характер межкультурной коммуникации и социальную напряжённость, – этнической идентичности, толерантности, авторитарности. Результаты могут быть использованы в целях совершенствования образовательного процесса в вузах и профилактики межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: студенты различной национальной принадлежности, этническая идентичность, толерантность, авторитарность, сравнительный анализ

RESEARCH OF ETHNIC IDENTITY, TOLERANCE AND AUTHORITARIANISM AMONG STUDENTS STUDYING IN CONDITIONS OF CROSS-CULTURAL INTERACTION

N. Tsvetkova¹, E. Egamberdieva²

¹ *Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
ul. Narvskaya 15A, str. 1, Moscow, 125130, Russian Federation*

² *Moscow Region State University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the correlation between ethnic identity, tolerance and authoritarianism among students of different nationalities studying in conditions of cross-cultural interaction.

Methodology. The psychodiagnostic procedure was carried out using the following methods: "Types of ethnic identity" by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova; "Tolerance index" by G. U. Soldatova and others; F-scales by T. Adorno; the correlation analysis was performed according to Pearson's r-criterion, the comparative one - by Student's t-criterion.

Results. It is stated that dominant types of ethnic identity were: "ethno-egoism" and "ethno-isolationism"; the type of "positive ethnic identity" turned out to be less formed, and the proportion of students with its low level was more than 50%. The average level of tolerance index with a tendency to a low (4.4 standard ten) and a low level of ethnic tolerance (3.2 standard ten) were established. A low level of authoritarianism was found, in the structure of which the component "superstition and stereotypy" dominates. When comparing the data of the group of "Russians" with the data of the group of the representatives of other nationalities, it was found that the groups are similar in terms of tolerance and all its structural components, as well as in types of ethnic identity, with the exception of "positive ethnic identity" and "ethnonihilism", which are more expressed in the group of students of other nationalities. In the group of "Russians" the level of authoritarianism is significantly lower. A number of close agreements of the measured personality parameters have been revealed.

Research implications. The results of the study reflect the level of development of three socio-psychological personality characteristics that can have strong influence on the nature of cross-cultural communication and social tension - ethnic identity, tolerance, authoritarianism. The results can be used to improve the educational process in universities and to prevent interethnic conflicts.

Keywords: students of different nationalities, ethnic identity, tolerance, authoritarianism, comparative analysis

Введение

Актуальность изучения социально-психологических факторов психологической безопасности личности в условиях межкультурного взаимодействия студентов высших учебных заведений вряд ли может быть поставлена под сомнение. И вуз, и студенты заинтере-

ресованы в создании таких условий межкультурной коммуникации, которые безопасны как для студентов, так и для преподавателей, а также для других участников образовательного процесса [16; 25]. Для вуза, ориентированного на подготовку специалистов по различным направлениям междуна-

родного сотрудничества, это особенно актуально – его выпускники включаются в профессиональную международную деятельность с теми личностными свойствами, которые сформировались у них в том числе и в период обучения в высшей школе.

Очевидно, что существует потребность в исследовании личностной детерминации эффективного общения и результативной совместной деятельности студенческой молодёжи, обучающейся в условиях поликультурной среды. На наш взгляд, для реализации этой потребности следует выделить и исследовать такие характеристики личности студентов, которые определяют не только социально-психологическую атмосферу в каждом конкретном вузе, но и способны влиять на социальную напряжённость даже глобального уровня. Если судить по данным опубликованных научных разработок, то такими личностными детерминантами межкультурного взаимодействия могут быть: тип этнической идентичности, этническая толерантность и авторитарность.

Проблема этнической идентичности студенческой молодёжи довольно активно изучается зарубежными учёными в рамках кросс-культурной психологии [30]. Отечественные учёные также уделяют ей внимание. Например, В. Р. Бильданова, Г. К. Бисерова и Г. Р. Шагивалеева в 2015 г. опубликовали результаты исследования этнической идентичности в поликультурной студенческой среде [3]; Е. С. Холопова и Н. О. Садовникова изучали типы этнической идентичности у студентов вузов и колледжей [24]; А. В. Гришина и С. Л. Лунин исследовали типы этнической иден-

тичности российской молодёжи в качестве показателя готовности принять вынужденных мигрантов из Украины [5]. Анализ опыта формирования этнической идентичности в поликультурных станах представлен И. Л. Плужник, Т. Л. Осоловой и Т. Херрингтон. Авторы отметили особенности национальной идентичности российских студентов [14]. В 2017 г. появилась публикация Т. А. Спириной и Е. А. Горошко, в которой обращалось внимание на трансформацию этнической идентичности студенческой молодёжи [22]. В настоящее время этот аспект сохраняет интерес для учёных [1]. Т. В. Корнеева и С. Е. Поддубный изучали социально-психологическую детерминацию этнической идентичности студентов [8].

В целом эти исследования фиксируют состояние и прогнозируют динамику этнической идентичности современного студенчества (чаще всего определяя типы этнической идентичности студентов и отмечая те из них, которые являются доминирующими).

Поскольку в научных исследованиях показана тесная связь становления этнической идентичности с толерантностью, необходимой для профессионально-личностного развития в условиях поликультурного образования [23], постольку дальше мы даём краткий обзор научных публикаций по проблеме этнической толерантности студентов. Заметим, что данная проблема активно изучается [4; 7; 12; 18; 20]. Об этом также свидетельствуют диссертационные исследования, выполненные в XXI вв. [11; 13; 21]. Ещё в 2013 г. О. С. Саакян, освещая проблему формирования этнической толерантности студентов, отметила повышение

уровня этого личностного параметра к выпускному курсу у русских студентов в ходе совместного обучения с представителями различных этнических групп [17].

Н. О. Садовникова и Е. А. Веденяпина установили, что опрошенные ими студенты не учитывают национальную принадлежность человека в процессе межличностного общения и взаимодействия, не испытывают неприязни к представителям других этносов, но тем не менее чувствуют напряжение в их присутствии и не исключают межэтнические конфликты в группе [18]. Не ослабевает интерес к этой проблеме и за рубежом [28; 29].

Существует целый ряд исследований, рассматривающих этническую идентичность в связи с этнической толерантностью [2; 15; 19]. В докладе Е. Д. Короткиной, опубликованном в сборнике материалов I Международной научно-практической конференции «Проблемы психолого-педагогической работы с молодёжью в поликультурной среде», проходившей в Санкт-Петербурге в 2016 г., этническая идентичность раскрыта в качестве основы этнической толерантности в межнациональном общении [10].

В процессе анализа теоретико-методологических попыток изучения авторитарности [6; 24; 26; 27], мы пришли к выводу о слабой разработанности данного вопроса применительно к студентам, обучающимся в условиях межкультурного взаимодействия. Отметим лишь статью Т. В. Корнеевой и С. Е. Поддубного, которые уделили внимание этнопсихологическим и личностным детерминантам авторитарности в среде студенческой моло-

дёжи Подмосковья; они определили характер связей авторитарности как интегративного параметра личности с типами этнической идентичности и толерантностью. Ими отмечены: низкий уровень сформированности типа этнической идентичности «позитивная этническая идентичность», а также интолерантность к представителям других этносов и низкий уровень авторитарности [8; 9].

Результаты теоретического анализа научных публикаций отечественных учёных по проблеме личностной детерминации межкультурного взаимодействия студентов в условиях поликультурной среды высшей школы позволили нам сделать вывод о важности изучения именно этих характеристик их личности – этнической идентичности, толерантности и авторитарности, поскольку их изменение способно влиять на социально-психологическую атмосферу в обществе.

Цель эмпирического исследования заключалась в выявлении ведущего типа этнической идентичности, уровня и особенностей толерантности и авторитарности у студентов, определивших себя как «русские», и студентов, отнёсших себя к иной национальной принадлежности, обучающихся в условиях межкультурного взаимодействия.

Исследовательские задачи: 1) провести эмпирическое исследование на студенческой выборке, чтобы определить особенности таких личностных параметров студентов, как этническая идентичность, толерантность и авторитарность; 2) выполнить сравнительный анализ эмпирических данных, разделив их на две категории: а) данные, полученные в группе «русских» студентов; б) данные, полученные в

группе студентов иной национальной принадлежности. Объяснить выявленные межгрупповые различия, а также связи между изучаемыми параметрами личности.

Гипотеза: эмпирическое исследование строилось на предположении о том, что у студентов вне зависимости от их национальной принадлежности в качестве ведущего типа этнической идентичности окажется тип «позитивная этническая идентичность»; при этом уровень этнической толерантности в совокупной студенческой выборке окажется средним, но тяготеющим к высокому, а уровень авторитарности – низким. Межгрупповые различия по изучаемым параметрам будут незначительными.

Метод

Схема исследования. У студентов определялись особенности этнической идентичности, толерантности и авторитарности, а затем исследовались связи этих трёх переменных. После этого выборка была поделена на 2 группы – группу студентов, определивших себя как «русские», и группу студентов, отнёсших себя к какому-либо другому этносу, и был выполнен сравнительный анализ данных, в ходе которого по трём исследуемым параметрам личности устанавливались межгрупповые различия.

Участники исследования. Выборку составили 93 студента (22 юноши и 71 девушка) Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России, обучающихся на факультетах управления и политики, международно-правовом и финансовой экономики. Из них одна половина

определила себя как «русские»; среди другой половины испытуемых примерно в равных долях оказались армяне, украинцы, чеченцы, лакцы, осетины, белорусы, метисы, при этом все они имели гражданство Российской Федерации. Испытуемые студенты обучались по очной форме и в ходе учебного процесса часто находились в ситуациях непосредственных и довольно интенсивных контактов.

Методики

1. Особенности этнической идентификации изучались по методике Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой «Типы этнической идентичности», позволяющей диагностировать особенности этнического самосознания личности по шести параметрам: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность, этноэгоизм, этноизоляция (ксенофобия), этнофанатизм. При этом этноэгоизм, этноизоляция и этнофанатизм отнесены авторами методики к дискриминационным типам межэтнических отношений.

2. Особенности толерантности изучались по методике Г. У. Солдатовой, О. В. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой «Индекс толерантности», имеющей три шкалы, – этническая толерантность, социальная толерантность, толерантность как черта личности.

3. Особенности авторитарности определялись по F-шкале Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсон, Р. Сэнфорд, состоящей из 9-и субшкал (консерватизм, авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, антиинтрацепция, суеверность и стереотипия, комплекс власти, деструк-

тивность и цинизм, проективность, отношение к сексуальности).

Эмпирические данные подвергались математико-статистической обработке – использовался пакет MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 23. Корреляционный анализ выполнялся по r-критерию Пирсона; для установ-

ления достоверности межгрупповых различий по изучаемым параметрам применялся t-критерий Стьюдента.

Результаты

1. Результаты изучения особенностей этнической идентичности (табл. 1):

Таблица 1 / Table 1

Распределение совокупной студенческой выборки по типам этнической идентичности и их уровням / Distribution of the total student sample by types of ethnic identity and their levels

Типы этнической идентичности и их нормативные значения	Общегрупповые значения (в стэхах от 1 до 10)	Уровни					
		высокий		средний		низкий	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Этноэгоизм (1-4)	6,6	39	41,9	37	39,8	17	18,3
Этноизоляционизм (1-4)	6,6	40	43,0	40	43,0	13	14,0
Этнонигилизм (3-8)	5,7	26	28,0	37	39,8	30	32,2
Этнофанатизм (1-4)	5,5	22	23,7	40	43,0	31	33,3
Этническая индифферентность (1-4)	4,7	5	5,4	42	45,1	46	49,5
Позитивная этническая идентичность (норма 5-10)	4,3	13	14,0	32	34,4	48	51,6

Источник: данные авторов.

Данные, сведённые в таблицу 1, показывают наличие проблемы формирования позитивной этнической идентичности (её общегрупповой показатель тяготеет к области низких значений, а доля студентов с низким уровнем этого параметра составляет около 52%).

В перечне типов этнической идентичности испытуемых студентов доминируют два из трёх тех, которые являются дискриминационными в межэтнических отношениях, – это этноэгоизм и этноизоляционизм. Те студенты, у кого ярко представлен этноэгоизм, могут проявлять вербальную агрессию и/или напряжённую раздражительность при контактах с людьми

другого этноса; им присуще ощущение превосходства по отношению к представителям других национальностей. «Этноизоляционисты» отличаются высокомерием, убеждены в необходимости «очищения» национальной культуры от иных влияний, негативно относятся к межэтническим бракам, у них наблюдаются признаки ксенофобии – страха перед иноверцами и иноземцами.

Данные, приведённые в таблице 1, также показывают заметное повышение уровня этнофанатизма – третьей дискриминационной формы межэтнических отношений. «Этнофантам» свойственна готовность к совершению

реальных действий во имя этнических интересов, вплоть до этнических «чисток». Этнофанатизм связан с отказом другим народам в праве пользоваться ресурсами и социальными привилегиями; с признанием приоритета этнических прав народа над правами человека; с оправданием любых жертв во имя благополучия своего этноса.

Несколько повышен и показатель общегруппового уровня этнической индифферентности, что свидетельствует о некоторой «размытости» этнической идентичности у части испытуемых студентов.

2. Результаты изучения особенностей толерантности:

Таблица 2 / Table 2

Распределение совокупной студенческой выборки по уровням выраженности трёх видов толерантности и её общему уровню / Distribution of the total student sample by the levels of expression of the three types of tolerance and its general level

Виды толерантности	Общегрупповые значения (в стэнах от 1 до 10)	Уровни					
		высокий		средний		низкий	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Толерантность личностное качество	5,0	16	17,2	39	41,9	38	40,9
Социальная толерантность	5,1	14	15,1	45	48,3	34	36,6
Этническая толерантность	3,2	8	8,6	15	16,1	70	75,3
Индекс толерантности	4,4	14	15,1	19	20,4	60	64,5

Источник: данные авторов.

Таблица 2 явно отражает проблему толерантности, поскольку её общегрупповой показатель относится к области низких значений. Это свидетельствует о дефиците миролюбия, признания и принятия в межкультурной коммуникации, о стремлении удлинить социальную дистанцию. Показатели двух других видов толерантности – толерантности как черты личности и социальной толерантности находятся на среднем уровне развитости, однако с тенденцией к низкому.

Общегрупповой показатель общего уровня толерантности не превышает значения 5 стэнов и доля студентов с его низким уровнем составляет около 65% – следовательно, в целом выборку невозможно охарактеризовать как

толерантную. Доля юношей и девушек с высоким и средним индексом толерантности равна 35,5%.

3. Результаты изучения авторитарности:

Таблица 3 показывает, что в перечне структурных компонентов авторитарности на первое место выступает суеверность и стереотипия: более 60% обследованных студентов суеверны и около 40% из них готовы объяснять собственную безответственность действием внешних сил, догматичны и ригидны в социальном взаимодействии. В то же время показатель общего уровня авторитарности (её индекс) оказался относительно невысоким (не превышает значения 5 стэнов).

Таблица 3 / Table 3

Распределение совокупной студенческой выборки по уровням выраженности девяти параметров авторитарности и её общему уровню / Distribution of the total student sample by levels of severity of the nine parameters of authoritarianism and its overall level

Замеряемые параметры авторитарности	Общегрупповые значения (в стэнах от 1 до 10)	Уровни					
		высокий		средний		низкий	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Суеверность и стереотипия	6,1	36	38,7	22	23,7	35	37,6
Цинизм и деструктивность	5,2	6	6,5	65	69,8	22	23,7
Анти-интрацепция	5,1	15	16,1	57	61,3	21	22,6
Проективность в общении	4,9	11	11,8	42	45,2	40	43,0
Авторитарное подчинение	4,9	18	19,4	35	37,6	40	43,0
Консерватизм в характере	4,9	16	17,2	40	43,0	37	39,8
Комплекс власти	4,8	14	15,1	38	40,9	41	44,0
Отношение к сексуальности	3,8	9	9,7	30	32,3	54	58,0
Авторитарная агрессия	3,5	9	9,7	24	25,8	60	64,5
Индекс авторитарности	4,8	18	19,4	28	30,1	47	50,5

Источник: данные авторов.

На следующем этапе исследования совокупная выборка была поделена на две группы. В первую группу вошли студенты, указавшие в графе «национальная принадлежность» «русский(ая)»; вторую группу составили те, кто отнесли себя к какому-либо другому этносу.

В таблице 4 достоверные значимые различия наблюдаются между показателями двух типов этнической идентичности – это «позитивная этническая идентичность» и «этнонигилизм», а также по общему уровню авторитарности и всем её частным структурным компонентам. Уровни этих измеряемых нами параметров достоверно более высокие в группе студентов других национальностей. По индексу толерантности и его структурным компонентам межгрупповых различий не установлено.

Неожиданным результатом сравнительного анализа эмпирических данных оказалось достоверно сильное межгрупповое различие по параметру «авторитарность», причём по всем её структурным компонентам. Оказалось, что в отличие от группы студентов – представителей других национальностей группа «русских» студентов характеризуется гораздо меньшей авторитарностью, хотя в перечне её признаков в обеих студенческих группах лидирует «суеверность и стереотипия».

Корреляционный анализ данных позволил выявить ряд тесных согласований измеряемых параметров личности. Они представлены ниже в таблице 5. Согласования внутри одной методики закономерны и поэтому в ней не приведены. Жирным шрифтом выделены самые сильные из корреляций.

Таблица 4 / Table 4

Сводная таблица показателей толерантности, этнической идентичности и авторитарности двух студенческих групп / Summary table of indicators of tolerance, ethnic identity and authoritarianism of the two student groups

Замеряемые параметры (стэны от 1 до 10)	«Русские» студенты	Студенты других этносов	Досто- верность различий	Уровень значимости
	Средние значения			
Показатели трех видов толерантности и ее индекса				
1. Социальная толерантность личности	5,2	4,9	-0,959	0,563
2. Этническая толерантность личности	3,3	2,9	-0,915	0,363
3. Толерантность как личностное качество	5,2	4,5	-1,010	0,319
4. Индекс толерантности	4,6	4,2	-0,852	0,396
Показатели выраженности типов этнической идентичности				
5. Этноизоляционизм	6,7	6,5	-0,313	0,756
6. Этноэгоизм	6,6	6,6	0,069	0,945
7. Этнофанатизм	5,4	5,6	0,355	0,723
8. Этническая индифферентность	4,5	4,9	0,690	0,494
9. Этнонигилизм	5,4	6,5	1,694	0,094
10. Позитивная этническая идентичность	3,8	4,8	1,619	0,114
Показатели 9-и признаков авторитарности и её общего уровня				
11. Суеверность и стереотипия	5,3	8,4	5,641	0,000
12. Цинизм и деструктивность	4,8	6,4	5,138	0,000
13. Антиинтрацепция	4,7	6,4	3,350	0,002
14. Консерватизм	4,3	6,6	3,585	0,001
15. Авторитарное подчинение	4,5	6,3	3,435	0,001
16. Проективность	4,4	6,3	3,599	0,001
17. Комплекс власти	3,9	7,3	6,528	0,000
18. Отношение к сексуальности	3,3	5,4	3,938	0,000
19. Авторитарная агрессия	2,9	5,4	3,982	0,000
20. Общий уровень авторитарности	4,2	6,5	6,028	0,000

Источник: данные авторов.

Таблица 5 / Table 5

Результаты корреляционного анализа (согласования на уровне значимости $p \leq 0,01$) / Results of the correlation analysis (coordination on level significance $p \leq 0.01$)

Характеристики студентов	Показатели изучаемых критериев	r	p
Пол	Консерватизм	-0,371	0,000
	Авторитарная агрессия	-0,428	0,000
	Комплекс власти	-0,342	0,001
	Деструктивность и цинизм	-0,401	0,000
	Отношение к сексуальности	-0,338	0,001
	Общий уровень авторитарности	-0,341	0,001
	Этническая индифферентность	0,346	0,001
	Этнофанатизм	-0,372	0,000
Консерватизм	Этнонигилизм	0,359	0,000
	Этноэгоизм	0,277	0,007
	Этноизоляционизм	0,472	0,000
	Этнофанатизм	0,507	0,000
	Этническая толерантность	-0,425	0,000
	Социальная толерантность	-0,545	0,000
	Толерантность как черта личности	-0,273	0,008
	Общий уровень толерантности	-0,529	0,000
Авторитарное подчинение	Этническая толерантность	-0,319	0,002
	Социальная толерантность	-0,333	0,001
Авторитарная агрессия	Этнонигилизм	0,352	0,001
	Этноизоляционизм	0,308	0,003
	Этнофанатизм	0,358	0,000
	Этническая толерантность	-0,371	0,000
	Социальная толерантность	-0,498	0,0000
	Толерантность как черта личности	-0,295	0,004
	Общий уровень толерантности	-0,475	0,000
Антиинтрацепция	Этнонигилизм	0,298	0,004
	Этноэгоизм	0,271	0,009
	Этноизоляционизм	0,333	0,001
	Этнофанатизм	0,305	0,003
	Этническая толерантность	-0,352	0,001
	Социальная толерантность	-0,389	0,000
	Общий уровень толерантности	-0,338	0,001
Суеверность и стереотипия	Этнонигилизм	0,322	0,002
	Этнофанатизм	0,273	0,008
	Этническая толерантность	-0,406	0,000
	Социальная толерантность	-0,362	0,000
	Общий уровень толерантности	-0,304	0,003

Характеристики студентов	Показатели изучаемых критериев	r	p
Комплекс власти	Позитивная этническая идентификация	0,296	0,004
	Этническая толерантность	-0,310	0,002
	Социальная толерантность	-0,434	0,000
Деструктивность и цинизм	Этническая толерантность	-0,370	0,000
	Социальная толерантность	-0,282	0,006
	Общий уровень толерантности	-0,319	0,002
Проективность	Этническая толерантность	-0,418	0,000
	Социальная толерантность	-0,352	0,001
	Общий уровень толерантности	-0,379	0,000
Отношение к сексуальности	Этнонигилизм	0,310	0,002
	Этнофанатизм	0,293	0,004
	Этническая толерантность	-0,489	0,000
	Социальная толерантность	-0,502	0,000
	Толерантность как черта личности	-0,317	0,002
	Общий уровень толерантности	-0,520	0,000
Общий уровень авторитарности	Этнонигилизм	0,279	0,007
	Этнофанатизм	0,298	0,004
	Этническая толерантность	-0,399	0,000
	Социальная толерантность	-0,483	0,000
	Общий уровень толерантности	-0,408	0,000
Этнонигилизм	Этническая толерантность	-0,520	0,000
	Социальная толерантность	-0,374	0,000
	Толерантность как черта личности	-0,643	0,000
	Общий уровень толерантности	-0,649	0,000
Позитивная этническая идентификация	Этническая толерантность	0,424	0,000
	Толерантность как черта личности	0,420	0,000
	Общий уровень толерантности	0,417	0,000
Этноэгоизм	Этническая толерантность	-0,401	0,000
	Толерантность как черта личности	-0,475	0,000
	Общий уровень толерантности	-0,455	0,000
Этноизоляционизм	Этническая толерантность	-0,467	0,000
	Социальная толерантность	-0,361	0,000
	Толерантность как черта личности	-0,527	0,000
	Общий уровень толерантности	-0,587	0,000
Этнофанатизм	Этническая толерантность	-0,572	0,000
	Социальная толерантность	-0,334	0,001
	Толерантность как черта личности	-0,630	0,000
	Индекс толерантности	-0,642	0,000

Источник: данные авторов.

Обратим внимание на самые сильные корреляции (при p значительно меньше 0,01). Этнонигилизм и этнофанатизм отрицательно и особенно сильно согласуются с толерантностью как чертой личности ($r=-0,643$ и $r=-0,630$ соответственно) и индексом толерантности ($r=-0,649$ и $r=-0,642$ соответственно). Это означает, что размытость этнического самоопределения или чрезмерный акцент на величии своего народа сочетаются с крайне низким индексом толерантности.

Общий уровень авторитарности тесно положительно согласуется с типами этнической идентичности «этнонигилизм» и «этнофанатизм» ($r=0,279$ при $p=0,007$ и $r=0,298$ при $p=0,004$ соответственно).

Общий уровень толерантности тесно отрицательно согласуется с типами этнической идентичности (все согласования при $p = 0,000$): «этнонигилизм» ($r=-0,649$), «этноэгоизм» ($r=-0,455$), «этноизоляционизм» ($r=-0,587$), «этнофанатизм» ($r=-0,642$), но положительно – с типом «позитивная этническая идентичность личности» ($r=0,417$). Из этого следует, что индекс толерантности выше у студентов, имеющих позитивную установку к собственному народу, которую они смогли согласовать с позитивным отношением к представителям других культур.

Консерватизм – признак авторитарности – положительно согласуется с четырьмя из шести типов этнической идентичности – этноэгоизмом, этнонигилизмом, этноизоляционизмом и этнофанатизмом и при этом отрицательно коррелирует со всеми структурными компонентами индекса толерантности. Следовательно, студенты-«консерваторы» (в совокуп-

ной выборке их доля составляет 17,2%) характеризуются высокими показателями этнонигилизма, этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма; они имеют невысокий уровень социальной и этнической толерантности; толерантность как личностное качество им не свойственна, и в целом они интолерантны.

Заметим также, что пол испытуемых показывает отрицательные корреляции с шестью из десяти структурных компонентов авторитарности, а также с этнофанатизмом ($r=-0,372$ при $p=0,000$); в то же время пол положительно согласуется со шкалой этнической индифферентности ($r=0,346$ при $p=0,001$). Следовательно, женщины достоверно менее авторитарны в целом, а, в частности, менее консервативны и деструктивны, менее циничны, не склонны к авторитарной агрессии, у них не регистрируется комплекс власти, они толерантны к проявлению сексуальности. К тому же женщины не склонны к этнофанатизму, но чаще воспринимают этнические вопросы индифферентно.

Обсуждение результатов

Эмпирическое исследование строилось на предположении о том, что у студентов, вне зависимости от их национальной принадлежности, ведущим типом этнической идентичности является «позитивная этническая идентичность личности». В ходе исследования выяснилось, что этот тип этнической идентичности занимает последнее место в перечне типов (его показатель (4,3 стэна) оказался ниже уровня нормативных значений (ниже 5 стэнов), а в качестве ведущих типов этнической идентичности в равной

степени были выявлены «этноэгоизм» и «этноизоляционизм» (по 6,6 стэна, что значительно превышает верхнюю границу нормативного значения).

Позитивная этническая идентичность личности – идеальный результат процесса этнической идентификации – в данной выборке не обнаружен. Вместо него выявлены два дискриминационных в межэтнических отношениях типа – этноизоляционизм и этноэгоизм. Этноизоляционизм определяется по убеждённости его носителя в превосходстве своего народа над другими, в необходимости «очищения» национальной культуры от чуждых влияний, о негативном отношении к межэтническим бракам и ксенофобии – страхе перед иноверцами и иноземцами. Этноэгоизм проявляется вербальной агрессией, напряжённостью и раздражением в ситуациях контакта с представителями других этносов, негативными эмоциональными реакциями на их присутствие, а также ощущением его носителя собственностью превосходства над ними.

Таким образом, получены основания для предположения о том, что в студенческой поликультурной образовательной среде существует проблема формирования позитивной этнической идентичности (в нашем случае её общегрупповой показатель тяготеет к области низких значений, замыкает типологию студентов по данному параметру, а доля студентов с низким уровнем этого параметра в совокупной выборке составляет около 52%). Однако заметим, что данная проблема больше характерна для группы «русских» студентов; в группе студентов других национальностей она стоит менее остро (общегрупповой показатель

позитивной этнической идентичности равен 4,8 стэнов, т. е. он близок к области нормативных значений).

Если сравнивать полученные нами результаты с результатами других исследователей, то, например, О. А. Андриенко и Т. А. Безенкова, в 2020 г. обследовавшие выборку студентов с различной национальной принадлежностью, обнаружили весь спектр типов этнической идентичности и при этом отметили пикирующую в ней позитивную этническую идентичность [1]. Более ранние исследования констатировали сходные результаты [2; 3; 19; 24], свидетельствующие о том, что в студенческой среде встречаются личности с различными типами этнической идентичности, однако доминирующим типом является «позитивная этническая идентичность». Если первая часть этого вывода нашла подтверждение в нашем исследовании, то вторая опровергается. В то же время полученный нами результат согласуется с заключением, сделанным Т. В. Корнеевой и С. Е. Поддубным в 2020 г. [9].

Они также обнаружили у студенческой молодёжи низкий уровень выраженности типа позитивной этнической идентичности.

По параметру толерантности предполагалось обнаружить тенденцию к её высокому уровню. Однако установлено, что её показатель в совокупной выборке является низким (4,4 стэна). Доля студентов с высоким индексом толерантности составила 15%. Особо низким является показатель этнической толерантности (3,2 стэна); доля студентов с высокой этнической толерантностью в совокупной выборке – около 9%. Межгрупповых различий

по данному параметру не выявлено, а полученный нами результат свидетельствует о недостатке терпимости в межкультурном взаимодействии с представителями других этносов и стремлении удлинить культурную дистанцию в общении с ними у студентов двух обследованных групп. Он в значительной степени подтвердил результаты С. Е. Поддубного и Е. В. Шевчук, полученные ими в 2017 г. [15]: они также обнаружили у студентов низкий уровень этнической толерантности, однако констатировали высокий уровень социальной и личностной толерантности (в нашем случае оба эти показателя относятся к области средних значений).

Что касается авторитарности, то наше предположение оказалось близким к реальности в том, что её уровень невысокий (индекс авторитарности в совокупной выборке составил 4,8 стэна). Однако обнаружилось, что по данному интегративному личностному параметру достоверно более авторитарной является группа студентов «другой» национальной принадлежности (4,2 стэна против 6,5).

В 2020 г. Т. В. Корнеева и С. Е. Поддубный опубликовали результаты исследования социально-психологических детерминант авторитарности студенческой молодёжи. По их данным, для неё «характерен низкий уровень авторитарности, позитивной этнической идентичности и этнической толерантности; причём эти характеристики сочетаются с высоким уровнем этнонигилизма, этнофанатизма, этноэгоизма» [9]. Ими также отмечена связь авторитарности и позитивной этнической идентичности личности: чем более выражена первая,

тем ниже уровень второй и наоборот. Полученные нами данные вполне согласуются с данными этих исследователей.

Заключение

Результаты теоретического анализа проблемы и собственного эмпирического исследования дали нам основание для общего заключения о существовании в поликультурном образовательном пространстве высшей школы таких социально-психологических факторов, которые способны создавать угрозу психологической безопасности студентов в ситуациях тесного межкультурного общения и взаимодействия. Судя по нашим данным, а также данным других исследователей, ими являются личностные детерминанты межкультурного взаимодействия – тип этнической идентичности личности, этническая (ин) толерантность и авторитарность. В этом отношении наибольшую проблему составляет сочетание в личности значительной части студентов низкого уровня развитости типа «позитивная этническая идентичность» с такими развитыми в ней типами, как «этно-эгоизм», «этноизоляционизм» и «этнофанатизм». Не менее остро стоит и проблема этнической толерантности, показатель которой у испытуемых студентов явно нуждается в повышении. Хотя выявленный общий уровень авторитарности – интегративного параметра личности оказался невысоким, тем не менее один из его компонентов – «суеверность и стереотипия» оказался наиболее выраженным и, следовательно, способным оказывать влияние на характер межкультурного взаимодействия в студенческих группах.

Полученные нами результаты могут быть полезными в целях профилактики межэтнических конфликтов в студенческой среде. Профилактическая работа может быть сориентирована: а) на создание условий для формирования у студентов типа «позитивная этническая идентичность»; б) на повышение уровня этнической толерантности, например, путём проработки содержания такого компонента авторитарности, как «суеверность и стереотипия»; в) на сглаживание выявленных межэтнических различий в

уровнях проявления студентами всех 9 компонентов авторитарности и особенно – комплекса власти.

По всей видимости, требуется серьёзная проработка личностной детерминации межкультурной коммуникации в условиях поликультурной образовательной среды высшей школы, что предполагает более масштабное изучение обсуждённых в данной статье личностных особенностей студенческой молодёжи и их динамики.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриенко О. А., Безенкова Т. А. К вопросу об этнической идентичности современных студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. № 4 (33). С. 304–306.
2. Берберян А. С., Найденов В. Г. Исследование взаимосвязи этнической идентичности и толерантности студентов // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. № 3. С. 25–35.
3. Бильданова В. Р., Бисерова Г. К., Шагивалеева Г. Р. Исследование этнической идентичности в поликультурной студенческой среде // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. № 6. С. 141–144.
4. Головина С. Г., Спирина Т. А., Корниенко А. В. Формирование этнической толерантности студентов: психолого-педагогические аспекты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 122–130.
5. Гришина А. В., Лунин С. Л. Типы этнической идентичности российской молодёжи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины // Российский психологический журнал. 2015. № 2. С. 46–56.
6. Денисова Д. М. Шкала F как инструмент исследования авторитарного потенциала личности // Труды СПИИРАН. 2012. Вып. 2 (21). С. 228–237.
7. Калинина А. В., Попкова А. А., Третьякова О. В. Исследование уровня толерантности студентов вуза // Современные наукоёмкие технологии. 2016. № 12-1. С. 146–150.
8. Корнеева Т. В., Поддубный С. Е. Социально-психологические детерминанты этнической идентичности молодёжи // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 3 (15). С. 193–221.
9. Корнеева Т. В., Поддубный С. Е. Этнопсихологические и личностные детерминанты авторитарности молодёжи // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 141–174.
10. Короткина Е. Д. Этническая идентичность как основа толерантности в межнациональном общении (на примере русской и чеченской студенческой молодёжи) // Проблемы психолого-педагогической работы с молодёжью в поликультурной среде: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 14 июня 2016 г. / под ред. В. М. Голянич, О. В. Ходаковской. СПб.: Ниц Арт, 2016. С. 94–104.

11. Лазарева Е. С. Социально-культурные условия формирования этнической толерантности студенческой молодёжи в процессе межкультурного общения: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2012. 175 с.
12. Малкова И. А. Этническая толерантность московской студенческой молодёжи // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 105–114.
13. Нарезная О. А. Этническая толерантность студенческой молодёжи Ростовской области: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 27 с.
14. Плужник И. Л., Осколова Т. Л., Херрингтон Т. Формирование национальной идентичности российских студентов в поликультурном обществе (анализ опыта поликультурных стран) // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 8. С. 128–146.
15. Поддубный С. Е., Шевчук Е. В. Взаимосвязь черт личности и интеллекта с толерантностью и типами этнической идентичности обучающихся юношеского возраста [Электронный ресурс] // Альманах «Азбука образовательного пространства». 2017. № 1. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/c1c/Statya-Poddubnyj-SHevchuk.pdf> (дата обращения: 26.11.2021).
16. Пузанова Ж. В., Нарбут Н. П., Ларина Т. И. Контексты межкультурного взаимодействия в высшей школе // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 143–155.
17. Саакян О. С. Проблема этнической толерантности у студентов современных вузов // Российский психологический журнал. 2013. Т. 10. № 5. С. 78–85. DOI: 10.21702/grj.2013.5.8
18. Садовникова Н. О., Веденяпина Е. А. Психологические особенности этнической толерантности молодёжи // Международный студенческий научный вестник: [сайт]. 2018. № 5. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19143> (дата обращения: 26.11.2021).
19. Сайфутдиярова Е. Ф., Ахматханова Л. А. Взаимосвязь типов этнической идентичности с толерантными установками в межличностных отношениях студенческой молодёжи // АНИ: педагогика и психология. 2015. № 1 (10). С. 53–56.
20. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 172 с.
21. Солянин Н. Э. Психологическая структура этнической толерантности учащихся средней школы, студентов средних и высших профессиональных образовательных учреждений: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2014. 303 с.
22. Спирина Т. А., Горощко Е. А. Трансформации этнической идентичности студенческой молодёжи // Молодой учёный. 2017. № 19 (153). С. 282–285.
23. Становление идентичности и толерантности в условиях поликультурного образования: монография / А. К. Лукина, Т. О. Адренко, Д. С. Батарчук, Я. М. Дайнеко, О. Ю. Дивакова, В. В. Корнеева, В. В. Коршунова, Е. Н. Крупенина, В. Н. Лутошкина, О. Г. Смолянинова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. 260 с.
24. Холопова Е. С., Садовникова Н. О. Исследование типов этнической идентичности у студентов вузов и колледжей // Концепт: электронный научный журнал. 2016. Т. 11. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86414.htm> (дата обращения: 26.11.2021).
25. Черткова Ю. Д., Егорова М. С., Паршикова О. В. Авторитарность как компенсаторная характеристика // Психологические исследования: [сайт]. 2017. Т. 10. № 56. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v_10n56_1506-chertkova_56.html (дата обращения: 26.11.2021).
26. Цветкова Н. А., Эгамбердиева Е. В. Обоснование модели эмпирического исследования социально-психологических особенностей психологической безопасности личности в межкультурном взаимодействии // Учёные записки РГСУ. 2021. Т. 20. № 1 (158). С. 74–85.

27. The authoritarian personality / T. W. Adorno, E. Frenkel-Brunswick, D. J. Levinson, R. N. Sanford. New York: Harper and Brothers, 1950. 990 p.
28. Cuarcado I. Tolerance towards difference: Adaptation and psychometric properties of the Spanish version of a new measure of tolerance and sex-moderated relations with prejudice // *International Journal of Intercultural Relations*. 2021. Vol. 84. P. 220–232.
29. Verkuyten M., Killen M. Tolerance, dissenting beliefs, and cultural diversity // *Child Development Perspectives*. 2021. Vol. 15. № 1. P. 51–56.
30. Weinreich P. Ethnic identity and enculturation/acculturation // *Latest contributions to cross-cultural psychology*. Britain: Routledge, 2020. P. 135–148.

REFERENCES

1. Andrienko O. A., Bezenkova T. A. [On the issue of ethnic identity of modern students]. In: *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogi-ka i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2020, no. 4 (33), pp. 304–306.
2. Berberyan A. S., Najdenov V. G. [Study of the relationship between ethnic identity and student tolerance]. In: *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 2016, no. 3, pp. 25–35.
3. Bil'danova V. R., Biserova G. K., Shagivaleeva G. R. [Study of ethnic identity in a multicultural student environment]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University], 2015, no. 6, pp. 141–144.
4. Golovina S. G., Spirina T. A., Kornienko A. V. [Formation of ethnic tolerance of students: psychological and pedagogical aspects]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2017, no. 6, pp. 122–130.
5. Grishina A. V., Lunin S. L. [Types of ethnic identity of Russian youth as an indicator of positive readiness to accept forced migrants from Ukraine]. In: *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2015, no. 2, pp. 46–56.
6. Denisova D. M. [Scale F as a tool for the study of the authoritarian potential of the individual]. In: *Trudy SPIIRAN* [Proceedings of SPIIRAS], 2012, vol. 2 (21), pp. 228–237.
7. Kalinina A. V., Popkova A. A., Tret'yakova O. V. [Study of the level of tolerance of university students]. In: *Sovremennye naukoymkie tekhnologii* [Modern science-intensive technologies], 2016, no. 12-1, pp. 146–150.
8. Korneeva T. V., Poddubnyj S. E. [Socio-psychological determinants of youth ethnic identity]. In: *Institut psihologii RAN. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Institute of Psychology RAS. Social and economic psychology], 2019, vol. 4, no. 3 (15), pp. 193–221.
9. Korneeva T. V., Poddubnyj S. E. [Ethnopsychological and personal determinants of youth authoritarianism]. In: *Institut psihologii RAN. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Institute of Psychology RAS. Social and economic psychology], 2020, vol. 5, no. 3 (19), pp. 141–174.
10. Korotkina E. D. [Ethnic identity as the basis of tolerance in interethnic communication (on the example of Russian and Chechen student youth)]. In: Golyanich V. M., Hodakovskaya O. V., eds. *Problemy psihologo-pedagogicheskoy raboty s mo-lodyozh'yu v polikul'turnoj srede»: sb. materialov I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 14 iyunya 2016 g.* [Problems of psychological and pedagogical work with youth in a multicultural environment”: Sat. materials I Intern. scientific-practical. conf., St. Petersburg, June 14, 2016]. St. Petersburg, Nic Art Publ., 2016, pp. 94–104.
11. Lazareva E. S. *Social'no-kul'turnye usloviya formirovaniya etnicheskoy tolerantnosti studencheskoj molodyozhi v processe mezhkul'tur-nogo obshcheniya: dis. ... kand. ped. nauk* [Socio-cultural con-

- ditions for the formation of ethnic tolerance of student youth in the process of cross-cultural communication: Cand. Sci. thesis in Psychological Sciences]. Tambov, 2012. 175 p.
12. Malkova I. A. [Ethnic tolerance of the Moscow student youth]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Psychology], 2016, no. 4, pp. 105–114.
 13. Narezhnaya O. A. *Etnicheskaya tolerantnost' studentcheskoj molodyozhi Rostovskoj oblasti: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk* [Ethnic tolerance of student youth in Rostov region: Cand. Sci. Thesis in Sociological Sciences]. Rostov-na-Donu, 2010. 27 p.
 14. Pluzhnik I. L., Oskolova T. L., Herrington T. [Formation of the national identity of Russian students in a multicultural society (analysis of the experience of multicultural countries)]. In: *Obrazovanie i nauka* [Obrazovanie i nauka], 2017, vol. 19, no. 8, pp. 128–146.
 15. Poddubnyj S. E., Shevchuk E. V. [The relationship of personality traits and intelligence with tolerance and types of ethnic identity of students of youthful age]. In: *Al'manah "Azбука obrazovatel'nogo prostranstva"* [Almanac "ABC of Educational Space"], 2017, no. 1. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/c1c/Statya-Poddubnyj-Shevchuk.pdf> (accessed: 26.11.2021).
 16. Puzanova Zh. V., Narbut N. P., Larina T. I. [Contexts of cross-cultural interaction in higher education]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], 2018, no. 4, pp. 143–155.
 17. Saakyan O. S. [The problem of ethnic tolerance among students of modern universities]. In: *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Journal of Psychology], 2013, vol. 10, no. 5, pp. 78–85. DOI: 10.21702/rpj.2013.5.8
 18. Sadovnikova N. O., Vedenyapina E. A. [Psychological features of ethnic tolerance of youth]. In: *Mezhdunarodnyj studentcheskij nauchnyj vestnik* [International Student Scientific Bulletin], 2018, no. 5. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19143> (accessed: 26.11.2021).
 19. Sajfutdiyeva E. F., Ahmathanova L. A. [The relationship of ethnic identity types with tolerant attitudes in interpersonal relations of student youth]. In: *Azimut nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya* [Azimut of Scientific Works: Pedagogy and Psychology], 2015, no. 1 (10), pp. 53–56.
 20. Soldatova G. U., Shajgerova L. A. *Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnostics of personality tolerance]. Moscow, Smysl Publ., 2008. 172 p.
 21. Solynin N. E. *Psihologicheskaya struktura etnicheskoj tolerantno-sti uchashchihsya srednej shkoly, studentov srednih i vysshih professio-nal'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij: dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychological structure of ethnic tolerance of secondary school students, students of secondary and higher professional educational institutions: Cand. Sci. thesis in Psychological Sciences]. Yaroslavl, 2014. 303 p.
 22. Spirina T. A., Goroshko E. A. [Transformations of the ethnic identity of student youth]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2017, no. 19 (153), pp. 282–285.
 23. Lukina A. K., Adrenko T. O., Batarchuk D. S., Dajneko Ya. M., Divakova O. Yu., Korneeva V. V., Korshunova V. V., Krupenina E. N., Lutoshkina V. N., Smolyaninova O. G. *Stanovlenie identichnosti i tolerantnosti v usloviyah polikul'-turnogo obrazovaniya* [The Formation of Identity and Tolerance in the Conditions of Multicultural Education]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2015. 260 p.
 24. Holopova E. S., Sadovnikova N. O. [Study of types of ethnic identity among students of universities and colleges]. In: *Koncept: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Concept: scientific e-journal], 2016, vol. 11. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/86414.htm> (accessed: 26.11.2021).
 25. Chertkova Yu. D., Egorova M. S., Parshikova O. V. [Authoritarianism as a compensatory characteristic]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2017, vol. 10, no. 56. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1506-chertkova_56.html (accessed: 26.11.2021).

26. Cvetkova N. A., Egamberdieva E. V. [Substantiation of the model of an empirical study of the socio-psychological characteristics of the psychological safety of a person in cross-cultural interaction]. In: *Uchyonye zapiski RGSU* [Scientific Notes of RGSU], 2021, vol. 20, no. 1 (158), pp. 74–85.
27. Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D. J., Sanford R. N. The authoritarian personality. New York, Harper and Brothers, 1950. 990 p.
28. Cuarcado I. Tolerance towards difference: Adaptation and psychometric properties of the Spanish version of a new measure of tolerance and sex-moderated relations with prejudice. In: *International Journal of Intercultural Relations*, 2021, vol. 84, pp. 220–232.
29. Verkuyten M., Killen M. Tolerance, dissenting beliefs, and cultural diversity. In: *Child Development Perspectives*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 51–56.
30. Weinreich P. Ethnic identity and enculturation/acculturation. In: *Latest contributions to cross-cultural psychology*. Britain: Routledge, 2020, pp. 135–148.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цветкова Надежда Александровна – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России; профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного областного университета; e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0967-205X

Эгамбердиева Евгения Витальевна – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета; e-mail: egamberdievaev@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Tsvetkova – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Chief Researcher, FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Prof., Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Moscow Region State University
e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0967-205X

Evgenia A. Egamberdieva – Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Moscow Region State University
e-mail: egamberdievaev@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цветкова Н. А., Эгамбердиева Е. В. Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и авторитарности у студентов, обучающихся в условиях межкультурного взаимодействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 81–99.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-81-99

FOR CITATION

Tsvetkova N. A., Egamberdieva E. V. Research of ethnic identity, tolerance and authoritarianism among students studying in conditions of cross-cultural interaction. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 1, pp. 81–99.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-81-99

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-100-115

ИЗМЕНЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ДИСТАНЦИОННОМУ ОБУЧЕНИЮ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Воронин А. Н.¹, Рафикова А. С.²

¹ Институт психологии Российской академии наук
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация

² Государственный академический университет гуманитарных наук
119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26, Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования заключается в оценке эффективности обучения студентов гуманитарных специальностей в условиях COVID-19 за счёт сопоставления эффективности выполнения поисковых индивидуальных и коллективных проектов студентов в условиях очного и дистанционного обучения.

Процедура и методы. Эффективность обучения оценивалась экспертным путём по результатам выполнения заданий поискового проекта. Для диагностики интерперсонального поведения студентов использовался тест Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик.

Результаты. При дистанционном обучении в условиях карантинных ограничений при COVID-19 эффективность обучения значимо выше. В коллаборациях студентов эффективность обучения выше по сравнению с индивидуальной реализацией проектов. В условиях дистанционного обучения в связи с пандемией COVID-19 интерперсональное поведение студентов существенным образом изменяется: стремление к определённому доминированию в обычных условиях сменяется ориентацией на подчинение, апатия и антипатия меняются на дружелюбие.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в понимание эффективности дистанционного обучения в условиях пандемии COVID-19.

Ключевые слова: эффективность обучения, коллаборативное обучение, дистанционное обучение, межличностные отношения, условия обучения при COVID-19

CHANGES IN THE LEARNING EFFICIENCY AND INTERPERSONAL RELATIONSHIPS AMONG STUDENTS DURING THE TRANSITION TO DISTANCE LEARNING DURING THE COVID-19 PANDEMIC

A. Voronin¹, A. Rafikova²

¹ *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
ul. Yaroslavskaya 13, Moscow 129366, Russian Federation*

² *State Academic University for the Humanities,
Maronovskiy per. 26, Moscow 119049, Russian Federation*

Abstract

Aim of the study is to assess the effectiveness of teaching humanitarian students in the context of COVID-19: comparing the effectiveness of the implementation of individual and collaborative search projects in the conditions of full-time and in distance learning.

Methodology. The effectiveness of the training was assessed by an expert based on the results of the tasks of the search project. To diagnose interpersonal behavior of students, T. Leary's test, in L.N. Sobchik's adaptation, was used.

Results. During distance learning in the conditions of COVID-19 quarantine restrictions the learning efficiency is significantly higher. In student collaborations the learning efficiency is higher compared to individual implementation of projects. In the context of distance learning in connection with the COVID-19 pandemic the interpersonal behavior of students is changing significantly: the desire for certain dominance in normal conditions is replaced by an orientation towards submission, while apathy and antipathy are replaced by friendliness.

Research implications. The study results contribute to understanding the effectiveness of distance learning in the context of the COVID-19 pandemic.

Keywords: collaborative learning, distance learning, learning efficiency, COVID-19, interpersonal relationships

Введение

Согласно проведённым до пандемии COVID-19 исследованиям по изучению дистанционной формы обучения, было выявлено, что эта форма способствует большей гибкости в выборе места обучения, экономит время и финансовые средства из-за отсутствия необходимости добираться до места учёбы, даёт возможность более эффективно планировать процесс обучения, способствует более терпимому отношению к самовыражению других студентов и улучшению образовательных результатов [8; 14].

Анализ сильных и слабых сторон, возможностей и проблем онлайн-об-

учения во время пандемии COVID-19 показал, что, с одной стороны, дистанционное обучение способствует развитию навыка решения проблем, критического мышления, адаптивности, но, с другой стороны, связано с повышенной отвлекаемостью, фрустрацией, тревожностью, растерянностью и замешательством [15]. Согласно исследованию, проведённому Т. Гонсалес [21], самоизоляция во время пандемии COVID-19 изменила учебные стратегии и повысила эффективность обучения. В исследовании Л. Амир [27] студенты отметили более высокую эффективность дистанционного обучения во время пандемии COVID-19, чем при очной форме обу-

чения, благодаря возможности уделять больше времени изучению и анализу учебных материалов. Однако в других исследованиях показано отрицательное влияние дистанционного обучения на эффективность обучения [9; 12]: при дистанционной форме студенты сталкиваются с проблемами в общении, которые усиливают тревогу и влияют на их успеваемость [11]. Во время пандемии COVID-19 учащиеся столкнулись с ограничением социальных контактов [7], что резко повысило стремление к межличностному общению [16]. В подобных условиях необходима компенсация дефицита социальных контактов [6], что возможно с помощью проведения онлайн-занятий в коллаборативной среде [26].

Коллаборативное обучение позволяет эффективнее совершенствовать навыки взаимодействия при реализации учебных проектов и умения приходить к согласованному мнению [22]. Обучение в малых группах улучшает развитие творческих способностей [20], способствует социальной осведомлённости и культурной восприимчивости [10], способствует повышению эффективности когнитивного обучения [25], улучшает когнитивные навыки, способствует закреплению выученного материала, совершенствует коммуникативное поведение со сверстниками и преподавателями [18]. Коллаборативное онлайн-обучение способствует более активному участию студентов в образовательном процессе, лучшему пониманию материала, развитию навыков совместной работы [13]. Метаанализ исследований о коллаборативном обучении показал, что: его применение более эффективно в течение короткого периода (2–3 занятия),

чем в течение долгого периода времени (полсеместра и более); коллаборативное обучение значительно повышает уровень взаимозависимости учащихся; результаты обучения в коллаборациях выше при отсутствии процедуры самооценивания учащимися [28].

Коллаборативное обучение предполагает развёртывание совместной интеллектуальной деятельности в малой группе и предоставляет максимально благоприятные условия для проявления познавательных способностей [2; 3]. Наиболее существенными характеристиками совместной интеллектуальной деятельности являются её модификация в зависимости от характера межличностных отношений и личностных особенностей участников и, соответственно, изменение её эффективности. Собственно говоря, сам характер взаимоотношений между участниками по поводу выполняемой совместной деятельности (для участников это феноменально выступает как взаимодействие по поводу решения задачи или проблемы) определяется характером взаимоотношений. При этом непосредственное социальное окружение и конкретные социальные ситуации, в которых оказывается человек, существенным образом влияют на его познавательные способности [1; 4; 5]. Так, показано, что студенты, которые находятся в хороших отношениях со своими сверстниками, демонстрируют более высокие академические результаты [24; 23].

В данном исследовании коллаборативное обучение было представлено поисковым групповым методом, спецификой которого является формирование поисковых групп для решения какой-либо практически направленной учебной задачи или выполнения при-

кладного проекта. Реализация данного метода требует постановки заданий высокого уровня проблемности и предоставления малым группам полной самостоятельности в поисковой деятельности. Формирование групп осуществляется по произвольному признаку, цель каждой из групп - проведение мини-исследования и его оформление в виде доклада с последующей публичной «защитой». В ходе исследования оценивалась эффективность обучения и характер межличностных отношений между студентами. Перевод обучения в вузах весной 2020 г. на дистанционный режим позволил провести сопоставление эффективности коллаборативного обучения в условиях нормального очного обучения с эффективностью обучения в дистанционном формате в условиях самоизоляции, что и явилось **целью данного исследования.**

Методы

Процедура исследования.

Исследование проводилось в процессе преподавания психологических дисциплин в 1 семестре осенью 2019 и в 1 семестре 2020 гг. На вводном занятии студенты были ознакомлены со структурой курса и задачами, которые необходимо было выполнить. Разделение на группы происходило на втором занятии с элементами социально-психологического тренинга и коммуникативного тренинга через экспресс-диагностику симпатий-антипатий и проявлений толерантности к чужому мнению. Большинство студентов объединились в «рабочие» группы по 3–5 человек, каждая из которых выполняла задания по проекту. Незначительная часть студентов решила выполнять задания индивидуально.

В течение курса студенты выполняли задания и присылали варианты ответов. В основном задания были направлены на поиск информации в интернете по темам курса, её анализ, структурирование, обобщение и представление в определённом формате в качестве результата проведённого поиска. Некоторые задания требовали комментариев и/или изложения собственного мнения по заданным темам. Ещё один тип заданий был связан с практикой применения некоторых методик и психологических приёмов. Итоговый проект был посвящён описанию психологически важных качеств по основной специальности студентов и поиску в социальных сетях комментариев, иллюстрирующих эти качества.

В 2020 г. в связи с COVID-19 в Москве был введён режим самоизоляции и обучение перешло в дистанционный режим. Занятия проводились в режиме телеконференции с использованием Zoom, обмен текстами осуществлялся в чате и по электронной почте. Студенты в дистанционном режиме в течение семестра выполняли задания и подготавливали проект.

Методы оценки эффективности обучения. Эффективность обучения оценивалась по результатам выполненных заданий, присылаемых по электронной почте, и по ответам на семинарах и в чате на контрольные вопросы. Использовались 4 критерия эффективности выполнения поискового проекта:

1. Выполненное задание объёмом от 1000 до 16000 знаков (с равномерными интервалами) оценивалось по 5-балльной шкале.

2. Полнота цитирования источников и/или упоминание персоналий (представлен текст с равномерными интер-

валами от 5 до 40 упоминаний) по теме оценивалась (-ось) по 5 балльной шкале.

3. Соответствие содержания цели задания, согласованной путём консенсуса, оценивалось по 5-балльной шкале трёх экспертов – преподавателей психологических дисциплин.

4. Соответствие оформления работы задаваемому формату, согласованному путём консенсуса, оценивалось по 5-балльной шкале трёх экспертов – преподавателей психологических дисциплин.

Экспертная оценка по 3 и 4 критерию осуществлялась преподавателями психологии. В случае расхождения оценок на двух сессиях спорные работы обсуждались по мере достижения консенсуса по поводу выполненных в рамках проекта заданий.

Для верификации межличностных отношений использовался опросник Т. Лири, Г. Лефоржа, Р. Сазека в адаптации Л. Н. Собчик¹. Для статистических расчётов использовался пакет PASW Statistics 18. Конкретные статистики и критерии приведены при описании результатов исследования.

Выборка

В исследовании приняли участие 138 студентов факультетов психологии, социологии, мировой политики и экономики Государственного академического гуманитарного университета в Москве. Средний возраст участников составил 23,83 года ($SD = 2,67$), принимали участие 45 мужчин и 93 женщины.

В 2019 г. в ходе учебных занятий было образовано 16 групп (58 человек), а 13 человек выполняли задания индивидуально. В 2020 г. было образовано 17 групп (60 человек) и 7 человек выполняли задания индивидуально.

Результаты

В течение 1 семестра (в 2019 и в 2020 гг.) студенты выполняли задания и присылали свои работы. Всего было 5 заданий и 1 итоговый проект. Часть выполненных заданий была получена от образованных «рабочих» групп (от 16 групп в 2019 г. – 96 текстов и от 17 групп в 2020 г. – 102 текста), часть заданий была выполнена индивидуально (78 текстов в 2019 г. и 42 текста в 2020 г.).

Полученные от групп и отдельных студентов работы оценивались в соответствии с выработанными критериями оценки по 5-балльной шкале. Усреднённые результаты представлены на рис. 1.

Оценка значимости сдвигов и оценка однородности выборок осуществлялась с использованием непараметрических критериев U Манна-Уитни и Z Колмогорова-Смирнова. В таблице 1 представлена статистическая оценка сдвигов в эффективности обучения «рабочих групп» при очном и дистанционном обучении в условиях COVID-19.

По всем показателям эффективности учебной деятельности (кроме «Соответствия цели задания») имеется значимое улучшение при дистанционной форме обучения. Оценка значимости сдвигов и оценка однородности выборок по показателям эффективности обучения студентов, выполняющих задания индивидуально при очном и дистанционном обучении, представлены в таблице 2.

¹ Собчик Л. Н. Методы психологической диагностики. Вып. 3. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. Методическое руководство. М.: ВНИИТЭМ, 1990. 48 с.

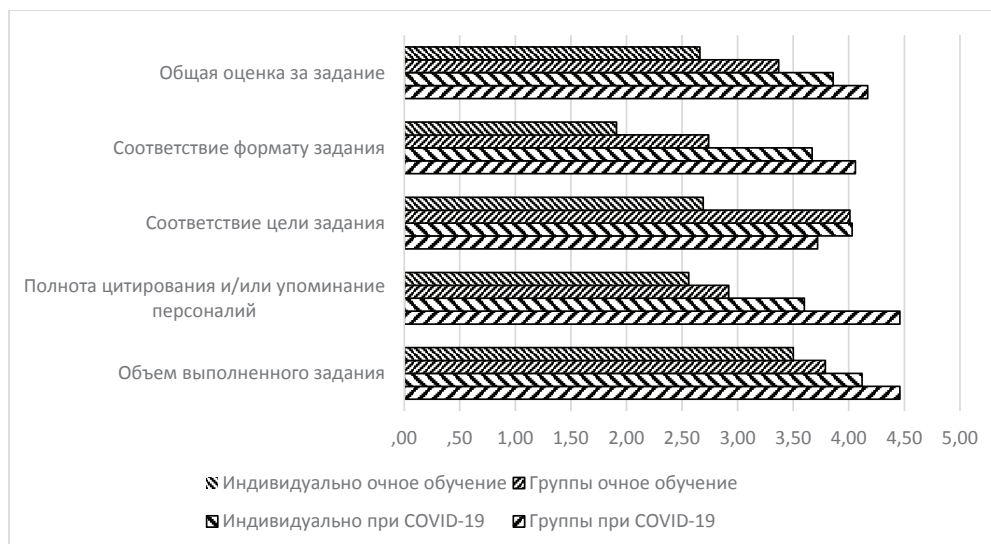

Рис.1. / Fig. 1. Усреднённые оценки выполненных работ в «рабочих группах» и индивидуально; в нормальных условиях (очное обучение) и в условиях самоизоляции при COVID-19 (дистанционное обучение) / Mean score of learning activity efficiency for group work and individual performance; under normal conditions (full-time education) and in self-isolation during the COVID-19 pandemic (distance learning)

Источник: данные авторов.

Таблица 1 / Table 1.

Сопоставление показателей эффективности учебной деятельности при выполнении заданий в «рабочих» группах в условиях COVID-19 (дистанционное обучение) и при очной форме обучения в нормальных условиях / Comparison of learning activity efficiency when performing tasks collaboratively in conditions of COVID-19 (distance learning) and in full-time education in normal conditions

Показатели эффективности учебной деятельности	Средний балл за работы в группах при COVID-19	Средний балл за работы в группах при очном обучении	U Манна-Уитнигу	Z Колмогорова-Смирнова
Объём выполненного задания	4,46	3,79	,00*	1,89*
Полнота цитирования и/или упоминание персоналий	4,46	2,92	,00*	1,89*
Соответствие цели задания	3,72	4,01	13,00	1,05
Соответствие формату задания	4,06	2,74	6,00*	1,58*
Общая оценка за задание	4,17	3,37	,00*	1,89*

*- уровень значимости <0,01

Источник: данные авторов.

Таблица 2 / Table 2.

Сопоставление показателей эффективности учебной деятельности при индивидуальном выполнении заданий в условиях COVID-19 (дистанционное обучение) и при очной форме обучения в нормальных условиях / Comparison of learning activity efficiency in the individual performance of tasks in conditions of COVID-19 (distance learning) and in full-time education in normal conditions

Показатели эффективности учебной деятельности	Средний балл за индивидуальные работы при COVID-19	Средний балл за индивидуальные работы при очном обучении	U Манна-Уитнигру	Z Колмогорова-Смирнова
Объём выполненного задания	4,12	3,50	11,00*	1,83*
Полнота цитирования и/или упоминание персоналий	3,60	2,56	21,00*	1,83*
Соответствие цели задания	4,03	2,69	,00*	2,45*
Соответствие формату задания	3,67	1,91	,00*	2,44*
Общая оценка за задание	3,86	2,66	,00*	2,54*

*- уровень значимости <0,01

Источник: данные авторов.

Индивидуальное выполнение заданий в условиях COVID-19 при дистанционном обучении оказалось существенно лучше по всем показателям эффективности учебной деятельности по сравнению с очной формой обучения в обычных условиях.

В соответствии с общей теорией проявления познавательных способностей в совместной деятельности одним из существенных факторов ситуативного повышения интеллекта являются складывающиеся межличностные отношения между участниками взаимодействия [2; 5]. Соответственно, изменение характера межличностных отношений вполне может объяснить значимое улучшение

показателей эффективности коллаборативного обучения по сравнению с индивидуальным. В нашем случае было проведено сопоставление типов межличностных отношений в условиях самоизоляции и при очном обучении в 2019 г. Все группы на одном из занятий были протестированы с помощью теста Т. Лири, и в целях нашего исследования были посчитаны вторичные факторы «Доминирование» и «Дружелюбие». В таблице 3 представлены усреднённые значения межличностных отношений, характерные для студентов при очном обучении в нормальных условиях (71 человек) и в условиях COVID-19 при дистанционном обучении (67 человек).

Таблица 3 / Table 3.

Сопоставление уровня межличностных отношений при очной форме обучения в нормальных условиях и в условиях COVID-19 при дистанционном обучении / Comparison of the level of interpersonal relations in full-time education in normal conditions and in distance learning during the COVID-19 pandemic

Показатели межличностных отношений теста Т. Лири	Среднее значение при очной форме обучения в нормальных условиях (71 человек)	Среднее значение условиях COVID-19 при дистанционном обучении (67 человек)	U Манна-Уитни	Z Колмогорова-Смирнова
Доминирование	2,09	-0,72	794.50**	3.24**
Дружелюбие	-0,77	0,29	1915.5*	1.16

*- уровень значимости <0,05

** - уровень значимости <0,01

Источник: данные авторов.

Характер межличностных отношений в условиях самоизоляции существенным образом сместился к полюсу «Подчинение». Студенты стали демонстрировать уступчивость, эмоциональную сдержанность, склонность подчиняться и послушно выполнять свои обязанности. Наметился сдвиг в одной из важных характеристик межличностных отношений – дружелюбии. Стало более выраженным стремление к сотрудничеству, кооперации и более гибкому разрешению проблем и конфликтных ситуаций. По мнению студентов, открытое обследование психологических особенностей во время обучения способствовало социальной желательности ответов и, вследствие этого, следует признать,

что выявленные тенденции скорее отражают декларативный аспект межличностного взаимодействия.

Обсуждение

Понятие «эффективность обучения» отражает результативную сторону учебной деятельности и для её оценки обычно используются показатели уровня академической успеваемости и различные контрольно-измерительные материалы. Однако в условиях COVID-19 при дистанционном проведении экзаменов и зачётов валидность традиционных методов оценки эффективности обучения резко снижается: у студентов появляются неограниченные возможности по использованию материалов из интернета и/или ра-

нее полученных учебных материалов. Практика проведения учебных исследовательских проектов и наличие текстов выполненных заданий в рамках этих проектов позволяют провести относительно корректное сопоставление эффективности обучения, поскольку условия выполнения исследовательских проектов существенно не изменились при переходе к дистанционному обучению. Выбранные показатели эффективности выполнения поискового проекта (объём выполненного задания, полнота цитирования источников, соответствие содержания цели задания, соответствие оформления работы задаваемому формату) в основном соответствуют результативным характеристикам обучения и в определённой степени презентуют уровень усвоения знаний в рамках вводного курса.

В целом полученные данные вполне согласуются с ранее опубликованными результатами о более высокой эффективности интеллектуальной деятельности в «рабочих группах» по сравнению с индивидуальным выполнением заданий [3] и положительном влиянии обучения в малых группах на его эффективность [17; 19]. Относительное снижение показателя «Соответствие цели задания» объяснимо изменением структуры взаимодействия в рабочих группах посредством Zoom в условиях дистанционного обучения при COVID-19. Непосредственное общение уступило месту опосредованному, поставило участников взаимодействия в непривычные условия и, вероятно, нарушило привычную коммуникацию. Вследствие этого конкретизация целей была осуществлена неверно, и выполнение задания стало разнонаправлен-

ным. Материала было собрано больше, было больше собрано цитат и ссылок на авторов, но селекция существенного в соответствии с общей целью, вероятно, снизилась. Тем не менее, общая тенденция в условиях самоизоляции была сохранена: коллаборативная форма обучения показала более высокую эффективность по сравнению с индивидуальной.

В условиях самоизоляции у студентов появилось больше времени для выполнения заданий, т. к. из-за ограничений в связи с COVID-19 сократилось время совместного досуга. Вынужденное пребывание дома позволило студентам больше времени уделять учебным заданиям, но в то же время существенным образом меняло характер взаимодействия с преподавателями и между собой. Так, показатель «Соответствия содержания выполненной работы цели задания» оказался ниже по сравнению с выполнением заданий в очных условиях. Опосредованная средствами социальных медиа коммуникация не позволила провести обстоятельную дискуссию студентов и преподавателей по поводу «содержания» работы и сформулировать критерии отбора материала и его трансформации. Возможно, редуцированная «обратная связь» во время обсуждения не позволяет выделять существенное, и, возможно, преподаватели, ставя цели и задачи, хуже ориентировались в групповой динамике и хуже выполняли свои обязанности модераторов общения.

Значимое повышение показателей эффективности интеллектуальной деятельности в условиях COVID-19 при дистанционном обучении, на наш взгляд, объясняется несколькими при-

чинами. Группа «индивидуалов» при очном обучении формировалась по остаточному принципу. Разбиение на «рабочие» группы происходило в начале занятия, и «индивидуалами» становились опоздавшие. Опоздания на занятия считаются допустимым явлением, но оно отражает сниженный интерес к данному предмету, пониженную ответственность и самоорганизацию. Соответственно, включение этих студентов в интеллектуальную деятельность сопровождалось определённым сопротивлением и пониженной результативностью. Выборка «индивидуалов» при дистанционном обучении, на наш взгляд, характеризовалась пониженной мотивацией аффилиации и откровенным нежеланием вступать в какие-либо отношения по ходу обучения. Вероятно, это сопрягалось и повышенной интроверсией, характерной для некоторых гуманитарных специальностей. Дистанционное обучение поставило таких студентов в более выгодные условия – практически сводящее форму обучения к индивидуальной с преподавателем в качестве тьютора.

Угрозы пандемии COVID-19 и карантинные меры определённым образом изменили межличностное отношение при обучении. В условиях очного обучения в «рабочих» группах студентов было выражено стремление к доминированию, т. к. имелась реальная возможность стать руководителем группы и определять действия других. При дистанционном обучении реальное управление группой затрудняется, но возрастает необходимость договариваться и согласовывать действия, при этом доминирование не приветствуется. Ещё одной причиной резко-

го снижения доминирования может выступать тотальное требование подчиняться санитарным нормам в связи с угрозой здоровью. Собственно, и при обычных условиях современных студентов отличает социальная апатия и терпимость, а в условиях самоизоляции эти качества явно перешли в «покорность судьбе», что и вылилось в демонстрацию подчинения и зависимости. Стремление продемонстрировать своё дружелюбие в более явном виде, скорее всего, объясняется повышенной тревожностью и неопределённостью, вызванной всей ситуацией с пандемией COVID-19. «Индивидуалы» при очном обучении вполне могли декларировать свою антипатию к окружающим, минимизируя социальные контакты с однокурсниками и преподавателями. В условиях самоизоляции и дистанционного обучения «индивидуалы» оказались в равных условиях со всеми и, «работая на упреждение», продемонстрировали своё «дружелюбие». В исследовании влияния межличностных отношений на ситуативное изменение интеллекта было показано, что оптимальными условиями для обучения является принятие учениками сложившихся норм поведения и позитивное отношение к преподавателям [2]. В условиях дистанционного обучения при COVID-19 изменилось межличностное поведение студентов: доминирование уступило место подчинению и при этом дружелюбие стало более выраженным. Вероятно, это явилось одной из причин повышения эффективности интеллектуальной деятельности и образовательного процесса в целом.

Проведённое исследование вряд ли может претендовать на широкое обобщение полученных результатов. Так,

использование для оценки эффективности обучения исключительно показателей анализа текстов выполненных заданий в недостаточной мере раскрывает достигнутый уровень знаний по различным темам учебного курса. Для достоверной оценки уровня знаний требуется разработка адекватных для дистанционного использования контрольно-измерительных материалов. Ещё одним ограничением проведённого исследования является использование исключительно результативных показателей. При этом показатели сформированности психологической структуры учебной деятельности (мотивация, познавательные и коммуникативные навыки, различные учебно-важные качества и др.) в большей степени определяют успешность учебной деятельности студентов в целом. Следует также отметить, что ограниченность размера изучаемых выборок и гуманитарная направленность специальностей студентов вряд ли позволяет претендовать на широкие обобщения результатов данного исследования. Однако расширение практики дистанционного обучения в школе и вузах предоставляет новые возможности исследования представленной тематики, расширив выборки и включив в исследование новые переменные, характеризующие образовательный процесс в новых условиях. Представляется важным изучение изменения структуры учебных мотивов студентов в условиях COVID-19. Пандемия меняет культурный и социальный ландшафт, влечёт переоценку ценностей, изменяет структуру внутренней и внешней учебной мотивации студентов, предопределяя изменения успешности обучения и

профессионализации студентов. Не менее важным является исследование коммуникации, опосредованной социальными медиа. Активность в социальных сетях (навыки коммуникации, её продолжительность, интенсивность, тематика посещаемых сайтов, включённость в различные сетевые сообщества и др.) представляется ещё одним пулом значимых переменных, определяющих успешность обучения в ВУЗе в современных условиях.

Выводы

Вследствие пандемии COVID-19 очное обучение в вузах было переведено на дистанционный режим с использованием социальных медиа, в том числе и видеоконференций Zoom. В этих условиях эффективность выполнения групповых и индивидуальных учебных проектов у студентов гуманитарных специальностей существенно повысилась.

Коллаборативная форма обучения в целом показала более высокую эффективность по сравнению с индивидуальной как в условиях очного обучения, так и в условиях дистанционного обучения. Однако нарушение привычных форм коммуникации в условиях дистанционного обучения привело к нарушению в целеполагании «рабочих» групп.

Характер интерперсонального поведения студентов в условиях самоизоляции при COVID-19 существенным образом изменяется: стремление к некоторому доминированию в обычных условиях сменяется ориентацией на подчинение, декларативная антипатия сменяется дружелюбием.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин А. Н. Интеллектуальная деятельность: проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 3. С. 35–58.
2. Воронин А. Н. Интеллект и креативность в межличностном взаимодействии. М.: Институт психологии РАН, 2004. 207 с.
3. Воронин А. Н. Эффективность совместной интеллектуальной деятельности при групповом решении задач // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 22–29. DOI: 10.18384/2310-7235-2017-3-29-37
4. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999. 368 с.
5. Дружинин В. Н., Хазратова Н. В. Экспериментальное исследование формирующего влияния микросреды на креативность // Психологический журнал. 1994. № 4. С. 67–85.
6. Польская Н. А., Разваляева А. Ю. Межличностная чувствительность в период самоизоляции: роль в выборе мер социального дистанцирования // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6. С. 63–76. DOI: 10.17759/pse.2020250606
7. Потапова Е. А., Земляной Д. А., Кондратьев Г. В. Особенности жизнедеятельности и самочувствия студентов медицинских вузов в период дистанционного обучения во время эпидемии COVID-19 // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 3. С. 70–81. DOI: 10.17759/pse.2021260304
8. Сорокова М. Г. Электронный курс как цифровой образовательный ресурс смешанного обучения в условиях высшего образования // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 1. С. 36–50. DOI: 10.17759/pse.2020250104
9. Эффективность обучения и академическая мотивация студентов в условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем (на примере видеолекции) / В. Н. Панферов, С. А. Безгодова, С. В. Васильева, А. С. Иванов, А. В. Микляева // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 127–143. DOI: 10.17759/sps.2020110108
10. A Rubric for Learning, Teaching, and Assessing Scientific Inquiry in Psychology / J. S. Halonen, T. Bosack, Sh. Clay, M. McCarthy, D. S. Dunn, G. William Hill, R. McEntaffer // Teaching of Psychology. 2003. Vol. 30. № 3. P. 196–208. DOI: 10.1207/S15328023TOP3003_01
11. Bakar A., Shah K., Qingyu X. The Effect of Communication Barriers on Distance Learners Achievements // Revista Argentina de Clínica Psicológica. 2020. Vol. 29. № 5. P. 248–264. DOI: 10.24205/03276716.2020.1027
12. Bir D. D. Comparison of Academic Performance of Students in Online Vs Traditional Engineering Course // European Journal of Open, Distance and E-Learning. 2019. Vol. 22. № 1. P. 2–13. DOI: 10.2478/eurodl-2019-0001
13. Cathey C. Power of peer review: An online collaborative learning assignment in social psychology // Teaching of Psychology. 2007. Vol. 34. № 2. P. 97–99. DOI: 10.1080/00986280701291325
14. Creating an optimal environment for distance learning in higher education: Discovering leadership issues / E. Beketova, E. Leontyeva, S. Zubanova, A. Gryaznukhin, V. Movchun // Palgrave Communications. 2020. Vol. 6. № 1. P. 2–6. DOI: 10.1057/s41599-020-0456-x
15. Dhawan S. Online Learning: A Panacea in the Time of COVID-19 Crisis // Journal of Educational Technology Systems. 2020. Vol. 49. № 1. P. 5–22. DOI: 10.1177/0047239520934018
16. Dikaya L., Shipitko O., Borokhovskiy E. Psychological Microclimate of Student Groups, Studying in Different Instructional Formats // E3S Web Conferences (UESF-2021). 2021. Vol. 258. URL: <http://creativecommons.org> (дата обращения: 18.05.2021). DOI: 10.1051/e3sconf/202125807076

17. Foldnes N. The flipped classroom and cooperative learning: Evidence from a randomised experiment // *Active Learning in Higher Education*. 2016. Vol. 17. № 1. P. 39–49. DOI: 10.1177/1469787415616726
18. Guzmán J. F., Payá E. Direct Instruction vs. Cooperative Learning in Physical Education: Effects on Student Learning, Behaviors, and Subjective Experience [Электронный ресурс] // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. № 12. URL: <https://www.mdpi.com> (дата обращения: 18.05.2021).
19. Hossain A., Rezal M. Integration of Structured Cooperative Learning in Mathematics Classrooms // *International Journal of Psychology and Educational Studies*. 2018. Vol. 5. № 1. P. 23–29. DOI: 10.17220/ijpes.2018.01.004
20. Improving students' creativity using cooperative learning with virtual media on static fluida concept [Электронный ресурс] / G. Gunawan, A. Harjono, H. Sahidu, Nisrina // *Journal of Physics: Conference Series*. 2018. Vol. 1006. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1006/1/012016> (дата обращения: 18.05.2021).
21. Influence of COVID-19 confinement on students' performance in higher education [Электронный ресурс] / T. Gonzalez, M. A. de Rubia, K. P. Hincz, M. Comas-Lopez, L. Subirats, S. Fort, G. M. Sasha // *Plos One*. 2020. Vol. 15. № 10. URL: <https://journals.plos.org> (дата обращения: 31.05.2021).
22. Ismail S. A. A., Al Allaq K. The Nature of Cooperative Learning and Differentiated Instruction Practices in English Classes [Электронный ресурс] // *SAGE Open*. 2019. Vol. 9. № 2. URL: <https://journals.sagepub.com> (дата обращения: 18.05.2021).
23. Juvenon J., Espinoza G., Knifsend C. The role of peer relationships in student academic and extracurricular engagement // *Handbook of research on student engagement*. Boston: Springer, 2012. P. 257–268. DOI: 10.1007/978-1-4614-2018-7_18
24. Liem G. A., Martin A. J. Peer relationships and adolescents' academic and non-academic outcomes: Same-sex and opposite-sex peer effects and the mediating role of school engagement // *British Journal of Educational Psychology*. 2011. Vol. 81. P. 183–206. DOI: 10.1111/j.2044-8279.2010.02013.x
25. Olesova L., Yang D. Engineering students' cognitive learning and perceptions in a blended learning course [Электронный ресурс] // *The International journal of engineering education*. 2019. Vol. 35. № 6A. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=7350189> (дата обращения: 18.05.2021).
26. Robinson R. P., Doverspike D. Factors Predicting the Choice of an Online versus a Traditional Course // *Teaching of Psychology*. 2006. Vol. 33. № 1. P. 64–68. DOI: 10.1207/s15328023top3301_10
27. Student Perspective of Class room and Distance Learning During COVID-19 Pandemic in the Undergraduate Dental Study Program Universitas Indonesia / L. R. Amir, I. Tanti, D. A. Maharani, Y. S. Wimardani, V. Julia, B. Sulijaya, R. Puspitawati // *BMC Medical Education*: [сайт]. 2020. Vol. 20. URL: <https://bmcmmeduc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12909-020-02312-0> (дата обращения: 18.05.2021). DOI: 10.1186/s12909-020-02312-0
28. Tomcho T. J., Foels R. Meta-Analysis of Group Learning Activities: Empirically Based Teaching Recommendations // *Teaching of Psychology*. 2012. Vol. 39. № 3. P. 159–169. DOI: 10.1177/0098628312450414

REFERENCES

1. Voronin A. N. [Intellectual activity: the manifestation of intelligence and creativity in real interaction]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2006, vol. 3, no. 3, pp. 35–58.

2. Voronin A. N. *Intelлект i kreativnost' v mezhlchnostnom vzaimodejstvii* [Intelligence and creativity in interpersonal interaction]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 207 p.
3. Voronin A. N. [Effectiveness of joint intellectual activity in group problem solving]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences], 2016, no. 3, pp. 22–29. DOI: 10.18384/2310-7235-2017-3-29-37
4. Druzhinin V. N. *Psihologiya obshchih sposobnostej* [Psychology of general abilities]. St. Petersburg, Piter Publ., 1999. 368 p.
5. Druzhinin V. N., Hazratova N. V. [Experimental study of the formative influence of the microenvironment on creativity]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 1994, no. 4, pp. 67–85.
6. Pol'skaya N. A., Razvalyaeva A. Yu. [Interpersonal sensitivity during the period of self-isolation: the role in choosing measures of social distancing]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 63–76. DOI: 10.17759/pse.2020250606
7. Potapova E. A., Zemlyanov D. A., Kondrat'ev G. V. [Features of life and well-being of students of medical universities during distance learning during the COVID-19 epidemic]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 70–81. DOI: 10.17759/pse.2021260304
8. Sorokova M. G. [Electronic course as a digital educational resource of blended learning in higher education]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 36–50. DOI: 10.17759/pse.2020250104
9. Panferov V. N., Bezgodova S. A., Vasil'eva S. V., Ivanov A. S., Miklyaeva A. V. [Efficiency of learning and academic motivation of students in the context of online interaction with a teacher (on the example of a video lecture)]. In: *Social'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2020, vol. 11, no. 1, pp. 127–143. DOI: 10.17759/sps.2020110108
10. Halonen J. S., Bosack T., Clay Sh., McCarthy M., Dunn D. S., William Hill G., McEntaffer R. A. Rubric for Learning, Teaching, and Assessing Scientific Inquiry in Psychology. In: *Teaching of Psychology*, 2003, vol. 30, no. 3, pp. 196–208. DOI: 10.1207/S15328023TOP3003_01
11. Bakar A., Shah K., Qingyu X. The Effect of Communication Barriers on Distance Learners Achievements. In: *Revista Argentina de Clínica Psicológica*, 2020, vol. 29, no. 5, pp. 248–264. DOI: 10.24205/03276716.2020.1027
12. Bir D. D. Comparison of Academic Performance of Students in Online Vs Traditional Engineering Course. In: *European Journal of Open, Distance and E-Learning*, 2019, vol. 22, no. 1, pp. 2–13. DOI: 10.2478/eurodl-2019-0001
13. Cathey C. Power of peer review: An online collaborative learning assignment in social psychology. In: *Teaching of Psychology*, 2007, vol. 34, no. 2, pp. 97–99. DOI: 10.1080/00986280701291325
14. Beketova E., Leontyeva E., Zubanova S., Gryaznukhin A., Movchun V. Creating an optimal environment for distance learning in higher education: Discovering leadership issues. In: *Palgrave Communications*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 2–6. DOI: 10.1057/s41599-020-0456-x
15. Dhawan S. Online Learning: A Panacea in the Time of COVID-19 Crisis. In: *Journal of Educational Technology Systems*, 2020, vol. 49, no. 1, pp. 5–22. DOI: 10.1177/0047239520934018
16. Dikaya L., Shipitko O., Borokhovskiy E. Psychological Microclimate of Student Groups, Studying in Different Instructional Formats. In: *E3S Web Conferences (UESF-2021)*, 2021,

- vol. 258. Available at: <http://creativecommons.org> (accessed: 18.05.2021). DOI: 10.1051/e3sconf/202125807076
17. Foldnes N. The flipped classroom and cooperative learning: Evidence from a randomised experiment. In: *Active Learning in Higher Education*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 39–49. DOI: 10.1177/1469787415616726
 18. Guzmán J. F., Payá E. Direct Instruction vs. Cooperative Learning in Physical Education: Effects on Student Learning, Behaviors, and Subjective Experience. In: *Sustainability*, 2020, vol. 12, no. 12. Available at: <https://www.mdpi.com> (accessed: 18.05.2021).
 19. Hossain A., Rezal M. Integration of Structured Cooperative Learning in Mathematics Classrooms. In: *International Journal of Psychology and Educational Studies*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 23–29. DOI: 10.17220/ijpes.2018.01.004
 20. Gunawan G., Harjono A., Sahidu H., Nisrina. Improving students' creativity using cooperative learning with virtual media on static fluida concept. In: *Journal of Physics: Conference Series*, 2018, vol. 1006. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1006/1/012016> (accessed: 18.05.2021).
 21. Gonzalez T., de Rubia M. A., Hincz K. P., Comas-Lopez M., Subirats L., Fort S., Sasha G. M. Influence of COVID-19 confinement on students' performance in higher education. In: *Plos One*, 2020, vol. 15, no. 10. Available at: <https://journals.plos.org> (accessed: 31.05.2021).
 22. Ismail S. A. A., Al Allaq K. The Nature of Cooperative Learning and Differentiated Instruction Practices in English Classes. In: *SAGE Open*, 2019, vol. 9, no. 2. Available at: <https://journals.sagepub.com> (accessed: 18.05.2021).
 23. Juvenon J., Espinoza G., Knifsend C. The role of peer relationships in student academic and extracurricular engagement. In: *Handbook of research on student engagement*. Boston, Springer, 2012, pp. 257–268. DOI: 10.1007/978-1-4614-2018-7_18
 24. Liem G. A., Martin A. J. Peer relationships and adolescents' academic and non-academic outcomes: Same-sex and opposite-sex peer effects and the mediating role of school engagement. In: *British Journal of Educational Psychology*, 2011, vol. 81, pp. 183–206. DOI: 10.1111/j.2044-8279.2010.02013.x
 25. Olesova L., Yang D. Engineering students' cognitive learning and perceptions in a blended learning course. In: *The International journal of engineering education*, 2019, vol. 35, no. 6A. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=7350189> (accessed: 18.05.2021).
 26. Robinson R. P., Doverspike D. Factors Predicting the Choice of an Online versus a Traditional Course. In: *Teaching of Psychology*, 2006, vol. 33, no. 1, pp. 64–68. DOI: 10.1207/s15328023top3301_10
 27. Amir L. R., Tanti I., Maharani D. A., Wimardani Y. S., Julia V., Sulijaya B., Puspitawati R. Student Perspective of Class room and Distance Learning During COVID-19 Pandemic in the Undergraduate Dental Study Program Universitas Indonesia. In: *BMC Medical Education*, 2020, vol. 20. Available at: <https://bmcmmededuc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12909-020-02312-0> (accessed: 18.05.2021).
 28. Tomcho T. J., Foels R. Meta-Analysis of Group Learning Activities: Empirically Based Teaching Recommendations. In: *Teaching of Psychology*, 2012, vol. 39, no. 3, pp. 159–169. DOI: 10.1177/0098628312450414

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронин Анатолий Николаевич – доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Института психологии РАН;
e-mail: voroninan@bk.ru, ORCID: 0000-0002-6612-9726

Рафикова Антонина Семеновна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук;
e-mail: antoninaraf@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9831-6027

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly N. Voronin – Dr. Sci., Prof., Chief Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: voroninan@bk.ru, ORCID: 0000-0002-6612-9726

Antonina S. Rafikova – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, State Academic University for the Humanities,
e-mail: antoninaraf@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9831-6027

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронин А. Н., Рафикова А. С. Изменение эффективности обучения и межличностных отношений между студентами при переходе к дистанционному обучению во время пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 100–115.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-100-115

FOR CITATION

Voronin A. N. Rafikova A. S. Changes in the learning efficiency and interpersonal relationships among students during the transition to distance learning during the COVID-19 pandemic. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 1, pp. 100–115.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-100-115

УДК 159.9.072, 159.923, 159.9:796.01

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-116-130

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮНОШЕЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫМИ ВИДАМИ СПОРТА

Коногорская С. А.

Иркутский государственный университет

664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель – проведение сравнительного анализа индивидуально-психологических особенностей юношей-спортсменов экстремальных и традиционных видов спорта.

Процедура и методы. Сопоставляются усреднённые личностные профили юношей, занимающихся экстремальными и традиционными видами спорта. Состав выборки (N=60; 15–25 лет, муж. пол): спортсмены экстремальных видов спорта (N=30), спортсмены традиционных игровых видов спорта (N=30). Диагностические методики: опросник 16PF Р. Кеттелла, опросник «Акцент–2» Мюллера-Шмишека, метод цветовых выборов М. Люшера.

Результаты. У юношей, выбирающих экстремальные виды спорта, обнаруживается ряд отличительных индивидуально-психологических особенностей, не свойственных спортсменам традиционных игровых видов спорта: индивидуализм, доминантность, склонность игнорировать социальные условности, эксцентричность, прямолинейность, мечтательность. В то же время выявлено определённое сходство индивидуально-психологических особенностей юношей, занимающихся экстремальными и традиционными игровыми видами спорта. Такими особенностями выступили жизнелюбие, активность, экстравертированность, симпатический тонус нервной системы, работоспособность, смелость, стрессоустойчивость, демонстративность, привязанность к малой группе. Ни сходства, ни различия в индивидуально-психологических особенностях спортсменов экстремальных и традиционных видов спорта не могут быть объяснены с позиций патопсихологического подхода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в понимание различий и сходств индивидуально-психологических особенностей спортсменов, занимающихся экстремальными и традиционными видами спорта. Полученные результаты подтверждают целесообразность применения нормопсихологического и аксиологического подходов с целью раскрытия личностных особенностей спортсменов экстремальных видов спорта.

Ключевые слова: экстремальные виды спорта, традиционные виды спорта, индивидуально-психологические особенности, субкультура, черты личности, патопсихологический подход, нормопсихологический подход

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS INVOLVED IN EXTREME SPORTS

S. Konogorskaya

Irkutsk State University (ISU)

ul. Karla Marksa, str. 1, Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract

Aim. To perform the comparative analysis of individual psychological characteristics of athletes of extreme and traditional sports.

Methodology. The average personal profiles of young men engaged in extreme and traditional sports are compared. Sample composition (N = 60; 15–25 years old) is: athletes of extreme sports (N = 30), athletes of competitive sports (N = 30). Diagnostic technique: questionnaire 16PF by P. Cattell, questionnaire “Accent 2” by Møller-Smisek, the method of color choices by M. Lusher.

Results. Athletes who choose extreme sports find a number of distinctive individual psychological features that are not typical of athletes of traditional game sports: individualism, dominance, a tendency to ignore social conventions, eccentricity, straightforwardness, and dreaminess. At the same time, there is a certain similarity of individual psychological characteristics of athletes engaged in extreme and traditional game sports: cheerfulness, activity, extroversion, sympathetic neurotony, efficiency, courage, stress resistance, demonstrativeness, attachment to a small group. Neither similarities nor differences in the individual psychological characteristics of athletes in extreme and traditional sports can be explained from the perspective of a pathopsychological approach.

Research implications. The obtained results contribute to the understanding of differences and similarities of individual-psychological features of sportsmen involved in extreme and traditional sports. The obtained results confirm the expediency of applying a norm-psychological and axiological approach in order to reveal the personal characteristics of athletes of extreme sports.

Keywords: extreme sports, traditional sports, individual psychological characteristics, subculture, personality traits, pathopsychological approach, normopsychological approach

Введение

Несмотря на широкое распространение и доступность экстремальных видов спорта в настоящее время, отношение к ним в обществе неоднозначное. Ведь экстрим – это повышенная опасность, поэтому такие виды спорта расцениваются обществом как «рискованные, в которых главным является не столько ловкость и тренированность, сколько преодоление опасных для жизни ситуаций, а также поиск и переживание острых ощущений» [8, с. 33]. В научных исследованиях пока ещё не получены убедительные данные, свидетельствующие о положительном или негативном влиянии экстремального спорта на личность спортсмена. Свойства личности спортсменов, занимающихся экстремальными видами спорта, в настоящее время недостаточно изучены, что обусловлено как короткой историей развития экстремального спорта, так и трудностями формирования выборки испытуемых, поскольку большинство спортсменов-экстрема-

лов не являются членами определённых формальных групп (спортивных секций).

Экстремальные и традиционные виды спорта во многом отличаются друг от друга: это касается организации соревновательной и тренировочной деятельности, профотбора, роли тренера и др. Так, соревновательность в экстремальном спорте имеет второстепенное значение; спортивные разряды и звания во многих видах экстремального спорта не присваиваются; в отличие от традиционного спорта, большинство спортсменов-экстремалов занимаются параллельно несколькими видами экстремального спорта; вопросы профотбора не имеют решающего значения в экстремальном спорте, т. к. «им могут заниматься люди с разным уровнем моторной одарённости и физической подготовки» [14, с. 364]. Если сравнивать экстремальные виды спорта (сноубординг, дайвинг и др.) с наиболее популярными во всём мире игровыми видами спорта (футбол, баскетбол и др.), то можно выделить следующие отличия: характер спортивной деятельности (индивидуальный, несоревновательный в экстремальных видах спорта; командный, состязательный – в игровых); внешняя регламентация, наличие правил (отсутствие жесткой регламентации в экстремальном спорте и обязательное выполнение установленных правил, указаний тренера в традиционных игровых видах спорта); мотивация (приключенческая в экстремальном спорте, игровая – в командных игровых видах спорта). Различия в организации спортивной деятельности позволяют предположить о существовании отличий в индивидуально-психологических особенностях спортсме-

нов, выбирающих традиционные или экстремальные виды спорта. Анализ психологической литературы показывает, что основными требованиями к личности спортсмена в экстремальном спорте выступают взаимосвязанные, но одновременно и противоречащие друг другу свойства – стрессоустойчивость (адаптивность) и склонность к риску [1; 7; 11; 18; 24; 26]. Действительно, деятельность спортсменов в экстремальном спорте протекает в параэкстремальных и экстремальных условиях, поэтому очень важен высокий адаптационный потенциал организма. Однако известно, что для достижения тренировочного эффекта физические нагрузки должны быть околопредельными, выводящими организм из «гомеостазы покоя». Поэтому профессиональный рост спортсменов будет обязательно связан с повышением уровня напряжения и риска, т. е. с проявлением «неадаптивной активности» [22]. Л. А. Китаев-Смык выделил «две основные группы людей, отличающихся либо усилением, либо уменьшением эмоционально-двигательной, поведенческой активности при экстремальных воздействиях» [12, с. 58]. Активизация поведения при стрессе, в отличие от выжидательной тактики, всегда представляет собой движение навстречу опасности, и в этом мы видим точку соприкосновения понятий «адаптивность» («стрессоустойчивость») и «склонность к риску». Поэтому готовность к риску в экстремальном спорте можно рассматривать не как склонность к импульсивному поведению ради получения острых ощущений, а как осознанную готовность к активным, предельно собранным действиям в экстремальной ситуации, когда ис-

ход деятельности заранее не предопределён.

В отношении проявлений таких черт личности спортсменов экстремальных видов спорта, как эмоциональная устойчивость, общительность, агрессивность, дисциплинированность, экстра- интроверсия, акцентуации характера, в психологических исследованиях получены неоднозначные, порой противоречивые данные [2; 6; 7; 11; 16; 24]. Объяснительные модели поведения субъектов экстрима колеблются от его трактовки, как проявлений девиантного, аддиктивного, агрессивного, аутоагрессивного и аутодеструктивного поведения [1; 3; 4; 5; 7; 8; 9; 21], до признания экстремального спорта в качестве «смыслообразующей деятельности», «портала самопознания и саморазвития», «состояния потока», «просветления самосознания» [10; 21; 25; 27; 28]. В целом, в психологической литературе мало отражён аксиологический подход к изучению индивидуально-психологических особенностей спортсменов, занимающихся экстремальными видами спорта. По нашему мнению, личностные особенности спортсменов-экстремалов могут рассматриваться не только с позиций патопсихологического, но и прежде всего с позиций нормопсихологического подхода. Таким образом, актуальность проблемы исследования определяется необходимостью разрешения противоречия между высокой популярностью в настоящее время экстремальных видов спорта и недостаточной изученностью индивидуально-психологических особенностей спортсменов-экстремалов.

Целью исследования является сравнительный анализ индивидуально-

психологических особенностей юношей-спортсменов экстремальных и традиционных видов спорта.

Метод

Схема исследования. Проведён анализ усреднённых личностных профилей, сопоставлены результаты изучения черт личности, психофизиологических особенностей юношей, занимающихся экстремальными и традиционными видами спорта.

Методики. Изучение личностных особенностей испытуемых осуществлялось при помощи многофакторного личностного опросника 16PF Р. Кеттелла, опросника «Акцент-2» Мюллера-Шмишека. Метод цветовых выборов М. Люшера использовался для изучения психофизиологического состояния испытуемых: работоспособности, стрессоустойчивости, баланса вегетативной нервной системы и т. п. Полученные данные подвергнуты математико-статистической обработке с помощью метода ранговой корреляции Спирмена и дисперсионного анализа ANOVA.

Участники исследования. Выборки составлены из представителей экстремальных и традиционных видов спорта «раннего» и «позднего» юношеского возраста [13]. Выборка № 1 – 30 испытуемых мужского пола в возрасте от 15 до 25 лет (24 испытуемых в возрасте от 15 до 19 лет; 6 испытуемых в возрасте от 20 до 25 лет), занимающихся экстремальными видами спорта: сноубординг, горнолыжный спорт, парусный спорт, виндсёрфинг, горный туризм, альпинизм, скалолазание, парашютизм, дайвинг, велосипедный спорт (МТВ), катание на роликах, скейтбординг. В выборку № 1 вошли представи-

тели Иркутской детско-юношеской парусной школы, школы виндсёрфинга «Baikal surf», секции горного туризма Иркутского государственного университета, а также спортсмены-любители, не являющиеся членами каких-либо спортивных организаций.

Выборка № 2 – 30 испытуемых мужского пола возрастной группы 16–19 лет, занимающиеся традиционными игровыми видами спорта. В данную выборку вошли обучающиеся 2–3 курсов Государственного училища олимпийского резерва г. Иркутска по специализациям «футбол», «волейбол», «баскетбол».

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты изучения черт личности. Анализ усреднённых личностных профилей по опроснику 16PF Кеттелла позволил выявить наиболее значимые отличия в следующих чертах личности спортсменов юношеского воз-

раста, мужского пола, занимающихся альтернативными экстремальными и традиционными игровыми видами спорта: А (замкнутость – общительность), Е (покорность – доминантность), F (рассудительность – беспечность), G (низкая нормативность – высокая нормативность поведения), L (доверчивость – подозрительность), М (практичность – мечтательность) и N (прямолинейность – проницательность) (см. рис. 1). Значимость обнаруженных различий подтверждена при помощи дисперсионного анализа ANOVA.

Результаты изучения черт личности юношей-спортсменов по опроснику 16PF Р. Кеттелла свидетельствуют, что присущий им уровень общительности соотносится с индивидуальным или командным характером их спортивной деятельности. Большинство экстремальных видов спорта являются индивидуальными, в то время как в традиционных игровых видах

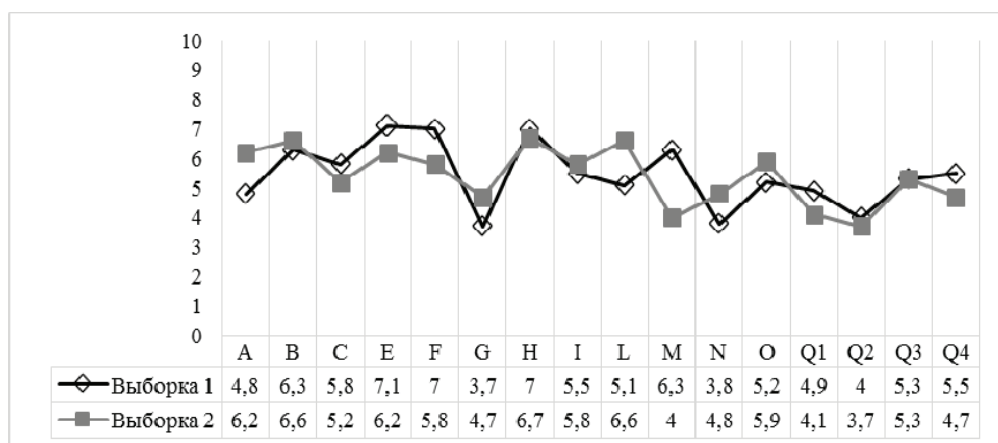

Рис. 1 / Fig. 1. Усреднённые профили личности спортсменов экстремальных (выборка № 1) и традиционных игровых видов спорта (выборка № 2) по опроснику 16PF Р. Кеттелла / Averaged personality profiles of athletes of extreme (sample no. 1) and traditional sports (sample no. 2) according to the 16PF questionnaire by R. Kettel

Источник: данные автора.

спорта успех команды зависит от продуктивного сотрудничества игроков. Представители экстремальных видов спорта мужского пола имеют более низкие значения по фактору А (замкнутость – общительность), чем представители традиционных игровых видов спорта ($F_{\text{набл.}} = 6,11$; $F_{\text{кр.}} = 4,01$ при $p < 0,05$). Однако корреляционная связь таких характеристик, как общительность (фактор А) и конформизм (фактор Q_2) с эмоциональной уравновешенностью (фактор С) указывает на важность для спортсменов экстремальных видов спорта своей малой группы. Ведь экстрим – это особая субкультура, определяющая ценностные ориентации и манеру поведения, дающая чувство принадлежности и уверенности [14]. По мнению Т. Г. Опенко, В. Н. Пушкиной, спортсменам-экстремалам «свойственно стремление к доверительно-откровенному взаимодействию», поиск эмоциональной поддержки, но только в кругу «коллег» по увлечению [21; 24].

Средний нормативный уровень развития эмоционально-волевых характеристик (факторы С и Q_3) спортсменов экстремальных и традиционных видов спорта выражается в устойчивости интересов, работоспособности, возможности быстрого принятия решений, но не исключает вероятности импульсивного поведения. Факторы С и Q_3 в обеих группах положительно связаны с факторами Е (доминантность), Н (смелость) и отрицательно с факторами О (тревожность) и Q_4 (напряжённость). Можно предположить, что эмоциональный контроль испытуемых обеспечивается совокупностью следующих свойств: стремление к самостоятельности, смелость, актив-

ность в социальных контактах, уверенность в себе, умение не расстраиваться по пустякам, невозмутимость. Кроме того, в выборке спортсменов экстремальных видов спорта эмоциональная уравновешенность (фактор С) положительно связана со свободомыслием, склонностью к экспериментаторству (фактор Q_1) ($r = 0,3$ при $p < 0,05$).

Склонность к доминантности (фактор Е) в большей степени свойственна представителям экстремальных видов спорта ($F_{\text{набл.}} = 4,5$; $F_{\text{кр.}} = 4,01$ при $p < 0,05$). Соответственно, спортсмены-экстремалы самостоятельны, напористы, своенравны, склонны игнорировать социальные условности и авторитеты. Доминирующими психологическими свойствами личности спортсмена в командных видах спорта выступают «внешняя регуляция поведения при взаимодействии с окружающими и направленность на других» [23, с. 9]. Функции управления спортивной деятельностью здесь находятся в руках тренера; нарушение правил игры ведёт к поражению. Вероятно, поэтому у юношей мужского пола, занимающихся традиционными игровыми видами спорта, выше показатели по фактору G (нормативность поведения), т. е. им в большей степени присуще осознанное соблюдение общепризнанных моральных правил и норм поведения ($F_{\text{набл.}} = 8,23$; $F_{\text{кр.}} = 7,09$ при $p < 0,01$). Взаимосвязанные и высокие значения по факторам Н (смелость) и F (беспечность) определяют стрессоустойчивость, склонность к риску, жизнерадостность, социальную активность и эмоциональную экспрессивность, присущие спортсменам как экстремальных, так и традиционных игровых видов спорта ($r = 0,4$ в выборке 1; $r = 0,3$ в

выборке 2 при $p < 0,05$). Более высокие значения по фактору F у спортсменов, занимающихся экстремальными видами спорта, усиливают проявления таких качеств, как авантюризм, стремление к новизне, любовь к путешествиям, бодрость, спонтанность поведения (F набл. = 4,06; F кр. = 4,01 при $p < 0,05$).

Спортсменам экстремальных видов спорта свойственны, преимущественно, низкие и сниженные значения факторов L (доверчивость – подозрительность) и N (прямолинейность – дипломатичность). Высокие и повышенные значения по фактору M (практичность – мечтательность) наблюдаются у 50% спортсменов-экстремалов и не свойственны юношам, занимающимся традиционными игровыми видами спорта (F набл. = 13,31; F кр. = 7,09 при $p < 0,01$). В совокупности, это характеризует юношей-спортсменов мужского пола, занимающихся экстремальными видами спорта, как людей увлечённых, искренних, несколько наивных и сентиментальных, прямых и непринуждённых в общении, порой несколько бестактных. Спортсмены традиционных игровых видов спорта менее романтичны, более расчётливы, ориентированы на решение практических задач, осторожны и выдержанны.

По результатам опросника «Акцент-2» Мюллера-Шмишека в обеих выборках получены высокие значения по шкалам гипертимности (76,7% в выборке № 1; 90% в выборке № 2) и демонстративности (43,3% в выборке № 1; 50% в выборке № 2), что указывает на свойственные спортсменам стеничность, коммуникативную активность, артистизм, желание повышенного внимания к себе. Низкие

значения дистимии (86,7% в выборке № 1; 76,7% в выборке № 2) и интроверсии (40% в выборке № 1; 50% в выборке № 2) усиливают декларацию жизнелюбия, повышают активность и настроение спортсменов.

У юношей, занимающихся экстремальными видами спорта, гипертимность и демонстративность взаимосвязаны с беспечностью (фактор F), доминантностью (фактор E) и смелостью (фактор H). Соответственно, им присущи такие качества, как демонстративность, искренность задора, привлекательность первой роли в опасной ситуации, непереносимость однообразной обстановки и условий, ограничивающих активность. Связь демонстративности с высоким интеллектом (фактор B) и мечтательностью (фактор M) обеспечивает артистизм, изобретательность спортсменов, умение сделать своё выступление зрелищным. Действительно, важнейшее значение в экстремальном спорте имеют индивидуальная манера и стиль, которыми определяются не только творческий почерк, но и спортивный результат. Каждый спортсмен может быть творцом нового трюка, элемента или даже вида в экстремальном спорте, для чего он должен обладать определённой одарённостью, богатым воображением, самобытностью. У спортсменов традиционных видов спорта шкала интеллекта (B) сопряжена с гипертимностью. В совокупности эти факторы дают такие качества, как сообразительность, находчивость, страсть к игровому компоненту в деятельности. В противоположность, дистимия, сниженный фон настроения в обеих группах испытуемых связаны со снижением продуктивности мышления.

Повышенные и средние значения эмотивности и экзальтированности, полученные у большинства представителей экстремальных видов спорта, свидетельствуют о том, что им свойственны не только яркие внешние эмоциональные проявления, обычные для демонстративных личностей, но и подлинная искренность чувств, многомерность внутреннего мира. В то же время, излишняя выраженность этих свойств у мужчин связана с высокой чувствительностью, эмоциональной незрелостью и трудностями самоконтроля (выявлена отрицательная связь эмотивности и экзальтированности со смелостью (Н) и эмоциональной уравновешенностью (С); положительная – с тревожностью (О), напряжённостью (Q₄), чувствительностью (I)). Можно предположить, что у части испытуемых мужского пола занятия экстремальными видами спорта носят компенсаторный характер по отношению к тем осознаваемым внутренне характеристикам, которые они свойственны приписывать больше женскому типу личности.

У спортсменов традиционных видов спорта высокая циклотимность, возбудимость и тревожность закономерно взаимосвязаны с эмоциональной неуравновешенностью (фактор С), напряжённостью (фактор Q₄) и чувством вины (фактор О). У спортсменов экстремальных видов спорта детерминация негативных эмоциональных состояний несколько иная: прослеживается только связь тревожности с напряжённостью (фактор Q₄) ($r = 0,4$) и чувством вины (фактор О) ($r = 0,5$). Можно предположить, что перепады настроения не во всех случаях выступают как негативный фактор

и приводят к дезорганизации деятельности у спортсменов-экстремалов. Так, циклотимность взаимосвязана с мечтательностью, эксцентричностью в поведении (фактор М), которые являются одними из наиболее характерных свойств личности спортсменов экстремальных видов спорта. В то же время, нет достаточных оснований рассматривать «экстрим» как выплеск аффекта, деятельность, направленную импульсом. Подтверждением этому выступает отрицательная связь возбудимости и смелости, склонности к риску (фактор Н) ($r = -0,3$) в выборке № 1.

Интровертированность не характерна для спортсменов обеих групп. Известно, что успешность в спортивной деятельности коррелирует с экстравертированностью: «экстраверты моторно более одарены, легче и быстрее приобретают любые физические навыки, чувствуют себя свободно во время публичных соревнований» [19, с. 255]. Примечательно, что в группе спортсменов экстремальных видов спорта мечтательность (фактор М) отрицательно связана с интровертированностью, т. е. здесь имеет место не уход в мир фантазий и сосредоточенность на своих переживаниях, а проекция внутреннего мира на внешнюю реальность, необходимость выражения оригинальности в поведении. Низкие значения педантичности в совокупности со сниженными показателями тревожности, высокими – демонстративности и гипертимности указывают на непереносимость морализации, самоуверенность, склонность действовать на грани правил, некоторую слабость рефлексии и ребячливость, присущие спортсменам экстремальных видов спорта.

Результаты изучения психофизиологических особенностей. Интерпретация данных исследования с применением метода цветowych выборов (МЦВ) Люшера проводилась на основе количественной обработки показателей стандартного отклонения от аутогенной нормы и вегетативного коэффициента, а также вторичных показателей: работоспособности, уровня стресса, баланса вегетативной нервной системы. Показатель стандартного отклонения от аутогенной нормы (СО) определяет близость испытуемого к эталону нервно-психического благополучия. Чем выше значения СО, тем выраженнее непродуктивная напряжённость, нестабильность, утомляемость испытуемого. Анализ показателей СО позволяет определить состояние большинства испытуемых обеих групп как нервно-психическое благополучие: высокие и повышенные значения СО получены лишь у 16,7% спортсменов традиционных и экстремальных видов спорта. У спортсменов экстремальных видов спорта благоприятные значения СО сопряжены с качествами, наиболее характерными для этих спортсменов: доминантность (фактор Е; $r = 0,3$), беспечность (фактор F; $r = 0,3$), смелость (фактор Н; $r = 0,5$), доверчивость (фактор L; $r = -0,4$), мечтательность (фактор М; $r = 0,4$), демонстративность ($r = 0,5$). «Хорошие» показатели СО в выборке № 2 связаны, напротив, с низкой доминантностью (фактор Е; $r = -0,6$), а также с «застреванием» ($r = 0,3$), что, вероятно, у спортсменов традиционных видов спорта выражается в упорстве, мотивации высоких спортивных достижений.

Средние значения вегетативного коэффициента (ВК), отражающие опти-

мальный уровень активированности, вероятность успешной деятельности в стрессовой ситуации, наблюдаются у 30% спортсменов экстремальных видов спорта и у 43% спортсменов традиционных видов спорта. Высокие значения ВК, указывающие на перевозбуждённость, склонность к лихорадочной, импульсивной деятельности, не свойственны спортсменам обеих групп (выявлены у 10% испытуемых из выборки № 1 и 3,3% – из выборки № 2). У испытуемых, занимающихся экстремальными видами спорта, оптимальные и незначительно повышенные значения ВК взаимосвязаны с характерными особенностями спортсменов: развитое мышление (фактор В; $r = 0,3$), доминантность (фактор Е; $r = 0,3$), доверчивость (фактор L; $r = -0,4$), невысокое чувство вины (фактор О; $r = -0,4$), нефрустрированность (фактор Q₄; $r = -0,3$), невысокие показатели тревожности и средние – эмпатичности ($r = -0,3$). Среди представителей традиционных игровых видов спорта оптимальные и незначительно повышенные значения ВК коррелируют с консерватизмом (фактор Q₁; $r = -0,3$) и педантичностью ($r = 0,4$), т. е. со стремлением спортсменов следовать установленным правилам, традициям, а также с низкой дистимией ($r = -0,5$) и повышенной экзальтированностью ($r = 0,4$), т. е. с приподнятым эмоциональным состоянием спортсменов во время игры.

У большинства спортсменов, участвовавших в исследовании, преобладает симпатический тонус нервной системы (в выборке № 1 – у 63,3%, в выборке 2 – у 86,7% испытуемых). По данным исследований, «лицам с доминированием симпатических реакций

при стрессе более свойственно стеническое, агрессивное поведение, тогда как люди с преобладанием парасимпатических реакций более склонны к депрессии» [12]. У представителей экстремальных видов спорта высокая работоспособность, низкий уровень стресса и преобладающий симпатический тонус нервной системы взаимосвязаны с выявленными индивидуально-психологическими особенностями спортсменов (положительная связь с факторами F, M, демонстративностью; отрицательная связь с интроверсией и фактором L). Кроме того, высокая работоспособность и симпатический тонус нервной системы у спортсменов экстремальных видов спорта сопряжены с эмоциональной неуравновешенностью (фактор C) и циклотимностью ($r = 0,3$). Возможно, эмоциональная встряска, которая обязательно присутствует в экстремальном спорте, служит для стимуляции собственной активности спортсменов.

Результаты исследования по МЦВ Люшера свидетельствуют о благополучном психическом состоянии спортсменов экстремальных видов спорта. Данный вывод подтверждается результатами исследований других авторов. В частности, в исследовании О. Г. Литовченко выявлено, что все показатели опросника САН (Самочувствие. Активность. Настроение) выше у испытуемых, занимающихся экстремальными видами спорта (в сравнении со спортсменами циклических видов спорта и испытуемыми, не занимающимися спортом) [16]. По данным Л. С. Крестиной, у альпинистов-мужчин после восхождения «отмечается улучшение показателей психического здоровья

(уменьшение уровня реактивной тревожности по анкете Спилбергера-Ханина, увеличение показателей работоспособности и ВК, уменьшение значения показателя отклонения от аутогенной нормы по тесту Люшера)» [15, с. 20]. А. Г. Маклаковым установлено, что лица, обладающие более высокими адаптационными возможностями по данным опросника МЛЮ «Адаптивность» (исследовались моряки-подводники), характеризуются более адекватным психическим состоянием по тесту СМЛЛ, т. е. большим соответствием общепринятой психической норме [17, с. 21]. Выявленные в исследовании А. Г. Маклакова [17] черты личности (по опроснику 16PF), свойственные «адаптивным» испытуемым: эмоциональная устойчивость и выраженные волевые характеристики (ф-ры C, H), раскованность (ф-р F), прямолинейность (ф-р N), во многом совпадают с полученными в данном исследовании результатами изучения личности спортсменов экстремальных видов спорта. Отличия фиксируются в таких чертах личности как «нормативность поведения» и «мечтательность»: у моряков-подводников выше нормативность и рациональность поведения, чем у юношей, занимающихся экстремальными видами спорта, что может быть обусловлено как возрастными особенностями, опытом профессиональной деятельности испытуемых, так и разницей в смысловых ориентациях личности.

Выводы

1. Спортсмены мужского пола юношеского возраста, выбирающие экстремальные (альтернативные) виды спорта, имеют ряд индивидуально-

психологических особенностей, отличающих их от юношей, занимающихся традиционными игровыми видами спорта. Для них характерны индивидуализм, самостоятельность, доминантность, склонность игнорировать социальные условности, действовать на грани общепринятых правил. В общении они непринужденны и прямолинейны, доброжелательны. Им свойственны мечтательность, романтическое отношение к жизни, стремление не замечать её плохих сторон. Желание подчеркнуть свою индивидуальность и, вместе с тем, действительно оригинальность, самобытность личности находят своё выражение в ярком, эксцентричном самопредъявлении. Спортсменам мужского пола юношеского возраста, занимающимся традиционными игровыми видами спорта, в большей степени присущи осознанное соблюдение общепринятых моральных правил и норм поведения, готовность к сотрудничеству; они несколько более расчётливы, практичны, осторожны и выдержанны.

2. Вместе с тем обнаруживается определённое сходство индивидуально-психологических особенностей юношей, занимающихся экстремальными и традиционными игровыми видами спорта. Им свойственны жизнелюбие, повышенные активность и настроение. Экстравертированность, симпатический тонус нервной системы, работоспособность, смелость и стрессоустойчивость обеспечивают активные, стеничные действия спортсменов в стрессовых условиях, лёгкое приобретение любых физических навыков. Демонстративность

определяет артистизм, умение чувствовать себя свободно во время публичных соревнований, выступлений. Привязанность к своей малой группе в традиционных игровых видах спорта обусловлена взаимозависимостью игроков одной команды. В экстремальном спорте детерминация этого качества иная: «экстрим» – это особая субкультура, со своими ценностями и особым жизненным стилем.

3. Ни сходства, ни различия в индивидуально-психологических особенностях испытуемых не могут быть объяснены с позиций патопсихологического подхода. Подтверждением этого выступает взаимосвязь выявленных индивидуально-психологических свойств, характерных для каждой группы испытуемых, с низкими значениями стандартного отклонения от аутогенной нормы (СО) по тесту М. Люшера, т. е. близостью испытуемых к эталону нервно-психического благополучия. Причём особенно ярко такая взаимосвязь прослеживается у юношей, выбирающих экстремальные виды спорта.

4. Наибольшей объяснительной способностью склонности личности к занятиям экстремальными видами спорта обладает положение гетеростаза: в экстремальном спорте человек получает возможность испытать свои силы, пережить новый опыт, связанный с бескорыстным риском, предельным психофизиологическим напряжением, тем самым повышая свою личностную реализацию.

Статья поступила в редакцию 06.08.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристова И. Л., Паридуха О. В. Личностные особенности спортсменов-экстремалов // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2015. № 5. С. 149–152.
2. Афанасьев В. Г., Соломин И. Л., Соломина Л. Ю. Особенности личности спортсменов высокой квалификации // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 291–293.
3. Ахвердова О. А., Волоскова Н. Н. Экстремальные виды спорта как проявление зависимого поведения у подростка // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2012. № 2 (79). С. 133–135.
4. Байковский Ю. В., Блеер А. Н. Мотиваторы, определяющие выбор спортсменом экстремального вида деятельности // *Спортивный психолог*. 2017. № 1 (44). С. 74–78.
5. Березина Т. Н., Екимов В. И., Кокурин А. В. Экстремальный образ жизни как фактор её индивидуальной продолжительности // *Психологический журнал*. 2018. № 3 (39). С. 70–78.
6. Бершова А. С., Непомнящий А. В. О ключевых личностных характеристиках спортсмена экстремального профиля // *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 2017. № 1. С. 69–75.
7. Буторин В. В. Особенности личности спортсменов экстремальных видов спорта // *Рудиковские чтения: матер. XIII Межд. науч.-практ. конф. психологов физ. культуры и спорта, Москва, 11–12 мая 2017 г. / под ред. Ю. В. Байковского*. М.: Изд-во Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, 2017. С. 450–454.
8. Вакула И. М., Загутин Д. С. Экстремальный спортивный досуг и транспортные девиации как проявление аддиктивного поведения в среде современной Российской молодёжи // *Юристъ-Правоведъ*. 2018. № 3 (86). С. 32–37.
9. Власенко Р. Я., Лосева Т. Н. Риск как самостоятельный компонент системной организации целенаправленной деятельности субъекта // *Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова*. № 2 (22). С. 144–151.
10. Воробьева А. Е., Акбарова А. А. Личностные факторы досуговой активности молодёжи // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2020. № 1. С. 55–64. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-55-64
11. Захрямина Л. Н., Шумова Н. С., Байковский Ю. В. Помехоустойчивость яхтсменов высшего спортивного мастерства // *Рудиковские чтения: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 2019 г. / под общ. ред. Ю. В. Байковского, В. А. Москвина*. М.: Изд-во Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, 2019. С. 172–175.
12. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Наука, 1983. 368 с.
13. Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 255 с.
14. Коногорская С. А. Мотивация занятий экстремальными видами спорта в юношеском возрасте // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 362–367. DOI: 10.26140/anip-2021-1002-0091
15. Крестина Л. С. Исследование особенностей функционального состояния организма спортсменов-альпинистов после высокогорных восхождений: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2011. 23 с.
16. Литовченко О. Г., Семенова А. А., Яковлев Б. П. Влияние экстремальной деятельности на состояние эмоциональной напряжённости студентов-спортсменов // *Спортивный психолог*. 2016. № 3 (42). С. 67–71.

17. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. № 1 (22). С. 16–24.
18. Матвеева А. Ю. Отношение к предельным жизненным понятиям личности с экстремальным опытом // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2012. № 2. С. 183–188.
19. Мельников В. М., Ямпольский Л. Т. Психология личности и коллектива в спорте // Психология / под ред. В. М. Мельникова. М.: Физкультура и спорт, 1987. С. 244–265.
20. Москатова А. К. Формирование мастерства в спортивном экстриме как когнитивный процесс // Путь науки. 2015. № 2 (12). С. 134–139.
21. Опенко Т. Г., Чухрова М. Г., Леутин В. П. Спортивный туризм как способ реализации аддиктивности // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3 (15). С. 205–208.
22. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992. 223 с.
23. Подбущая Н. В., Чебакова Ю. Г. Особенности структуры психологических свойств личности профессионального футболиста // Теория и практика физической культуры. 2019. № 11. С. 9–10.
24. Пушкина В. Н., Зелянина А. Н., Оляшев Н. В. Индивидуально-психологические характеристики лиц, занимающихся экстремальными видами спорта // Мир науки: [сайт]. 2016. Т. 4. № 3. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/55PSMN316.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).
25. Тимофеев А. И., Кузнецова В. В., Пешков А. И. Сущность и ценности экстремального спорта // Теория и практика физической культуры. 2017. № 11. С. 102–104.
26. Чудина-Шмидт Н. В. Модели экстремального поведения субъекта экстрима // Специфика работы сотрудников органов внутренних дел с субъектом экстрима. Краснодар: Изд-во Краснодарского университета МВД России, 2017. С. 42–61.
27. Brymer E., Schweitzer R. The search for freedom in extreme sports: A phenomenological exploration // Psychology of Sport and Exercise. 2013. № 14 (6). P. 865–873. DOI: 10.1016/j.psychsport.2013.07.004
28. Pain M. T., Pain M. A. Essay: Risk taking in sport // The Lancet. 2005. № 366 (1). P. 533–534. DOI: 10.1016/S0140-6736(05)67838-5

REFERENCES

1. Aristova I. L., Pariduha O. V. [Personal characteristics of extreme athletes]. In: *Lichnost' v jekstremal'nyh usloviyah i krizisnyh situacijah zhiznedejatel'nosti* [Personality in extreme conditions and crisis situations of life], 2015, no. 5, pp. 149–152.
2. Afanas'ev V. G., Solomin I. L., Solomina L. Ju. [Features of the personality of high qualified athletes]. In: *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija* [Azimut of scientific research: pedagogy and psychology], 2019, vol. 8, no. 2 (27), pp. 291–293.
3. Ahverdova O. A., Voloskova N. N. [Extreme sports as a manifestation of addictive behavior in a teenager]. In: *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Stavropol State University], 2012, no. 2 (79), pp. 133–135.
4. Bajkovskij Ju. V., Bleer A. N. [Motivators that determine the choice of an extreme type of activity by an athlete]. In: *Sportivnyj psiholog* [Sports psychologist], 2017, no. 1 (44), pp. 74–78.
5. Berezina T. N., Ekimova V. I., Kokurin A. V. [Extreme lifestyle as a factor of its individual duration]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2018, no. 3 (39), pp. 70–78.
6. Bershova A. S., Nepomnjashhij A. V. [On the key personal characteristics of an extreme sportsman]. In: *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [News of the Southern Federal University. Pedagogical Sciences], 2017, no. 1, pp. 69–75.
7. Butorin V. V. [Personality characteristics of extreme sports athletes]. In: Baykovskii Yu. V., ed. *Rudikovskie chtenija: mater. XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii*

- psihologov fizicheskoj kul'tury i sporta, Moskva, 11–12 maja 2017 g.* Moscow, Russian State University of physical education, sport, youth and tourism Publ., 2017, pp. 450–454.
8. Vakula I. M., Zagutin D. S. [Extreme sports leisure and transport deviations as a manifestation of addictive behavior among modern Russian youth]. In: *Jurist-Pravoved* [Lawyer], 2018, no. 3 (86), pp. 32–37.
 9. Vlasenko R. Ja., Loseva T. N. [Risk as an independent component of the systemic organization of the subject's purposeful activity]. In: *Rossijskij mediko-biologičeskij vestnik imeni akademika I. P. Pavlova* [Russian Medical and Biological Bulletin named after academician I. P. Pavlov], no. 2 (22), pp. 144–151.
 10. Vorob'eva A. E., Akbarova A. A. [Personal factors of leisure activity of youth]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Psihologičeskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 1, pp. 55–64. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-55-64
 11. Zahrjamina L. N., Shumova N. S., Bajkovskij Ju. V. [Noise immunity of yachtsmen of the highest sportsmanship]. In: Baykovskij Yu. V., Moskvina V. A., eds. *Rudikovskie čtenija: mater. XV Meždunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii psihologov fizicheskoj kul'tury i sporta, Moskva, 2019 g.* [Rudikov readings: materials of the XV All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, 2019]. Moscow, Russian State University of physical education, sport, youth and tourism Publ., 2017, pp. 172–175.
 12. Kitaev-Smyk L. A. *Psihologija stressa* [Psychology of stress]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 368 p.
 13. Kon I. S. *Psihologija rannej junosti* [Psychology of early youth]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1989. 255 p.
 14. Konogorskaja S. A. [Motivation for practicing extreme sports in youth]. In: *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija* [Azimut of scientific research: pedagogy and psychology], 2021, vol. 10, no. 2 (35), pp. 362–367. DOI: 10.26140/anip-2021-1002-0091
 15. Krestina L. S. *Issledovanie osobennostej funkcional'nogo sostojanija organizma sportsmenov-al'pinistov posle vysokogornyh voshozhdenij: avtoref. dis. ... kand. med. nauk* [Study of the features of the functional state of the body of mountaineers after high-mountain ascents: abstract of Cand. Sci. Thesis in Psychology]. Moscow, 2011. 23 p.
 16. Litovchenko O. G., Semenova A. A., Jakovlev B. P. [Influence of extreme activity on the state of emotional tension of student-athletes]. In: *Sportivnyj psiholog* [Sports psychologist], 2016, no. 3 (42), pp. 67–71.
 17. Maklakov A. G. [Personal adaptive potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions]. In: *Psihologičeskij zhurnal* [Psychological journal], 2001, no. 1 (22), pp. 16–24.
 18. Matveeva A. Ju. [Attitude to the ultimate life concepts of a person with extreme experience]. In: *Lichnost' v jekstremal'nyh uslovijah i krizisnyh situacijah zhiznedejatel'nosti* [Personality in extreme conditions and crisis situations in life], 2012, no. 2, pp. 183–188.
 19. Mel'nikov V. M., Jampol'skij L. T. [Psychology of personality and team in sports]. In: Mel'nikov V. M., eds. *Psihologija*. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1987, pp. 244–265.
 20. Moskatova A. K. [Formation of mastery in extreme sports as a cognitive process]. In: *Put' nauki* [The path of science], 2015, no. 2 (12), pp. 134–139.
 21. Openko T. G., Chuhrova M. G., Leutin V. P. [Sports tourism as a way to implement addiction]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of science, culture, education], 2009, no. 3 (15), pp. 205–208.
 22. Petrovskij V. A. *Psihologija neadaptivnoj aktivnosti* [Psychology of non-adaptive activity]. Moscow, Gorbunok Publ., 1992. 223 p.
 23. Podbuckaja N. V., Chebakova Ju. G. [Features of the structure of the psychological properties of the personality of a professional football player]. In: *Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and practice of a physical culture], 2019, no. 11, pp. 9–10.

24. Pushkina V. N., Zeljanina A. N., Oljashev N. V. [Individual psychological characteristics of persons involved in extreme sports]. In: *Mir nauki* [World of Science], 2016, vol. 4, no. 3. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/55PSMN316.pdf> (accessed: 10.10.2021).
25. Timofeev A. I., Kuznecova V. V., Peshkov A. I. [Essence and values of extreme sports]. In: *Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and practice of physical culture], 2017, no. 11, pp. 102–104.
26. Chudina-Shmidt N. V. [Models of extreme behavior of the subject of extreme sports]. In: *Specifika raboty sotrudnikov organov vnutrennih del s sub'ektom jekstrima* [The specifics of the work of employees of internal affairs bodies with the subject of extreme sports]. Krasnodar, Publishing House of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, pp. 42–61.
27. Brymer E., Schweitzer R. The search for freedom in extreme sports: A phenomenological exploration. In: *Psychology of Sport and Exercise*, 2013, no. 14 (6), pp. 865–873. DOI: 10.1016/j.psychsport.2013.07.004
28. Pain M. T., Pain M. A. Essay: Risk taking in sport. In: *The Lancet*, 2005, no. 366 (1), pp. 533–534. DOI: 10.1016/S0140-6736(05)67838-5

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коногорская Светлана Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики начального образования Иркутского государственного университета;

e-mail: konogorskaya@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2607-9058

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Konogorskaya – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of psychology and pedagogy of elementary education, Irkutsk State University (ISU);

e-mail: konogorskaya@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2607-9058

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коногорская С. А. Индивидуально-психологические особенности юношей, занимающихся экстремальными видами спорта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 116–130.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-116-130

FOR CITATION

Konogorskaya S. A. Individual psychological characteristics of adolescents involved in extreme sports. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 1, pp. 116–130.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-116-130

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-131-143

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МОТИВАЦИИ У СПЕЦИАЛИСТОВ БЕЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ЕГО ПОЛУЧЕНИИ ЧЕРЕЗ ДИСТАНЦИОННУЮ ФОРМУ ПЕРЕПОДГОТОВКИ

Хаидов С. К.¹, Басин М. А.²

¹ Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
300026, г. Тула, пр. Ленина, д. 125, Российская Федерация

² Национальный исследовательский институт дополнительного образования
и профессионального обучения
117556, г. Москва, Варшавское шоссе, к. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель – изучение особенностей мотивационной сферы у специалистов без базового педагогического образования к получению профессиональной переподготовки в области педагогики в формате дистанционного образования.

Процедура и методы. Проведён анализ последних теоретических исследований в области мотивации у лиц, получающих педагогическое образование как при обучении в вузе, так и в рамках дополнительного профессионального образования. Были применены анкетный метод, тестирование, анализ и интерпретация данных методами математической статистики.

Результаты. Получены новые данные об особенностях мотивационной сферы у лиц, проходящих профессиональную переподготовку по педагогическим направлениям без базового педагогического образования. Такими особенностями являются уровень мотивации, уровень достижений, постановка ближних и дальних целей, которые отличаются у мужчин и женщин.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в педагогическую, возрастную и социальную психологию, расширяют представления об особенностях мотивации обучающихся в системе дополнительного профессионального образования, впервые выбравших путь учителя. Результаты могут быть использованы при разработке курсов и программ дополнительного профессионального образования педагогических специальностей.

Ключевые слова: дистанционное образование, профессиональная переподготовка, мотивация

THE INFLUENCE OF MOTIVATION PECULIARITIES ON SPECIALISTS WITHOUT PEDAGOGICAL EDUCATION WHEN IT IS RECEIVED THROUGH A REMOTE FORM OF RETRAINING

S. Haidov¹, M. Basin²

¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
pr. Lenina 125, Tula 300026, Russian Federation

² *National research Institute of additional education and professional training
Varshavskoye sh. 2, Moscow 117556, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the features of the motivational sphere of specialists without basic pedagogical education to receive professional retraining in the field of pedagogy in the format of distance education.

Methodology. In the process of writing the article, an analysis of the latest theoretical research in the field of motivation was carried out both for persons receiving pedagogical education at a university and within the framework of additional professional education. The questionnaire method, testing, analysis and interpretation of data through the methods of mathematical statistics were used.

Results. New data on the features of the motivational sphere of persons undergoing professional retraining in pedagogical areas without basic pedagogical education have been obtained. These features are: the level of motivation, the level of achievements, setting immediate and long-term goals which differ among men and women.

Research implications. The results of the study contribute to pedagogical, age and social psychology; expand understanding of the peculiarities of students' motivation in the system of additional professional education and those who have chosen the path of a teacher for the first time. The results can be used in the development of courses and programs of additional professional education of pedagogical specialties.

Keywords: distance education, professional retraining, motivation

Введение

В современном как российском, так и зарубежном обществе всё большее значение приобретает дистанционный формат образования, при этом обучение осуществляется либо частично, либо полностью с применением дистанционных образовательных технологий (далее ДОТ) и электронных образовательных ресурсов [1; 9]. В настоящее время все формы образования могут быть реализованы с использованием ДОТ. Исследования показывают, что сегодня профессиональные знания обновляются в среднем даже каждые три года, совсем недавно же они менялись каждые пять лет. Традиционное базовое программное образование не успевает за изменениями производственных технологий и поэтому принципиально не может обеспечить человека на всю жизнь знаниями, умениями, навыками и качествами, необ-

ходимыми для эффективного выполнения социальных ролей и выбранных профессий. Меняются и формы получения образования: всё чаще предлагаются дистантные формы и электронные образовательные ресурсы [8; 9; 10].

Необходимо подчеркнуть, что исследование, представленное в этой статье, осуществлялось в системе обучения с исключительным применением электронных технологий.

Заочная форма обучения на основе дистанционных технологий обладает значимым количеством преимуществ:

- в период сложного эпидемиологического периода обучающийся всегда имеет доступ к информации;
- информация подана в структурированном печатном, аудио- или видеоматериале, а зачастую сочетает в себе все указанные формы;
- доступ к материалу не ограничивается временем общения с препода-

вателем и носит постоянный характер в ситуации, когда есть интернет-соединение или возможность копировать или переносить материал на цифровые носители;

- при возникновении спорных вопросов всегда можно апеллировать к сохранённому источнику, что повышает качество образования и ответственность преподавателя;

- тестирование осуществляется постоянно, что позволяет подойти индивидуально к каждому обучающемуся и лишает ученика возможности не отвечать или «скрыться за спинами» активных учащихся;

- обучение проходит в удобное время, а онлайн встречи можно записывать и выкладывать видеоматериалы этих встреч для тех, кто по уважительной причине не смог к ним присоединиться; уточняющие вопросы можно задать через систему обратной связи и в оговорённые временные рамки получить на них развёрнутый ответ;

- интерактивный процесс дистанционного обучения осуществляется через разнообразные сервисы и позволяет в режиме реального времени работать в командах людям, у которых отсутствует возможность встретиться для очной работы;

- расширяется возможность и доступность как способов получения образования, так и организаций, которые, по мнению выбирающего, будут для него наиболее интересны;

- повышается безопасность психологического и физического уровня, люди находятся в комфортной обстановке;

- можно говорить и о других значимых моментах дистанционных образовательных технологий в случае более узких ситуаций.

Гипотеза данного исследования состоит в предположении, что мотивация обучающихся по программам профессиональной переподготовки по направлению «Педагогическое образование», не обладающих базовым педагогическим образованием, характеризуется рядом специфических особенностей.

Задачи исследования

1. Осуществить анализ теоретических исследований по проблемам мотивации обучающихся по направлению «Педагогическое образование».

2. Обосновать и провести исследование по составленной диагностической программе, направленной на изучение мотивационных особенностей данной группы респондентов.

3. Осуществить количественный и качественный анализ результатов исследования.

Проблема мотивации к получению той или иной профессии является важной составляющей процесса осуществления профессионального образования. Именно то, на основе чего человек выбирает свою будущую сферу деятельности, вызывает пристальное внимание со стороны психологов, педагогов, профориентологов и других специалистов, так или иначе принимающих участие в исследовании данного вопроса.

В связи с этим важным является понимание мотивационных процессов при выборе педагогической профессии. Так, исследования, в которых принимали участие студенты, показывают, что их выбор не является до конца осознанным. Они ориентируются на внешние мотивы (рекомендации родителей или друзей, высокий балл ЕГЭ,

который позволил поступить в вуз и даже близость расположения вуза)¹. Такие же данные получены и в других исследованиях [2; 3; 4]. Авторами отмечается, что развитие внутренней мотивации усиливается в процессе прохождения обучения в педагогическом вузе. Уже на четвёртом курсе студенты более ориентированы на знания в профессиональной сфере и это связано, по мнению автора Г. К. Бисеровой [2], с тем, что приближается вручение диплома и возрастает потребность в самоопределении и выборе места работы.

Интересные и в целом подтверждающие вышеперечисленные аспекты данные получены и в работе О. А. Минеевой с коллегами [7]. По их сведениям, внутренние мотивы сформированы у одной трети респондентов, однако выделяются ещё и альтруистические мотивы, связанные с тем, чтобы помогать окружающим людям. Выбор специальности во многом связан с такими показателями как «... гарантия занятости, хорошие перспективы и множество свободных вакансий» [7, с. 140]. Анализ данных исследований может свидетельствовать о том, что имеет место целесообразная конкуренция за «место под солнцем», при этом всегда есть шанс устроиться на работу, в особенности потому, что работодатели относятся с повышенным интересом к новым кадрам, которые приходят в систему образования. Но возможно предположить, что у студентов есть опасения в качестве своей подготовки или заранее запланированном лёгком отношении к обучению.

При этом качество педагогического образования в нашей стране пока не достигло высоких показателей, и мы находимся в процессе реформирования процесса. В работе В. П. Борисенкова и его коллег приводится анализ причин такого отставания от стран, в которых международные стандарты показывают высокий уровень (европейские и азиатские страны). Одним из принципов, позволяющим повысить эффективность образования, стал проводимый отбор учителей. Прослеживается непосредственная корреляция между качеством образования и уровнем подготовки педагогического состава. Авторы указывают: «В процессе реформирования своих школьных систем мировые лидеры образования твёрдо придерживались следующих основных принципов:

- привлечение в учителя школ подходящих для этой профессии людей, в том числе путём создания возможностей для соискателей с непедагогическим опытом работы;

- превращение этих людей в процессе их теоретической подготовки и солидной педагогической практики в эффективных педагогов, обеспечивающих высокое качество преподавания;

- создание системы адресной поддержки учащихся с тем, чтобы каждый школьник имел доступ к высококвалифицированному преподаванию» [3, с. 4–5].

Важен также аспект получения качественного образования, которое стало доступным при использовании так называемого смешанного или гибридного обучения, внимание на которое обратили ранее в зарубежных странах [11].

Данные, подтверждающие указанные выше феномены, представлены и

¹ Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. С. Ю. Трапицына. М.: Юрайт, 2017. С. 96.

в исследованиях Е. А. Караулова. Он показывает взаимосвязь между профессиональным самоопределением, профессиональными ожиданиями и стремлением выпускников трудоустроиться в образовательные организации. Вслед за Л. И. Кобышевой, А. П. Кротовой, С. Н. Фортигиной, Л. Н. Павловой и др., он указывает на то, что педагогическое образование в большей степени осознаётся студентами не как путь к непосредственной деятельности, а как старт, вхождение в профессиональную нишу иного профиля. Большая часть исследуемых демонстрирует положительную и отрицательную внешнюю мотивацию. Те же студенты-выпускники, которые показывают высокую степень внутренней мотивации, не стремятся к работе в образовании, а следуют в смежную специальность, которая связана с педагогическим профилем, например, языковые профессии, IT-бизнес, научная работа или, как стало модно в современном мире, уходят на год в свободный процесс самопознания, поиска себя и своего жизненного пути [5].

Считаем нужным обратить внимание и на размышления М. Ю. Краевой, которая вслед за Т. И. Шульгой подчёркивает «сложности описания профессионального стандарта, с выделением критериев оценки профессиональной деятельности специалистов», которые приводят к неэффективной работе, а также концентрирует внимание на аспекте «общей направленности личности и используемых ею стратегии самоутверждения» [6, с. 74].

Из-за того, что в профессиональной переподготовке допускаются люди, уже получившие базовое профессиональное образование, и составлен доста-

точно подробный Профессиональный стандарт «Педагог», то, на наш взгляд, именно направленность личности, её осознанность и принятие на себя соответствующей профессиональной роли во многом стимулирует принятие решения о получении новой специальности в рамках педагогического направления.

Л. Н. Трофимова указывает на пять мотивов, способствующих смене профессии у взрослых людей:

1. Производственная необходимость получения дополнительного профессионального образования, которое позволит получить более высокий социальный статус, возможность занять руководящую должность.

2. Физическая невозможность осуществления трудовой деятельности по первоначальной профессии. Например, для военнослужащего, уволенного в запас.

3. Несоответствие первоначальной квалификации направлению, в котором работает специалист. Например, работник имеет квалификацию «инженер по эксплуатации колёсной и гусеничной техники» и работает в строительстве. Согласно современным требованиям лицензирующей организации, он должен иметь квалификацию «инженер-строитель», поэтому не может устроиться на работу с соответствующей должностью.

4. Неудовлетворённость размером заработной платы.

5. Моральное неудовлетворение своей первоначальной профессией в силу индивидуальных особенностей [10, с. 2–3].

Всё перечисленное выше определяет интерес к мотивации получения людьми дополнительных профессиональных программ, а именно программ

профессиональной переподготовки, позволяющих им в достаточно короткое время овладеть новой профессией и стать носителем новой квалификации и компетенций.

В Российской Федерации прохождение дополнительных программ стало привычным и удобным средством профессиональной мобильности. Способы донесения материала постоянно совершенствуются, а также расширяется и система информирования населения о подобных возможностях.

В современной ситуации, когда основные образовательные программы не успевают за изменениями на рынке труда и происходит устаревание некоторых профессий быстрее, чем доучиваются студенты, профессиональная переподготовка выполняет роль гибкого инструмента, позволяющего связывать потребности современного рынка и людей, обладающих определённым уровнем базового образования (либо среднего профессионального, либо высшего образования) [4; 8]^{1 2}.

Также, когда речь идёт о педагогическом образовании, которое можно получить путём профессиональной переподготовки, возникает вопрос о том, кто и почему решает связать свою жизнь с педагогикой и образованием. Какова их мотивационная сфера, насколько осознанно осуществляется выбор новой профессии в зрелые периоды жизни? Именно этому и посвящено исследование, описанное далее.

Процедура и методы исследования

В исследовании приняло участие 76 человек без базового педагогического образования, обучающихся в образовательных центрах Волгоградской гуманитарной академии профессиональной переподготовки сотрудников социальной сферы (ВГАППССС), а также Автономной некоммерческой организации «Национальный исследовательский институт дополнительного образования и профессионального обучения» (АНО НИИДПО), Автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Уральский институт повышения квалификации и переподготовки» (АНО ДПО УрИПКиП), Автономной некоммерческой организации «Академия дополнительного профессионального образования»; из них 26 мужчин (34,2%) и 50 (65,8%) женщин. По имеющемуся образованию у испытуемых были получены такие данные: с высшим образованием – 60 человек (78,9%), из них 19 мужчин и 41 женщина, со средним специальным образованием – 16 человек (21,1%) – 7 мужчин и 9 женщин. Все они проходили профессиональную переподготовку по программам дополнительного профессионального образования, связанным с получением учительской профессии по разным предметным направлениям (например, учитель английского языка, учитель математики, учитель физики и пр.).

По возрасту общая выборка была разделена на 4 группы:

1) от 20 до 25 лет – 14 человек (18,4%);

2) от 26 до 30 лет – 13 человек (17,1%);

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021).

² Blended Learning Today: Designing in the New Learning Architecture: 10 tips for blend design. Oxford: The Oxford Group, 2014. 15 p.

3) от 31 до 35 лет составили также 13 человек (17,1%);

4) от 35 лет и старше – 36 человек (47,4%).

По полу возрастные группы распределились следующим образом.

Мужчины: возраст 20–25 лет – 5 человек (19,2%), возраст 26–30 лет – 3 человека (11,5%), возраст 31–35 лет – 4 человека (15,4%), старше 35 лет – 14 человек (53,8%).

Женщины: возраст 20–25 лет – 9 человек (18,0%), 26–30 лет – 10 человек (20,0%), 31–35 лет – 9 человек (18,0%), старше 35 лет – 22 человека (44,0%).

Таким образом, наибольшую общую выборку и в выборках по полу составляют специалисты старше 35 лет.

При исследовании использовались следующие методики: исследование мотивации достижения; исследование мотивации успеха и боязни неудачи; комплексная методика исследования и развития мотивации профессионального самосовершенствования сотрудников. Особое внимание при анализе уделялось следующим вопросам:

1. Хотели бы Вы сейчас работать по другой специальности, не связанной с Вашей нынешней профессией?

2. Назовите, какие цели в повседневной трудовой деятельности для Вас наиболее значимы?

3. Выбрали бы Вы вновь свою профессию?

При анализе полученных результатов тестирования использовались следующие методы: описательные статистики, корреляционный анализ по Спирмену, непараметрические критерии Манни-Уитни, Крускала-Уоллиса. При статистической обработке применялась программа SPSS 21.

Результаты исследования

Корреляционный анализ по Спирмену в общей выборке выявил отрицательные связи пола с целями в повседневной профессиональной деятельности: $r_s = -0,263$, $p = 0,022$, т. е. у женщин и у мужчин цели отличаются; выявлена отрицательная связь образования с мотивацией достижений: $r_s = -0,257$, $p = 0,025$. Это показывает зависимость между средним специальным базовым образованием и уровнем мотивации (мотивация высокая), при этом между высшим образованием и мотивацией достижений, она высокая, но ниже, чем у лиц с СПО. Отрицательная связь проявляется между желанием работать по другой специальности с мотивацией вновь выбрать свою профессию: $r_s = -0,304$, $p = 0,008$, что вполне логично объясняется именно тем, что люди пошли получать новую специальность осмысленно, как альтернативную выбранной изначально. Прямая связь мотивации успеха с мотивацией достижений ($r_s = 0,265$, $p = 0,021$) подчёркивает две характерологические особенности мотивации лиц, пришедших на переподготовку – мотивации достижений и построения профессионального успеха, т. к. они видят критерий успеха в спланированной ими деятельности.

У мужчин возраст имеет обратную связь с целями повседневной профессиональной деятельности ($r_s = -0,522$, $p = 0,006$) и положительную связь мотивации повторного выбора профессии с целями повседневной профессиональной деятельности ($r_s = 0,536$, $p = 0,005$). Таким образом, чем старше становятся мужчины, выбравшие переподготовку, тем больше они готовы выполнять по-

вседневные рабочие обязанности без нацеленности на будущее, а чем моложе, тем больше заинтересованы в развитии профессионального роста и достижении отдалённых целей.

В отличие от мужчин, у женщин определена прямая связь между мотивацией достижения и мотивацией успеха ($r_s=0,299$, $p=0,035$) и отрицательные связи: образования с мотивацией достижений $r_s=-0,352$, $p=0,012$ и желания работать по другой специальности с мотивацией повторного выбора профессии ($r_{sk}=-0,303$, $p=0,032$). Таким образом, у женщин со средним специальным образованием сильнее мотивация достижения, чем у обладательниц высшего образования. Возможно, это связано с открытостью к получению нового образования и стремлением к повышению своего материального уровня.

Непараметрический критерий Мани-Уитни позволил определить статистически значимые различия по полу в целях повседневной профессиональной деятельности ($U=481,0$, $p=0,023$). Так, у мужчин, в отличие от женщин, превалируют дальние цели, а у женщин наоборот превалируют ближние цели. Это может быть объяснено нацеленностью на тактические или стратегические планы. Для женщин более важно решить задачу здесь и сейчас, а мужчина делает свой выбор с учётом более дальних, перспективных целей. Можно предположить, что получение образования для мужчин рассматривается как первый шаг к более значимым целям, в то время как у женщин это значимый шаг, зачастую совпадающий с самой целью.

По критерию Крускала-Уоллиса в общей, мужской и женской выборках,

статистически значимых различий по возрастным группам нет.

Таким образом, в общей выборке корреляционные связи свидетельствуют, о том, что ближние и дальние цели повседневной профессиональной деятельности зависят от пола: у мужчин имеется связь с дальними, а у женщин с близкими целями; чем выше образование, тем ниже мотивация достижений, чем выше желание работать по другой специальности, тем ниже мотивация повторного выбора профессии, чем выше мотивация успеха, тем выше мотивация достижений.

В свою очередь, чем старше возраст мужчин, тем меньше дальних целей в повседневной профессиональной деятельности, что очевидно свидетельствует о желании достигнуть понятных результатов как можно скорее без длительных выстраиваний карьерных планов. Большое количество целей способствует формированию мотивации повторного выбора профессии, т. е. позволяет вернуться в привычную и понятную рабочую атмосферу без дополнительных энергетических затрат. У женщин отмечается следующее: чем ниже образование, тем выше мотивация достижений; чем выше мотивация достижений, тем выше мотивация успеха; чем больше желание работать по другой специальности, тем ниже мотивации повторного выбора своей профессии.

В то же время мужчины больше нацелены на стратегические цели в своей повседневной профессиональной деятельности, а женщины на тактические, что подтверждается статистически значимыми различиями.

В общей выборке желание работать по другой специальности, не связан-

ной с имеющейся работой, высказали 38 респондентов (50,0%), отсутствие такового – 21 человек (27,6%), неопределённость – 17 слушателей (22,4%). Мотивацию к смене специальности среди мужчин высказали 12 человек (46,2%), нежелание менять специальность 7 слушателей (26,9%), не определились 7 респондентов (26,9%). У женщин за смену специальности высказались 26 слушателей (52,0%), против – 14 респондентов (28,0%), неопределившихся – 10 человек (20,0%).

Ближние цели в своей повседневной трудовой деятельности в качестве наиболее значимых в общей выборке отметил 51 исследуемый (67,1%), а дальние – 25 слушатель (32,9%), из них среди мужчин близкие и дальние цели определили по 13 человек (50,0%), а среди женщин – 38 (76,0%) близкие и 12 человек (24,0%) – дальние.

Желание вновь выбрать профессию и сменить предыдущую в общей выборке высказали 35 человек (46,1%), отказались 19 слушателей (25,0%), не определились 22 респондента (28,9%). В то же время 13 мужчин (50,0%) высказали желание вновь выбрать свою профессию, отказались 7 (26,9%) и в раздумье остались 6 человек (23,1%). В свою очередь, 22 женщины (44,0%) решили снова выбрать свою профессию, отказались от такого решения – 12 (24,0%), не определились – 16 человек (32,0%).

Таким образом, половина слушателей (50,0%) в общей выборке имеют выраженную мотивацию сменить специальность, из них среди мужчин – 46,2%, а среди женщин – 52,0%. Из этого следует, что среди женщин это больше выражено. Наиболее в своей повседневной трудовой деятельности респонденты преследуют тактические

цели (67,1%), чем стратегические, при этом у женщин это выражено больше, чем у мужчин (76,0% против 50,0%). Одновременно с этим желание вновь выбрать свою профессию выразило меньше половины слушателей (46,1%). В то же время у мужчин (50,0%) эта мотивация выражена больше, чем у женщин (44,0%).

Мотивация неуспеха в общей выборке выявлена у 1 человека (1,3%), невыраженная мотивация на успех установлена у 16 респондентов (21,1%), а мотивация на успех имеется у 59 слушателей (77,6%). При этом у мужчин невыраженная мотивация на успех определена у 5 респондентов (19,2%), а на успех – у 21 человека (80,8%). В свою очередь, у женщин мотивация на неуспех определена у 1 человека (2,0%), невыраженная мотивация на успех – у 11 слушателей (22,0%), мотивация на успех – у 38 респондентов (76,0%).

Отсутствие мотивации достижений в общей выборке у 1 исследуемого (1,3%), невыраженная мотивация достижений определена у 16 человек (21,1%), выраженная мотивация достижений выявлена у 59 слушателей (77,6%). В свою очередь, у мужчин невыраженная мотивация достижений выявлена у 9 человек (34,6%), а выраженная – у 17 слушателей (65,4%), а у женщин отсутствие мотивации достижений определена у 1 человека (2,0%), невыраженная мотивация достижений – у 7 слушателей (14,0%), выраженная мотивация достижений – у 42 респондентов (84,0%).

Таким образом, у специалистов, не имеющих педагогического образования, отчётливо сформированы мотивация на успех (77,6%) и мотивация достижений (77,6%). При этом мотивации на успех у мужчин более выра-

жены, чем у женщин (80,8% и 76,0% соответственно), а у женщин мотивация достижений (84,0%) сильнее выражена, чем у мужчин (65,4%).

Заключение

Исследование особенностей мотивации у обучающихся без базового педагогического образования на дистанционных программах профессиональной переподготовки по направлению педагогики, выявило следующее:

1. Выявлена взаимосвязь базового уровня образования с мотивацией достижения. Так, у лиц со средним профессиональным образованием, мотивация достижения выше, чем у носителей высшего образования, хотя и у них мотивация достижения находится на высоком уровне.

2. Результаты показали, что чем старше представители мужского пола, выбравшие переподготовку, тем меньше их направленность на стратегические цели, и более выражена направленность на тактические цели, они более заинтересованы в повседневном выполнении текущих задач.

3. Вне зависимости от пола мотивация достижения значимо связана с мотивацией успеха. Они дополняют выбор и в достижении выбранного направления видится критерий успеха, что подчёркивает осмысленность выбора направления профессиональной переподготовки.

4. Женщины со средним специальным образованием имеют более выраженный показатель мотивации достижения, чем обладательницы высшего образования. Возможно, это связано с предполагаемым повышением уровня заработной платы и статуса, который

незначительно изменится у лиц, имеющих высшее образование.

5. Мужчины в большинстве своём ориентированы на дальние цели, а женщины – на ближние, что объясняется их нацеленностью на тактические (женщины и мужчины в возрасте) или стратегические планы (мужчины до 50 лет).

6. Выявлено, что обучающиеся пришли на переподготовку по новой специальности, при этом большая часть из них выбрали бы свою специальность вновь, что свидетельствует о взаимосвязи между получаемой новой специальностью и знаниями, по основному образованию, о значимости выбранной ранее профессии и удовлетворённости ею в определённой степени.

7. Обучающиеся, проходящие профессиональную переподготовку в дистанционном формате, обладают низкой степенью выраженности мотивов избегания неудач и характеризуются отсутствием мотивации неуспеха.

Теоретическая и практическая значимость выражена в том, что выявлены особенности мотивации у обучающихся в рамках дистанционной профессиональной переподготовки на педагогических специальностях.

С практической точки зрения исследование позволяет организовывать процесс обучения в дистанционном формате с учётом выявленных возрастных, половых и социально-экономических аспектов мотивации достижения и успеха, индивидуально подстраивать задания и форматы обучения, выбирать наиболее значимые методические приёмы для передачи информации и поддержания заинтересованности образовательным процессом.

Статья поступила в редакцию 12.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Батяев А. А. Идеальный персонал – профессиональная подготовка, переподготовка, повышение квалификации персонала. М.: Научная книга, 2015. 945 с.
2. Бисерова Г. К. Влияние ценностных ориентаций и мотивации обучения на профессиональную подготовку будущих учителей // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71 (1). С. 272–275.
3. Борисенков В. П., Гукаленко О. В., Розов Н. Х. Подготовка педагогических кадров: международный опыт и отечественные реалии // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2018. № 3. С. 3–16.
4. Букина Н. Н. Интеграция формального и неформального образования в системе профессиональной подготовки специалистов // Российский научный журнал. 2010. № 16. С. 150–155.
5. Булгакова О. В. Дистанционное обучение в системе дополнительного профессионального образования как способ профессионального саморазвития педагога // Поиск: научно-методический журнал. 2016. № 3 (55). С. 87–89.
6. Караулов М. А. Профессиональное самоопределение и профессиональные ожидания выпускников педагогических вузов // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 36–39.
7. Краева М. Ю. Особенности направленности личности педагогических работников с разными стратегиями самоутверждения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 73–83. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-73-83
8. Минеева О. А., Максимова К. А. Выбор профессии учителя: изучение мотивации студентов педагогических специальностей // Известия Балтийского государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2018. № 4 (46). С. 136–142.
9. Пронина Н. А., Романова Е. В., Шалагинова К. С. Особенности формирования профессиональной мотивации будущих учителей // International journal of medicine and psychology. 2020. Т. 3. № 1. С. 95–100.
10. Савинова Л. Ф. Профессиональная переподготовка как перспективное направление повышения профессионализма специалистов // Современные проблемы науки и образования: [сайт]. 2016. № 6. URL: <https://science-education.ru> (дата обращения: 29.01.2022).
11. Трофимова Л. Н. Проблема мотивации учебной деятельности у слушателей курсов профессиональной переподготовки // Современные проблемы науки и образования: [сайт]. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru> (дата обращения: 10.11.2021).

REFERENCES

1. Batyaev A. A. *Ideal'nyj personal – professional'naya podgotovka, perepodgotovka, povyshenie kvalifikacii personala* [Ideal personnel – professional training, retraining, staff development]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ., 2015. 945 p.
2. Biserova G. K. [Influence of value orientations and learning motivation on the professional training of future teachers]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2021, no. 71 (1), pp. 272–275.
3. Borisenkov V. P., Gukalenko O. V., Rozov N. H. [Training of pedagogical staff: international experience and domestic realities]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie* [Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical education], 2018, no. 3, pp. 3–16.

4. Bukina N. N. [Integration of formal and non-formal education in the system of professional training of specialists]. In: *Rossiyskij nauchnyj zhurnal* [Russian Scientific Journal], 2010, no. 16, pp. 150–155.
5. Bulgakova O. V. [Distance learning in the system of additional professional education as a way of professional self-development of a teacher]. In: *Poisk: nauchno-metodicheskiy zhurnal* [Search: scientific and methodological journal], 2016, no. 3 (55), pp. 87–89.
6. Karaulov M. A. [Professional self-determination and professional expectations of pedagogical universities graduates]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2021, no. 1 (86), pp. 36–39.
7. Kraeva M. Yu. [Features of the orientation of the personality of pedagogical workers with different strategies for self-affirmation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2018, no. 1, pp. 73–83. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-73-83
8. Mineeva O. A., Maksimova K. A. [The choice of the profession of a teacher: the study of the motivation of students of pedagogical specialties]. In: *Izvestiya Baltijskogo gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki* [Proceedings of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences], 2018, no. 4 (46), pp. 136–142.
9. Pronina N. A., Romanova E. V., Shalaginova K. S. [Features of the formation of professional motivation of future teachers]. In: *International journal of medicine and psychology*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 95–100.
10. Savinova L. F. [Professional retraining as a promising direction for improving the professionalism of specialists]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2016, no. 6. Available at: <https://science-education.ru> (accessed: 29.01.2022).
11. Trofimova L. N. [The problem of motivation of educational activity among students of professional retraining courses]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, no. 6. Available at: <https://science-education.ru> (accessed: 10.11.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хаидов Сергей Курбанович – кандидат психологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: haidov@bk.ru

Басин Максим Александрович – кандидат психологических наук, директор Автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Национальный исследовательский институт дополнительного образования и профессионального обучения»; e-mail: basin_78@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei K. Haidov – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Special Psychology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: haidov@bk.ru

Maksim A. Basin – Cand. Sci. (Psychology), Director of Autonomous non-profit organization of additional professional education “National Research Institute of Additional Education and Professional Training”; e-mail: basin_78@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хаидов С. К., Басин М. А. Влияние особенностей мотивации у специалистов без педагогического образования при его получении через дистанционную форму переподготовки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 131–143.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-131-143

FOR CITATION

Haidov S. K., Basin M. A. The influence of motivation peculiarities on specialists without pedagogical education when it is received through a remote form of retraining. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 1, pp. 131–143.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-131-143

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-144-162

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ С РАЗНЫМ ТРУДОВЫМ СТАЖЕМ

Горбушина А. В.¹, Телицына Е. А.², Шишкина А. Н.¹

¹ Вятский государственный университет

610000, Кировская обл., г. Киров, ул. Московская, д. 36, Российская Федерация

² Детский сад № 6, г. Киров

610016 Кировская обл., г. Киров, ул. Дзержинского, д. 19 А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описание особенностей структуры (состава, взаимосвязей компонентов и определения функциональной роли составляющих) мотивации профессиональной деятельности педагогов дошкольной образовательной организации с разным трудовым стажем.

Процедура и методы. Авторами проведён анализ научных работ и эмпирического материала по изучению содержания и структуры мотивации воспитателей детского сада. На основе применения методологии системогенеза определена стратегия исследования структуры мотивации воспитателей детского сада в контексте профессиональной деятельности как динамической функциональной системы мотивов в горизонтальном сечении, т. е. на уровне компонентов. В диагностике с применением опросников К. Замфир и В. Гербачевского приняли участие 30 воспитателей детского сада г. Кирова. Анализ результатов осуществлялся с применением следующих математических методов: анализа средних значений, анализа статистически значимых различий, корреляционного анализа, анализа психологической структуры. Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 27 (IBM).

Результаты. В результате исследования описаны состав, взаимосвязи между компонентами, доминирующие и базовые мотивы в структуре мотивации педагогов дошкольного образовательного учреждения со стажем работы до 5 лет, от 5 до 15 лет и свыше 15 лет. На основе интерпретации полученных данных показана закономерность происходящих в мотивации изменений, представлены психологические способы актуализации мотивации воспитателей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявление особенностей структуры мотивации, доминирующих и базовых мотивов педагогов дошкольной образовательной организации дополняет объём научных представлений о содержании, составе и структуре мотивации воспитателей детского сада, а также позволяет разрабатывать конструктивные стратегии поддержания внутренних мотивов профессиональной деятельности воспитателей с разным стажем.

Ключевые слова: профессиональная педагогическая деятельность, мотивация, воспитатели детского сада, структура, стаж, мотивы

FEATURES OF THE STRUCTURE OF MOTIVATION FOR THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF TEACHERS OF A PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION WITH DIFFERENT WORK EXPERIENCE

A. Gorbushina¹, E. Telitsyna², A. Shishkina¹

¹ *Vyatka State University*

ul. Moskovskaya 36, Kirov 610000, Kirov region, Russian Federation

² *Kindergarten no. 6*

ul. Dzerzhinskogo 19A, Kirov 610016, Kirov region, Russian Federation

Abstract

Aim. Description of the features of the structure of work motivation (composition, interconnections of components and determination of the functional role of the components) of teachers of a preschool educational organization with different work experience.

Methodology. The authors analyzed scientific works and empirical material on the study of the content and structure of the motivation of kindergarten teachers. Based on the application of the methodology of system genesis, a strategy for studying the structure of motivation of kindergarten teachers in the context of professional activity as a dynamic functional system of motives has been determined. 30 kindergarten teachers from the city of Kirov took part in the diagnostics which used the questionnaires of K. Zamfir and V. Gerbachevsky. The analysis of the results was carried out using the following mathematical methods: analysis of mean values, analysis of statistically significant differences, correlation analysis, analysis of psychological structure. Statistical data processing was carried out using the SPSS Statistics 27 software (IBM).

Results. As a result of the study, the composition, relationships between components, dominant and basic motives in the structure of motivation of teachers of a preschool educational institution with work experience of up to 5 years, from 5 to 15 years and over 15 years were described. Based on the interpretation of the data obtained, the regularity of the changes occurring in motivation is shown, psychological ways of updating the motivation of educators are presented.

Research implications. Revealing the features of the structure of motivation, dominant and basic motives of teachers of a preschool educational organization complements the scope of scientific ideas about the content, composition and structure of kindergarten teachers' motivation, and also makes it possible to develop constructive strategies for maintaining the internal motives of the professional activities of educators with different experience.

Keywords: professional pedagogical activity, motivation, preschool teachers, structure, experience, motives

Введение

Исследование особенностей структуры мотивации профессиональной деятельности (далее – МПД) педагогов дошкольной образовательной организации (далее – ДОО) имеет значение как для науки, так и для практики образования. Для психологической науки значимым представляется описание структуры МПД воспитателя, определение ключевых составляющих, образующих специфику мотивации педагогов детского сада с разным стажем труда. Понимание особенностей структуры мотивации воспитателей именно с разным трудовым стажем позволит адресно разрабатывать нематериальные способы актуализации МПД сотрудников ДОО, удерживая воспитателей на рабочем месте и повышая качество педагогической деятельности.

Цель статьи: описание особенностей структуры МПД педагогов ДОО в зависимости от трудового стажа.

Задачи статьи:

1) спроектировать исследование на основе анализа имеющихся данных об особенностях мотивации воспитателей детского сада;

2) охарактеризовать доминирующие и базовые мотивы в структуре мотивации педагогов ДОО с разным трудовым стажем;

3) представить психологические способы актуализации внутренних мотивов воспитателей детского сада с разным трудовым стажем.

В науке накоплен достаточный объём теоретических и эмпирических знаний о содержании мотивации в различных видах профессиональной деятельности (В. А. Бодров, Е. П. Ильин, Т. В. Разина, М. В. Прохорова, Е. L. Deci, R. M. Ryan, J. D. Salamone, R. Sun и др.).

Анализ публикаций в области образования и психологии в научных журналах международного уровня за последние 5 лет позволяет утверждать, что профессиональная деятельность воспитателя детского сада анализируется редко. Например, в работах Дж. Торквати [12] и И. Ванини [13] показано, что значимым мотивом на этапе подготовки педагогов ДОО является интерес к профессии и особое отношение к детям.

В отечественных научных источниках за последние 5 лет мотивация воспитателей описана на уровне характеристики степени выраженности отдельных мотивов. Так, Е. Е. Рогова и И. А. Панкратова [6] обнаружили, что молодых воспитателей привлекает их профессия, желание развиваться и совершенствовать мастерство, а педагогов-стажистов побуждает удовлетворение результатами труда. В. Р. Зубарева и С. Г. Камшиль [3] определили, что молодыми воспитателями движут мотивы значимости, достижения и удовлетворённости трудом. Педагоги со стажем более 5 лет значимыми считают заработок, карьерный рост, признание.

Итоги аналитического обзора исследований последних лет позволяют утверждать, что профессиональная мотивация педагогов ДОО исследуется с позиции описания содержания, но не структуры. В сложившихся условиях научную ценность и практическую значимость представляет изучение структуры в представлении В. Д. Шадрикова [10], где имеют место установление состава мотивов в структуре мотивации педагогов ДОО, описание взаимосвязей между составляющими, выявление ключевых компонентов в структуре,

позволяющих оказывать на неё воздействие извне.

Методология и методы исследования

Представленное исследование основано на ряде теоретико-методологических идей.

1. Изучение МПД в контексте системы профессиональной деятельности, где мотивация организует компоненты в структуре для достижения её целей [5; 10], что требует анализа мотивации воспитателя применительно к задачам и требованиям деятельности: воспитания и развития личности ребёнка.

2. Понимание мотивации как системы побуждений к деятельности педагога ДОО, регулирующей, поддерживающей профессиональную деятельность воспитателя детского сада на нормативном уровне [1].

3. Описание структуры мотивации воспитателя в логике системного подхода: определение состава, взаимосвязей между структурными единицами, выявление роли составляющих в организации функционирования системы.

4. Исследование отдельно взятого уровня в структурно-уровневой организации системы МПД педагога ДОО [4]. В данном исследовании акцент сделан на изучении компонентного уровня, несущего наибольшую нагрузку в формировании специфики функционирования мотивации воспитателя [5], что даёт возможность рассмотреть структуру МПД педагога ДОО в горизонтальном разрезе и определить не только состав мотивов, но описать взаимосвязи между мотивами и их функциональную роль в побуждении к реализации педагогической деятельности воспитателей с разным трудовым стажем.

5. Изучение МПД педагогов ДОО с позиций системогенетического подхода, позволяющего выявить изменения системы и объяснить закономерности состава и функционирования [5; 10].

В итоге фиксация методологической основы исследования даёт возможность не только изучить структуру МПД воспитателей с разным трудовым стажем, но и ответить на запрос практики образования методологически обоснованным путём, а именно – на основании определения состава, взаимосвязей между компонентами, выявления доминирующих и базовых мотивов в структуре создавать психологические способы поддержания мотивации воспитателей.

Эмпирическое исследование компонентов-мотивов в составе системы МПД педагогов ДОО осуществлялось с помощью метода опроса и методик В. К. Гербачевского «Оценка уровня притязаний»¹ и К. Замфир, в модификации А.А. Реана «Структура трудовой мотивации»².

Опрос проводился среди педагогов Детского сада № 6 г. Кирова. Общий объём выборки составляет 30 респондентов в возрасте от 24 до 65 лет. Выборка была поделена на 3 подгруппы в зависимости от стажа работы по профессии и стадии профессионального развития по модели Д.Н. Завалишиной [2]. В табл. 1 представлены характеристики выборки.

¹ Психологическая диагностика сфер личности: лабораторный практикум / сост. Ю. Е. Водяха. Екатеринбург, 2018. 220 с.

² Реан А. А. Психология и психодиагностика личности: Теория, методы исследования: практикум. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 255 с.

Таблица 1 / Table 1.

Характеристика выборки исследования / Characteristics of the study sample

Характеристики	Подгруппа		
	1	2	3
Стаж работы	0-5 лет	5-10 лет	свыше 10 лет
Количество респондентов	10	10	10
Средний возраст	21	27	51

Источник: данные авторов.

Анализ полученных данных осуществлялся с помощью мер описательной статистики, метода анализа различий по критерию Краскала-Уоллиса, корреляционного анализа с применением критерия Спирмена и метода анализа психологической структуры А. В. Карпова [7]. Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 27 (IBM).

Результаты

Представление результатов выстроено в следующей логике:

1. Определение доминирующих мотивов в составе мотивации воспитателей детского сада по итогам первичного описательного анализа средних значений по выборке и подгруппам педагогов ДОО.

2. Анализ различий доминирующих мотивов у воспитателей детского сада с разным трудовым стажем.

3. Описание структуры МПД педагогов ДОО на основе анализа интракорреляций в стажевых подгруппах выборки.

4. Установление функциональной роли компонентов в структуре МПД воспитателей с разным трудовым стажем.

На первом этапе анализа и интерпретации данных основной задачей выступило описание наиболее значимых составляющих в составе мотива-

ции труда воспитателей детского сада. Доминирующие или наиболее значимые мотивы в составе мотивации определены в результате сопоставления средних показателей по шкалам методик и выявления мотивов, набравших наивысшие баллы по сравнению с другими по каждой отдельно взятой методике. В табл. 2 представлены средние значения мотивов-компонентов в составе мотивации воспитателей детского сада.

Наиболее значимыми мотивами для педагогов ДОО выборки являются: удовлетворение от работы; возможность самореализации в данной деятельности; заработок; стремление к продвижению по работе, потребность в престиже и уважении других; познавательный мотив; намеченный уровень мобилизации усилий; инициативность.

В подгруппе воспитателей со стажем до 5 лет значимыми мотивами профессиональной деятельности явились иные: возможность самореализации в данной деятельности; удовлетворение от работы и стремление избежать критики со стороны руководителя и коллег; оценка своего потенциала; инициативность; познавательный мотив. Полученные результаты указывают, что для начинающих специалистов-воспитателей детского сада важно проявить себя и свои компетенции; инициативу в деятельности; получать

Таблица 2 / Table 2.

Средние значения показателей мотивации профессиональной деятельности педагогов ДОО / Average values of indicators of preschool teachers' work motivation

Выраженность мотивов	Среднее значение по выборке	Подгруппы		
		1 (до 5 лет)	2 (5–10 лет)	3 (свыше 10 лет)
«Структура трудовой мотивации» (К. Замфир; в адаптации А. А. Реана)				
Денежный заработок	3,2	2,6	3,2	3,8
Стремление к продвижению по работе	3,2	3,2	2,9	3,5
Стремление избежать критики со стороны руководителя или коллег	2,8	3,3	2,1	3,1
Стремление избежать возможных наказаний или неприятностей	2,7	3,0	2,2	3,0
Потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других	3,2	2,9	3,1	3,6
Удовлетворение от самого процесса и результата работы	3,5	3,5	3,7	3,4
Возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности	3,5	3,7	3,7	3,3
Уровень притязаний (В. К. Гербачевский)				
Внутренний мотив	12,4	12,7	11,6	12,9
Познавательный мотив	13,4	14,5	13,7	12,2
Мотив избегания	11,8	11,5	11,6	12,4
Состязательный мотив	12,3	13,2	12,1	10,0
Мотив смены деятельности	12,3	11,6	12,7	12,8
Мотив самоуважения	12,3	13,1	12,5	12,5
Значимость результатов	11,8	12,2	12,4	11,0
Сложность задания	6,8	6,1	6,9	7,5
Волевое усилие	12,2	11,7	11,9	13,1
Оценка уровня достигнутых результатов	9,3	10,3	9,9	7,8
Оценка своего потенциала	12,9	13,8	12,2	12,7
Намеченный уровень мобилизации усилий	13,3	13,7	12,4	13,9
Ожидаемый уровень результатов	7,6	8,5	7,4	7,1
Закономерность результатов	12,2	13,0	11,6	12,1
Инициативность	13,1	13,7	14,0	11,7

Источник: данные авторов.

опыт; понимать, насколько успешно начинающий педагог справляется с должностными обязанностями и как относятся к его профессиональной деятельности окружающие.

В подгруппе педагогов со стажем 5–10 лет были выявлены следующие доминирующие мотивы: удовлетворение от работы; возможность самореализации, денежный заработок, инициативность; познавательный мотив; смена деятельности. Данный перечень компонентов позволяет сделать вывод об изменениях составляющих МПД педагогов ДОО. В процессе приобретения опыта, получения статуса специалиста, выпуске дошкольников для воспитателя становится важным не только реализовать себя как профессионала, быть удовлетворённым собственной работой, но и получать достойный заработок за свой труд. А для этого важно использовать разные способы выполнения деятельности, получать новый опыт и совершенствоваться.

В подгруппе педагогов со стажем свыше 10 лет значимыми мотивами становятся: заработок; потребность в достижении престижа и уважения; стремление к продвижению; намеченный уровень мобилизации усилий; волевое усилие; внутренний мотив.

Данные результаты могут указывать на происходящее понимание и принятие себя как состоявшегося профессионала, желание сохранить и укрепить достигнутый уровень компетенции, а также на возникновение желания получить признание собственного профессионального статуса со стороны окружающих и администрации.

Таким образом, уже на этапе первичного анализа полученных данных установлены различия в доминирующих мотивах педагогов ДОО с разным трудовым стажем по сравнению с общими по выборке показателями значимости мотивов трудовой деятельности, что позволяет проверить достоверность различий в составе мотивации воспитателей с разным стажем труда. Выявленные особенности доминирующих мотивов трудовой деятельности соответствуют изменениям содержания и характера выполнения педагогической деятельности, происходящим в ходе профессионализации.

На втором этапе обработки данных эмпирического исследования был проведён анализ различий показателей МПД по группам педагогов ДОО с разным трудовым стажем с применением критерия Н-Карскала-Уоллиса. В табл. 3 приведены статистически зна-

Таблица 3 / Table 3

Статистически значимые различия в мотивации труда педагогов ДОО в зависимости от трудового стажа / Statistically significant differences in preschool teachers' work motivation depending on work experience

Подгруппы выборки в зависимости от стажа	Мотивы			
	«Денежный заработок»		«Оценка достигнутых результатов»	
	Значения среднего ранга	Уровень значимости	Значения среднего ранга	Уровень значимости
1 (до 5 лет)	10,65	0,036	19,85	0,012
2 (5–10 лет)	15,45		17,65	
3 (свыше 10 лет)	20,40		9,00	

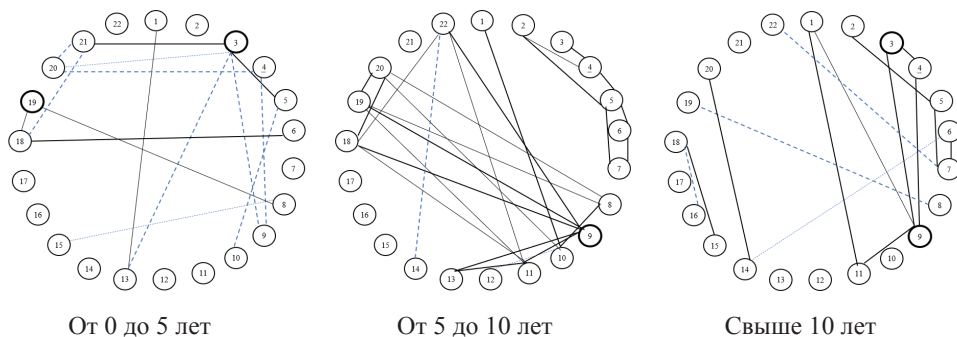
Источник: данные авторов.

чимые различия в мотивации труда педагогов ДОО в зависимости от трудового стажа.

Установлено наличие статистически значимых различий по мотивам «Денежный заработок» и «Оценка уровня достигнутых результатов», что указывает на неправомерность изучения структуры мотивации по всей выборке в целом без учёта особенностей мотивации в зависимости от трудового стажа. Можно утверждать о возрастании значимости мотива заработка с увеличением времени работы по профессии для педагогов ДОО. Чем больше стаж и полученный опыт, тем чаще вос-

питатель желает получать достойную оплату собственного труда. Обратная ситуация складывается в отношении мотива «оценка уровня достигнутых результатов»: для педагогов со стажем до 5 лет данный мотив является статистически более значимым, чем для воспитателей с большим стажем.

На третьем этапе анализа и интерпретации полученных данных был осуществлён корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена. На основании его результатов на рис. 1 была визуализирована структура мотивации педагогов ДОО отдельно для каждой подгруппы респондентов.

Примечание: 1 – денежный заработок, 2 – стремление к продвижению по работе, 3 – стремление избежать критики со стороны руководителя или коллег, 4 – стремление избежать возможных наказаний или неприятностей, 5 – потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других, 6 – удовлетворение от самого процесса и результата работы, 7 – возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности, 8 – внутренний мотив, 9 – познавательный мотив, 10 – мотив избегания, 11 – состязательный мотив, 12 – мотив смены деятельности, 13 – мотив самоуважения, 14 – значимость результатов, 15 – сложность задания, 16 – волевое усилие, 17 – оценка уровня достигнутых результатов, 18 – оценка своего потенциала, 19 – намеченный уровень мобилизации усилий, 20 – ожидаемый уровень результатов, 21 – закономерность результатов, 22 – инициативность.

$r > 0,30 \leq 0,69$ – умеренная

положительная связь: —————

$r > -0,30 \leq -0,69$ – умеренная

отрицательная связь: - - - - -

$r > 0,70 \leq 1,00$ – сильная положительная

связь: —————

$r > -0,70 \leq -1,00$ – сильная отрицательная

связь: - - - - -

Рис. 1. / Fig. 1. Взаимосвязи между компонентами в структуре мотивации профессиональной деятельности педагогов ДОО с разным трудовым стажем / The relationship between the components in the structure of work motivating of preschool teachers with different work experience

Источник: данные авторов.

Структурный анализ предполагает изучение взаимосвязи элементов структуры с выделением объективных показателей её функционирования, возможностью изучения динамики развития структуры, а также её сравнение с другими структурами.

Основные числовые характеристики структуры МПД педагогов ДОО с

разным трудовым стажем представлены в табл. 4.

В структуру МПД педагогов ДОО со стажем до 5 лет входит 14 составляющих (см. рис. 1. и табл. 4). Среди составляющих присутствуют 15 умеренных и сильных взаимосвязей. К числу компонентов, имеющих больше всего умеренных или сильных статистиче-

Таблица 4 / Table 4

Характеристики структуры мотивации педагогов ДОО с разным трудовым стажем / Characteristics of the structure of motivation of preschool teachers with different work experience

Подгруппа	1	2	3
Стаж, годы	До 5	5–10	Свыше 10
Количество элементов в структуре	14	18	16
Количество взаимосвязей в структуре	15	25	15
Количество взаимосвязей на высоком уровне значимости	5	12	11
Индекс когерентности системы (ИКС)	9	38	26
Индекс дифференцированности системы (ИДС)	14	2	6
Индекс организованности системы (ИОС)	0	36	20
Доминирующие компоненты*	стремление избежать критики (3); самоуважение (13); оценка своего потенциала (18); ожидаемый уровень результатов (20); закономерность результатов (21)	познавательный мотив (9); состязательный мотив (11)	возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности (7); познавательный мотив (9)
Базовые компоненты*	стремление избежать критики (3); намеченный уровень мобилизации усилий (19)	познавательный мотив (9)	стремление избежать критики (3); познавательный мотив (9)
Средний вес компонентов	1,53	2,1	2,13

Источник: данные авторов.

ски значимых взаимосвязей с другими компонентами, относятся: стремление избежать критики, самоуважение, оценка своего потенциала, ожидаемый уровень результатов, закономерность результатов. Данные мотивы имеют 3 и более статистических взаимосвязей с остальными компонентами структуры мотивации, т. е. могут задействовать вместе с собственной актуализацией и другие мотивы выполнения деятельности воспитателя на нормативном уровне. Характерной особенностью структуры является присутствие как положительных, так и отрицательных интракорреляций, что может косвенно указывать на несбалансированность структуры в целом. Так, чем выше стремление воспитателя избежать критики со стороны коллег, администрации и родителей воспитанников, тем выше у него потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других ($r=0,884$, $p=0,001$), тем более значима закономерность получаемых им результатов труда ($r=0,706$, $p=0,022$). В то же время чем выше стремление воспитателя избежать критики со стороны, тем ниже актуализирован познавательный мотив ($r=-0,845$, $p=0,002$), мотив самоуважения ($r=-0,734$, $p=0,016$), и тем меньше мотивирует ожидаемый уровень результатов ($r=-0,884$, $p=0,034$). Чем выше значимость самоуважения, тем выше значимость заработка ($r=0,665$, $p=0,036$). Чем более значима оценка собственного потенциала, тем более значимо удовлетворение от процесса и результата работы ($r=0,905$, $p=0,000$), тем более значим намеченный уровень мобилизации усилий ($r=0,696$, $p=0,025$), но тем менее важна закономерность полученного результата

($r=-0,704$, $p=0,023$). Чем выше для начинающего педагога ДОО ожидаемый уровень результатов, тем менее значимо стремление избежать наказаний со стороны ($r=-0,700$, $p=0,024$) и закономерность полученного результата ($r=-0,797$, $p=0,006$).

Таким образом, для педагогов детского сада со стажем работы до 5 лет избегание критики со стороны имеет больше взаимосвязей в структуре, чем какой-либо иной компонент. Вместе с тем, опасаясь замечаний от участников образовательного процесса, воспитатель акцентирует внимание на закономерности получаемых им результатов труда, меньше времени может уделять возможностям познания нового на рабочем месте, слабо отстаивает собственную позицию под давлением окружающих и не всегда рассчитывает на собственные силы и возможности. Пытаясь поддержать чувство собственного достоинства, воспитатель стремится получать удовлетворение от процесса и результата работы, но не всегда объективно оценивает способы и методы его получения. Результат становится важнее. Данные особенности ярко характеризуют позицию «новичка», который адаптируется к новому месту работы и к профессии.

Базовыми компонентами системы (см. табл. 4), имеющими большее количество статистически значимых положительных связей и больший удельный вес, в структуре мотивации труда педагогов ДОО являются: стремление избежать критики и намеченный уровень мобилизации усилий. Другими словами, определяющими поведение начинающего воспитателя будут такие факторы, как избегание критики, стремление проверить себя на рабочем

месте и желание получить статус профессионала в собственных глазах.

Анализируя структуру мотивации на данном этапе профессиональной деятельности как целостность (см. табл. 4), можно утверждать, что она дезинтегрирована, и процессы дифференциации преобладают над процессами интеграции (ИКС<ИДС), т. е. структура не целостна (ИОС=0), что указывает на этап её становления, выделение мотивов из уже имеющихся, осознание действенности отдельных мотивов в профессиональной педагогической деятельности воспитателя.

В соответствии со взглядами В. Д. Шадрикова [10], в первые годы работы происходит адаптация к профессиональной деятельности и её принятие. Воспитатели более сосредоточены именно на выполнении педагогической деятельности. Принятие профессии порождает желание выполнять работу определённым образом, добиваться поставленных результатов. В этот период начинающим педагогам важно избегать критики. Молодые педагоги ДОО амбициозны, знают чего хотят, чётко ставят перед собой цели и добиваются их. Воспитатели в своих решениях учитывают мнение окружающих, но не слепо доверяют ему. Для них немалое значение имеет самореализация. В данный период происходит формирование траектории профессионального развития и индивидуального стиля деятельности. Педагоги ДОО выбирают способ своего существования в профессии, обретают профессиональную идентичность.

В структуру мотивации педагогов ДОО со стажем 5–10 лет входит 18 составляющих (см. рис. 1 и табл. 4). Между составляющими зафиксиро-

вано 25 значимых корреляционных связей, из них 12 – на высоком уровне значимости. При этом характер связей в большинстве случаев положительный. Можно сделать вывод об изменении характера структуры мотивации и увеличении её компонентного состава.

Больше всего умеренных или сильных статистически значимых взаимосвязей с другими компонентами имеют: познавательный мотив и состязательный мотив, имеющие по 6 положительных связей с остальными составными компонентами МПД педагогов детского сада. Для группы воспитателей с меньшим стажем данные мотивы не были представлены в структуре мотивации. Подобное изменение структуры представляется закономерным, поскольку для воспитателей со стажем от 5 до 10 лет профессиональная деятельность становится способом самореализации и самоактуализации.

Опишем взаимосвязи доминирующих мотивов. Так, чем выше значимость познания нового на рабочем месте для педагога, тем выше стремление к профессиональным достижениям и соревнованиям ($r=0,931$, $p=0,000$), оценка собственного потенциала и возможностей ($r=0,824$, $p=0,003$), самоуважение ($r=0,765$, $p=0,010$), инициативность ($r=0,745$, $p=0,014$) и уровень мобилизации ресурсов ($r=0,713$, $p=0,021$). Чем ярче выражен состязательный мотив, тем выше стремление к самоуважению ($r=0,826$, $p=0,003$), оценка собственного потенциала и возможностей ($r=0,639$, $p=0,047$), уровень мобилизации усилий ($r=0,670$, $p=0,034$). Данные доминирующие мотивы можно назвать дублирующими, вероятно, составляющими отдельную подсистему в системе мотивации про-

фессиональной деятельности воспитателей детского сада, поскольку они взаимосвязаны с одними и теми же компонентами.

Подсчёт индекса организованности (см. табл. 4) позволяет утверждать о стремлении структуры к интеграции в противовес дифференциации (ИКС>ИДС, ИОС=36). Данные изменения указывают на формирование избыточности состава структуры и готовности к реализации собственных функций в разнообразных условиях.

Базовыми в структуре МПД воспитателей детского сада можно считать познавательный мотив, поскольку он имеет больший удельный вес, т. е. в большей степени определяет её функционирование и взаимодействие с другими составляющими. В соответствии с теорией самодетерминации Э. Л. Деси и Р. М. Райана [11] познавательный мотив, имеющий в основе интерес, может выступать для воспитателей проявлением истинно внутренней мотивации, когда сам субъект выступает первопричиной собственного поведения.

По мнению В. Д. Шадрикова [10], в период трудового стажа от 5 до 10 лет происходит полное принятие профессии субъектом. Педагоги ДОО в этот период решают задачи воспитания и развития личности ребёнка через реализацию собственных ресурсов, запаса знаний, опыта, профессиональной идентичности. На этом этапе педагоги способны стабильно работать, умеют решать задачи среднего уровня сложности, а при невозможности решить профессиональные задачи – ищут и осваивают новые способы их решения. Воспитатель активен, инициативен, открыт для нового. Трудности воспри-

нимаются как вызов, а желание реализовать себя и проявить собственный профессиональный статус приводят к достижению вершин профессионального мастерства. У воспитателей появляются новые мотивы в структуре мотивации, они начинают задействовать дополнительные ресурсы для полной реализации в профессии. Педагоги ДОО ставят перед собой задачи нового качества и уровня сложности, понимают суть педагогической деятельности, трудности и проблемы, возникающие в работе воспитателя. Можно говорить об обретении педагогом профессиональной самооценности, достижении им успеха, и об его надёжности. Особенности структуры и интракорреляций в ней указывают на то, что воспитатель со стажем от 5 до 10 лет и более может быть готов к выходу на уровень управления и администрирования [8; 9].

В структуру мотивации педагогов ДОО со стажем свыше 10 лет входит 16 составляющих (см. рис. 1 и табл. 4). Между составляющими 16 умеренных и сильных корреляционных связей, из них 11 находятся на высоком уровне значимости. Присутствуют как положительные, так и отрицательные взаимосвязи. Структура обедняется по составу. Возможно, педагоги ДОО в этот период переживают кризис, переоценивают то, что с ними происходит.

Доминирующими в структуре являются: познавательный мотив, имеющий 4 положительные корреляционные связи с другими составляющими, и мотив самореализации в деятельности, имеющий 3 взаимосвязи с остальными компонентами.

Чем выше у воспитателя стремление получать новые знания и новый

опыт, тем более выражен состязательный мотив ($r=0,797$, $p=0,006$), выше стремление избегать критики ($r=0,762$, $p=0,01$), стремление к избеганию наказания ($r=0,726$, $p=0,017$), тем выше значимость заработка ($r=0,651$, $p=0,041$). Чем выше значимость самореализации в профессии для воспитателя, тем более важно получать удовлетворение от работы ($r=0,845$, $p=0,002$), тем более важно получить статус и престиж ($r=0,759$, $p=0,011$), тем менее значимо проявлять инициативу в профессиональной деятельности ($r=-0,707$, $p=0,022$). Данные взаимосвязи можно проинтерпретировать следующим образом: для воспитателя со стажем работы свыше 10 лет важно получать новый опыт, достигать профессиональных побед, быть уважаемым специалистом, получать удовлетворение от собственной работы, реализовывая себя, иметь статус профессионала. В то же самое время значимость инициативы в профессии может снижаться с увеличением стажа, и для педагога детского сада важнее выполнять понятную для него работу привычными способами, наработанными годами, что подтверждается исследованиями [9].

Базовыми мотивами в структуре МПД педагогов ДОО со стажем свыше 10 лет являются познавательный мотив и стремление избегания критики. Примечательно, что стремление избегать критики не имеет статуса доминирующего мотива, но имеет больший удельный вес в структуре по сравнению с мотивом самореализации, относящемуся к доминирующим мотивам. Налицо расхождение декларируемого мотива самореализации в противовес имплицитному, но взаимосвязанному с другими составляющими более

сильными связями на более высоком уровне значимости. Другими словами, педагоги ДОО со стажем свыше 10 лет стремятся избегать критики и опасаются её со стороны окружающих, хотя не готовы этого афишировать.

Структура мотивации в целом достаточно интегрирована и организована (ИКС>ИДС, ИОС=20). Увеличение удельного веса компонентов в её составе указывает на то, что лишние взаимосвязи инволюционировали со временем, и остались только наиболее востребованные. Распад функциональных связей может стать также результатом переживания возрастных и профессиональных кризисов.

В соответствии с концепцией системогенеза [5; 10] основной задачей развития на данном этапе является выбор способа своего дальнейшего существования в профессии, пересмотр смысла и роли профессиональной деятельности в жизни. В профессии остаются «идейные» профессионалы, ориентированные, собственно, на работу воспитателя.

Таким образом, структура мотивации профессиональной деятельности педагогов ДОО является не статичным образованием. Она меняется у педагогов с разным трудовым стажем, с прохождением этапов профессионализации, приобретает интегрированный, более организованный вид. В ходе её развития изменяется состав структуры, функциональная роль компонентов в структуре, увеличивается удельный вес её составляющих. Изменения структуры в целом согласуются с этапами системогенеза и позволяют закономерно воздействовать на структуру, актуализируя отдельные её составляющие.

Знание базовых мотивов и понимание их функциональной роли в структуре мотивации педагогов ДОО позволяет выбирать мишени воздействия и разработать стратегии оптимизации мотивации профессиональной деятельности воспитателей с разным трудовым стажем.

Исходя из ключевой задачи психологии труда – гармонизации отношений человека с профессией – следует строить программу поддержки мотивации

на основе удовлетворения базовых в структуре мотивации у педагогов ДОО составляющих. Основываясь на принципах системного подхода, можно через актуализацию базовых в структуре мотивов актуализировать взаимосвязанные с ними составляющие, обогащая мотивацию воспитателей.

В табл. 5 показаны примеры психологических способов актуализации базовых мотивов для педагогов детского сада с разным трудовым стажем.

Таблица 5 / Table 5.

Психологические способы актуализации мотивации профессиональной деятельности воспитателей детского сада с разным стажем / Psychological ways of updating the work motivation of preschool teachers with different work experience

Педагоги дошкольного образовательного учреждения		
Стаж до 5 лет	Стаж 5–10 лет	Стаж свыше 10 лет
Базовые мотивы		
стремление избежать критики со стороны; намеченный уровень мобилизации усилий	познавательный мотив	познавательный мотив; стремление избежать критики со стороны
Психологические способы актуализации мотивации воспитателей		
моральная и психологическая поддержка начинающего педагога; задачи-вызовы с критериями оценки успешности решения; анализ проблем в деятельности; помощь в решении проблем; конструктивная критика; подчёркивание заслуг и успехов в профессиональной деятельности; наставничество; развивающее интервью; дополнительное обучение	дополнительное обучение; время на освоение нового; стажировка; возможность разработки и внедрения авторских методов; обмен опытом с коллегами; проведение мастер-классов; участие в конкурсах профмастерства и авторских методических разработок; подчёркивание заслуг, опыта и знаний; выход на уровень администрирования	возможность повышения квалификации в смежных профессиональных областях; время на освоение нового; самостоятельный выбор сферы приложения усилий; возможность разработки и внедрения авторских методов; обмен опытом с коллегами; проведение мастер-классов; участие в конкурсах профмастерства и авторских методических разработок; подчёркивание заслуг, опыта и знаний; моральная, психологическая поддержка; возможность стать наставником; помощь в разрешении проблем; задачи-вызовы с критериями оценки успешности решения организационно-административного характера

Источник: данные авторов.

Для начинающих педагогов детского сада со стажем работы до 5 лет базовыми мотивами являются стремление избежать критики и намеченный уровень мобилизации усилий. Следовательно, для поддержания мотивации воспитателей целесообразно оказывать поддержку их деятельности, акцентировать внимание на успехах и результатах, критиковать конструктивно, делаясь опытом и предлагая варианты коррекции деятельности. Полезным с точки зрения поддержания мотивации и развития профессионализма молодых сотрудников представляется прикрепление к наставнику – опытному коллеге, который поможет проанализировать причины возникновения трудностей в выполнении деятельности, важным аспектом также становятся возможности делиться опытом в профессиональном сообществе и проходить дополнительное обучение отдельным методическим аспектам выполнения деятельности. Представленные меры могут быть осуществлены на уровне администрации, а непосредственное руководство конкретного детского сада может с помощью данных мер, подкрепляемых в том числе материальными мерами поддержки, удерживать и вырастить молодого специалиста до профессионала.

Для воспитателей со стажем от 5 до 10 лет базовым мотивом в структуре является познавательный. Следовательно, для поддержания мотивации воспитателей со стажем от 5 до 10 лет целесообразно пробуждать и поддерживать постоянный интерес к профессии, что может быть реализовано за счёт обучения на курсах повышения квалификации, освоения новых и междисциплинарных методических

приёмов реализации деятельности, получения новых знаний и опыта – всё это должно стать неотъемлемой частью мотивационных программ. Получать новый опыт можно, также участвуя в различных конкурсах профессионального мастерства, в коллективных разработках авторских методик, осуществляя администрирование и руководство проектами. Данная работа должна цениться и поддерживаться со стороны руководства детского сада. За период 5–10 лет педагог ДОО должен получить статус профессионала – воспитателя, владеющего современными методами воспитания, обучения и развития ребёнка.

Для педагогов детского сада со стажем свыше 10 лет базовыми в структуре мотивации являются познавательный мотив и стремление избежать критики. Уже состоявшиеся профессионалы-воспитатели вновь становятся уязвимы к замечаниям, поэтому целесообразно не просто оказывать поддержку, но при этом давать коллегам возможность подчеркнуть и ещё раз отметить профессионализм педагога, мотивировав его к участию в методических разработках более высокого уровня и более дальнего срока действия, к стремлению самостоятельно организовывать и участвовать в мастер-классах, делиться опытом с более молодыми коллегами и уже самостоятельно выступать в роли наставника. Представленный перечень задач должен дополняться мерами и материальной поддержки, ведь для воспитателей детского сада со стажем свыше 10 лет значимость заработка возрастает.

Таким образом, на основании анализа и интерпретации особенностей структуры МПД педагогов ДОО

представляется возможным мотивировать воспитателя не только материальными, но и психологическими способами. Понимание системогенеза мотивации профессиональной деятельности позволяет глубоко понимать метаморфозы в структуре мотивации и формировать стратегии управления сотрудниками, поддерживая внутреннюю мотивацию педагогов ДОО. Для оптимизации структуры мотивации педагогов с разным трудовым стажем мотивирование должно быть комплексным, дифференцированным, гибким, оперативным и зависеть от ситуации и личности конкретного сотрудника.

Заключение

Проведённое исследование позволило описать особенности структуры мотивации педагогов детского сада с разных позиций: определить состав структуры, показать интракорреляции между составляющими, охарактеризовать доминирующие и базовые компоненты, описать характер структуры в целом и показать особенности её функционирования.

В результате исследования установлено, что компонентный состав МПД воспитателей с разным трудовым стажем изменяется закономерно в соответствии с прохождением этапов профессионализации.

Профессиональная деятельность воспитателя со стажем до 5 лет детерминирована, в первую очередь, стремлением избежать критики и соответствовать требованиям профессии, быть результативным и реализовы-

вать себя. Для воспитателей со стажем от 5 до 10 лет базовыми побудителями является уже внутренний мотив – стремление получать новый опыт. В совокупности с доминированием состязательного мотива над другими, данные особенности оформляются в устойчивую мотивационную тенденцию – стать профессионалом и обрести собственную профессиональную идентичность. У воспитателей со стажем свыше 10 лет деятельность регулируется прежде всего стремлением избежать критики и получать новый опыт, т. е. развиваться в привычных для себя рамках, определить типичный способ существования себя в профессии, поэтому чем старше воспитатель, тем сложнее он осваивает инновационные способы профессиональной деятельности.

Зафиксированные особенности состава, взаимосвязей в структуре, а также понимание базовых компонентов в составе структуры дают возможность воздействовать на наиболее значимые составляющие со стороны, актуализировать нематериальными, собственно психологическими способами внутренние мотивы, поддерживая реализацию профессиональной педагогической деятельности на нормативном уровне.

Перспективой данного исследования может выступать практическое применение полученных знаний об особенностях структуры мотивации в виде проектирования мер поддержки мотивации педагогов ДОО.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбушина А. В., Корчагина Г. И. Закономерности изменения мотивации профессиональной деятельности педагогов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 696–718. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-4-696-718
2. Завалишина Д. Н. Модели профессионального развития человека // Психологические основы профессиональной деятельности. М.: ПЕР СЭ: Логос, 2007. С. 508–516.
3. Зубарева В. Р., Камшилов С. Г. Дифференцированный подход к мотивации персонала в детских образовательных учреждениях // Общество, экономика, управление. 2018. Т. 3. № 2. С. 78–83.
4. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: ИП РАН, 2004. 506 с.
5. Карпов А. В. Структурная организация // Психология деятельности. Т. 2. М.: РАО, 2015. 463 с.
6. Рогова Е. Е., Панкратова И. А. Взаимосвязь профессиональных представлений и трудовой мотивации педагогов дошкольных образовательных учреждений // Мир науки. 2016. Т. 4. № 6. С. 20.
7. Слепко Ю. Н., Ледовская Т. В., Цымбалюк А. Э. Анализ данных и интерпретация результатов психологического исследования. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. 223 с.
8. Филинкова Е. Б. Уровень и личностные факторы готовности педагогов дошкольного и среднего образования к переходу на управленческую работу // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 72–81.
9. Филинкова Е. Б. Возраст и стаж как детерминанты психологической готовности учителей и воспитателей ДОО к управленческой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 87–100. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-87-100
10. Шадриков В. Д. Системогенез деятельности. Игра. Учение // Системогенез профессиональной и учебной деятельности. Труд. Т. 1. М.: Изд. дом РАО; Ярославль: ЯрГУ, 2017. 326 с.
11. Ryan R. M., Deci Ed. L. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions [Электронный ресурс] // Contemporary Educational Psychology. 2020. № 61. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 15.10.21).
12. Torquati J. C., Raikes H., Huddleston-Casas C. A. Teacher education, motivation, compensation, workplace support, and links to quality of center-based child care and teachers' intention to stay in the early childhood profession // Early Childhood Research Quarterly. 2007. Vol. 22. № 2. P. 261–275. DOI: 10.1016/j.ecresq.2007.03.004
13. Vannini I. Beliefs and motivation to teaching in pre-service teachers. A reasearch within the students of the pre-service university degree course for pre-school and primary school teaching in the University of Bologna // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2011. № 15. P. 731–737. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.03.174.

REFERENCES

1. Gorbushina A. V., Korchagina G. I. [Regularities of changes in the motivation of professional activity of teachers]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2020, vol. 17, no. 4, pp. 696–718.
2. Zavalishina D. N. [Models of human professional development]. In: *Psihologicheskie osnovy professional'noj deyatel'nosti* [Psychological foundations of professional activity]. Moscow, PER SE Publ., Logos Publ., 2007, pp. 508–516.

3. Zubareva V. R., Kamshilov S. G. Differentiated approach to the motivation of personnel in children's educational institutions. In: *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie* [Society, Economics, Management], 2018, vol. 3, no. 2, pp. 78–83.
4. Karpov A. V. *Metasistemnaya organizatsiya urovnevnykh struktur psihiki* [Metasystemic organization of level structures of the psyche]. Moscow, IP RAS Publ., 2004. 506 p.
5. Karpov A. V. [Structural organization]. In: *Psihologiya deyatel'nosti*. T. 2 [Psychology of activity. Vol. 2]. Moscow, RAO Publ., 2015. 463 p.
6. Rogova E. E., Pankratova I. A. [Interrelation of professional ideas and labor motivation of teachers of preschool educational institutions]. In: *Mir nauki* [World of Science], 2016, vol. 4, no. 6, p. 20.
7. Slepko Yu. N., Ledovskaya T. V., Tsymbalyuk A. E. *Analiz dannykh i interpretatsiya rezul'tatov psihologicheskogo issledovaniya* [Data analysis and interpretation of the results of psychological research]. Yaroslavl, RIO YAGPU Publ., 2018. 223 p.
8. Filinkova E. B. [Level and personal factors of readiness of teachers of preschool and secondary education for the transition to managerial work]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 72–81.
9. Filinkova E. B. [Age and experience as determinants of psychological readiness of teachers and preschool educators to management activities]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2019, no. 1, pp. 87–100. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-87-100
10. Shadrikov V. D. [System genesis of activity. The game. Teaching]. In: *Sistemogenez professional'noj i uchebnoj deyatel'nosti. Trud. T. 1* [System genesis of professional and educational activities. Work. Vol. 1]. Moscow, RAO Publ., Yaroslavl, YarSU Publ., 2017, 326 p.
11. Ryan R. M., Deci Ed. L. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. In: *Contemporary Educational Psychology*, 2020, vol. 61. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 15.10.2021).
12. Torquati J. C., Raikes H., Huddleston-Casas C. A. Teacher education, motivation, compensation, workplace support, and links to quality of center-based child care and teachers' intention to stay in the early childhood profession. In: *Early Childhood Research Quarterly*, 2007, vol. 22, no. 2, pp. 261–275. DOI: 10.1016/j.ecresq.2007.03.004
13. Vannini I. Beliefs and motivation to teaching in pre-service teachers. A reasearch within the students of the pre-service university degree course for pre-school and primary school teaching in the University of Bologna. In: *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2011, no. 15, pp. 731–737. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.03.174

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбушина Анастасия Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Вятского государственного университета;
e-mail: av_gorbushina@vyatsu.ru; ORCID: 0000-0003-3899-6491

Телицына Екатерина Александровна – воспитатель Детского сада № 6 г. Кирова;
email: etekicyna@inbox.ru

Шишкина Александра Николаевна – младший научный сотрудник кафедры психологии Вятского государственного университета;
e-mail: an_shishkina@vyatsu.ru; ORCID: 0000-0003-4952-6102

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasia V. Gorbushina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology, Vyatka State University;

e-mail: av_gorbushina@vyatsu.ru; ORCID: 0000-0003-3899-6491

Ekaterina A. Telitsyna – Pre-school Teacher, Kindergarten № 6 of Kirov;

email: etekicyna@inbox.ru

Aleksandra N. Shishkina – Junior Researcher, Department of Psychology, Vyatka State University;

e-mail: an_shishkina@vyatsu.ru; ORCID: 0000-0003-4952-6102

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горбушина А. В., Телицына Е. А., Шишкина А. Н. Особенности структуры мотивации профессиональной деятельности педагогов дошкольного образовательного учреждения с разным трудовым стажем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 144–162.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-144-162

FOR CITATION

Gorbushina A. V., Telitsyna E. A., Shishkina A. N. Features of the structure of motivation for the professional activity of teachers of a preschool educational institution with different work experience. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 1, pp. 144–162.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-144-162

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчики Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10,25, уч.-изд. л. 11.
Подписано в печать: 31.03.2022. Выход в свет: 01.04.2022. Заказ № 2022/03-07.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А